

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

1. 2022

22.01.22 в школе № 2 селения Кахун по инициативе Союза писателей Кабардино-Балкарии состоялась презентация книги «Родниковая сила», выпущенной автором нового творческого проекта «Сподвижники времени: слово и искусство» Натальей Шинкаревой. В книге собран уникальный материал о жизни и судьбе яркого представителя литературы Кабардино-Балкарии – народного поэта КБАССР, заслуженного деятеля искусств КБАССР Амирхана Хавпачева, и лучшие его произведения, переведенные на русский язык.

В церемонии приняли участие народный поэт Кабардино-Балкарской Республики, заместитель председателя правления СП КБР, секретарь правления СП РФ Муталип Беппаев; руководитель Общества книголюбов Кабардино-Балкарии, заслуженный работник культуры КБР, ответственный секретарь СП КБР Наталья Шинкарева; писатель, редактор, член СП России Петр Хатуев. Почетными гостями мероприятия стали представители рода Хавпачевых – потомки героя книги, проживающие сейчас в селении Кахун, а также представители общественности и учащиеся школы.

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Бепшаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Мотгаева
Александр Мусукаев
Александр Пряжников
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

1. 2022 ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Уважаемые читатели,

редакция журнала «Литературная Кабардино-Балкария поздравляет всех вас с наступившим 2022 годом, желает вам, вашим близким, всему народу Кабардино-Балкарии здоровья, удачи и выражает надежду, что трудности и проблемы последних двух лет нашей жизни в течение нескольких месяцев останутся в прошлом. Мы надеемся, что замеченные вами позитивные изменения «ЛКБ» станут более рельефными, превратятся в системные черты журнала, и наше издание выйдет на новый уровень эстетического качества и популярности.

«Литературная Кабардино-Балкария» с самого первого своего номера – а нам, как вы, уважаемые читатели, помните, уже исполнилось 30 лет, – решала две стратегические задачи. Первой была презентация лучших произведений авторов республики, представление общей картины литературного контекста КБР. Второй – поиск новых талантов, пропаганда их творчества. Мы будем решать эти задачи и в обозримом будущем.

Однако сегодня стало ясно, что этого мало. Мало с учётом ситуации, складывающейся в культурном пространстве страны. Списки наиболее популярных у россиян книг, а ещё более – количество новых авторов, приходящих в серьёзную прозу и поэзию, говорят о многом. И мы ведём речь о русскоязычном секторе, о литературе, имеющей вековые традиции, огромный ресурс прочности, выраженный как уровнем предыдущих поколений писателей, так и масштабом читательской аудитории.

Что же происходит у нас, на нашей малой Родине? Оговоримся сразу, художественная словесность Кабардино-Балкарии – явление отнюдь не среднестатистическое. Так получилось, что эта земля оказалась щедрой на таланты. Смешной аргумент, но достаточно показательный – общее количество языков, на которые переведены тексты наших земляков, уходит далеко за двести. Да, это показатель степени официального признания, но разве таковое складывается лишь из соображений конъюнктуры и идеологической ангажированности? Конечно, нет. Но это, увы, было вчера. А в нашем «сейчас», тянущемся уже два десятилетия – литература республики находится в глубочайшем кризисе.

Нельзя по-другому охарактеризовать положение, при котором полностью иссяк приток новых имён. Ни одного молодого автора-балкарца, один или двое кабардинцев, столько же русскоязычных. Тиражи единственного государственного издательства, исчисляющиеся парой-тройкой сотен экземпляров, пылятся на полках книжных магазинов; как справедливо заметил один из выступавших на последнем съезде СП КБР, «пора говорить об исчезновении не только авторов, но и читателей».

Поэтому редакция «ЛКБ» считает необходимым несколько модернизировать формы своей деятельности. Как, наверное, заметил чита-

тель, журнал начал уделять больше внимания литературоведческим материалам – как обзорным, так и проблемно-теоретическим. Мы хотим знать причины происходящего, перспективы и компенсаторные механизмы нашей прозы, нашей поэзии и драматургии. Мы хотим знать реальный и ближайший кадровый резерв. И поэтому, совместно с Союзом писателей КБР, «Литературная Кабардино-Балкария» будет активно участвовать в поиске и, насколько это вообще возможно, в воспитании новых авторов, если конкретней – при редакции журнала планируется открыть литературное объединение с привлечением к его работе наших признанных мастеров слова.

Мы хотим открыть возможность выхода на читателя для художников и творцов любого формата, направления и стиля. Мы согласны и будем публиковать работы наших авторов в статусе аванса в счёт будущего мастерства – произведения, отмеченные индивидуальной оригинальностью мышления, отвечающие самым демократичным требованиям к «техническим» параметрам текста. Редакция журнала гарантирует, что ни одна талантливая страница, поступившая на её рассмотрение, не будет предана забвению.

Наш первый номер 2022 года мы постарались собрать именно по этому принципу. Как можно более увеличив дистанцию между крайними точками представленного диапазона произведений – в их стилевой, статусной, профессиональной и модальной составляющих. От глав из романа Хасана Шаваева с его сложнейшей хронотопической рефлексией, до прозрачных образов сказки не известной широкому читателю Фатимы Тхагапсовой, от жёсткой экспрессии короткого этюда Омара Беккиева, до мягкого и – как приятно употребить это слово в его первичном, далёком от политики, смысле! – толерантного юмора Сусаны Чолаковой. Надеемся, читателю будет понятен замысел нашего первого в этом году номера, и также ожидаем отзывов на него. Ваша поддержка и внимание – то, ради чего и благодаря чему существуют журналы вообще, «Литературная Кабардино-Балкария» в частности.

ЗЕМНОЙ АД

Повесть

I

Весна 1932 года. Раннее утро. Ветерок, разогнавший густой туман, тревожит кусты лещины недалеко от коша Атабия, и шум их напоминает вздохи до смерти уставшего человека. Внутри коша довольно прохладно; зола в тесном очаге влажная – на улице всю ночь лило как из ведра, и в отверстие над очагом капала вода. Атабий давно уже встал и пытается разжечь огонь. Время от времени перекладывая очажные щипцы из одной руки в другую, он уже довольно долго ворошит золу. Порой он шмыгает носом, потирает его испачканной

рукой и потому лицо у него в саже.

Прежде чем лечь спать (хотя какой там сон – с тех пор как его отца арестовали, он полночи, считай, не спит), Атабий позаботился о том, чтобы к утру в очаге оставались угольки, но дождь, похоже, не посчитался с его трудами. Все же ему удалось найти едва тлеющую головешку, и, неустанно дуя на нее, он все-таки смог ее оживить. Атабий набросал на нее сухих щепок, и вскоре в очаге заплясали язычки пламени. Дождявших, пока они разгорятся, он подложил поленьев и вышел на улицу. Вернулся, неся в руках седло. Положив его на пол перед очагом, он сел на него и стал греть у огня руки.

Атабий давно уже не спускался в село. На то была веская причина: среди односельчан найдется немало таких, кто с радостью отправит его вслед за отцом. В их числе был и его довольно близкий родственник Батырбий. Поэтому он постарался забраться поглубже в лес и устроил здесь себе временное становище. В хозяйстве у него корова, десяток овец, сильный и резвый осел. Есть и вся необходимая утварь.

Абдулкерим, отец Атабия, довольно быстро понял, что ничем хорошим заваруха, начавшаяся в последнее время, не закончится, поэтому без крайней нужды старался не показываться в селе. И все же однажды туманной ночью он оставил сына одного и тронулся в путь, чтобы навестить жену и заодно узнать, что творится в мире. Несмотря на явную опасность, он почему-то был уверен, что с ним ничего не случится. Но откуда ему было знать, что с его дома день и ночь не спускают глаз. Бедная Шерипа, его жена, скрывала свои слезы от соседей, но жила в постоянном предчувствии беды.

Абдулкерим не хотел иметь дела ни с красными, ни с белыми. Когда Батырбий и еще несколько человек сказали ему: «Примыкай к нам, большевики идут правильной дорогой», – он сказал как отрезал: «Идите, куда хотите, а мне дайте жить по-своему». Сразу же после этого разговора он и перенес свое стойбище как можно дальше, к самому подножью гор. Верхом дорога от Нижнего села до его коша занимала целый день. Но когда у людей начали отбирать скот, добрались и туда.

В человеке на белом коне, возглавляющем группу всадников, Абдулкерим сразу узнал Батырбия. То, что родство не помешает Батырбию напасть на него, он понял давно, для того чтобы угодить новой власти, Батырбий ни перед чем не остановится. Не проходило дня, чтобы он не распинаясь перед народом, выкрикивая затверженные лозунги: «Советская власть несет нам новую жизнь! Только мы поведем вас верной дорогой! Верьте нам!».

Батырбий был человеком расчетливым и неглупым. Да и выглядел он солидно: высокий, широкоплечий, с открытым высоким лбом. Следил он и за своей одеждой, ладно скроенная черкеска, каракулевая папаха, ноговицы, чупаки из хорошо выделанной кожи свидетельствовали о его аккуратности. До недавних пор он мало вмешивался в общественные дела, зато на всех торжествах был в центре внимания: красиво пел, замечательно танцевал. Неудивительно, что по нему сохло немало девушек. Причем интерес к нему проявляли и представительницы знатных родов. Поговаривали даже, что Байханат, дочь князя Канамата, через свою служанку дала ему знать, что не прочь стать снохой для его матери.

А меж тем Байханат была обладательницей многих достоинств: красивая, воспитанная, рукодельница. В отличие от прочих княжеских дочек, она могла за ночь скроить и пошить полушубок, и презирала людей, живущих чужим трудом. По большей части именно она готовила для всей семьи, и даже коров доила сама. Сюйюнчевы из Безенги частенько навещали к ним в гости, чтобы полакомиться яствами, приготовленными ею. И ничуть не скрывая, говорили, что их девушкам стоит учиться у Байханат готовить хычины с начинкой из свежего сыра.

Батырбий был из достаточно зажиточной семьи, да и происхождения был не самого низкого. И при большом желании с его стороны вряд ли кто стал бы ставить препоны его свадьбе с Байханат. Но сердце парня давно уже принадлежало Ахузат. Сватов, правда, он к ней еще не засылал, хотя дело явно шло к этому.

Ахузат была двоюродной сестрой Атабия по материнской линии. А родство Атабия и Батырбия позволяло ей вести себя с ним непринужденно. На торжествах она всегда была рядом с ними, да и домой возвращалась, держа их обоих под руки. Родители девушки не осуждали такое ее

поведение, ни разу ей не было сказано, что Батырбий фактически чужой человек, и не стоит с ним вести себя так свободно. К тому же Атабий всегда был рядом, а значит, чести Ахузат ничто не угрожало. Высокая, стройная Ахузат хорошо смотрелась рядом с Батырбием, и все сходилось во мнении, что из них получится отличная пара.

Ахузат тщательно следила за своим внешним видом, любила наряды, в ушах у нее всегда поблескивали сережки, на пальце красовалось колечко. И то и другое было из самого лучшего серебра. В свое время по настоянию отца Атабий поехал в Дагестан, чтобы получить религиозное образование. Но что-то у него там не заладилось, и он бросил учебу. Перед отъездом домой он заказал у лучшего мастера одинаковые сережки и колечки для своей родной сестры Дюгерхан и Ахузат. О том, как Ахузат относилась к Атабию, говорит то, что она всегда клялась его именем.

Батырбий был частым гостем в доме Абдулкерима. Дюгерхан понадобилось немного времени, чтобы понять причину этого, и сразу при появлении гостя она бежала за Ахузат. Благо бежать было недалеко: крыша дома Ахузат являлась двором их дома.

Как только Ахузат переступила порог, Батырбий вскочил, и стоял, не в силах оторвать от нее взгляд. Замерла на месте и девушка, постаравшаяся улыбнуться, чтобы скрыть смущение. Хотя это ей плохо удалось: по худощавому лицу ее разлилась краска, губы заалели, большие глаза подернулись дымкой.

– Вы что уставились? В первый раз видите друг друга? – Дюгерхан, известная шутница, иронично посмотрела на них. – Садись, Батырбий, не смущай девушку. А ты, Ахузат, пройди и сядь на топчан. Как-никак, ты Коран изучаешь, а таким людям надо оказывать почет.

– Да перестань ты, скажешь еще, – смутилась Ахузат.

– Зря ты этого стесняешься, изучать Коран – дело хорошее, – вмешался в разговор пришедший в себя Батырбий. – Кто знает, может, и мы потом будем брать у тебя уроки.

– Ну, тебе-то и я могу давать уроки, – сказала Дюгерхан. Она подошла к нему, обняла сзади и прижалась щекой к его щеке. Это сильно взволновало Ахузат, краска залила ее лицо, в ушах зазвенело, в глазах зарябило. Ей показалось, что все это происходит во сне; она протерла глаза, но, посмотрев, увидела ту же картину: Дюгерхан стояла, прижавшись щекой к щеке Батырбия. И Шерипа, как нарочно, возится у очага. Поручи она что-нибудь дочке, та быстро оставила бы парня в покое. «Бесстыдница ты, Дюгерхан», – сказала про себя Ахузат.

Будто прочитав ее мысли, Дюгерхан отпрянула от парня, и Ахузат тотчас пришла в себя. Лицо ее приняло обычный вид, стали видны дветри маленьких оспинки – следы перенесенной в детстве ветрянки.

Дюгерхан подошла к очагу, у которого возилась Шерипа, взяла в руки большой деревянный черпак с обгорелой ручкой и начала помешивать в казане. Там варились вяленые джерме¹. Шерипа еще раз перемешала в корыте крутое тесто из белой кукурузной муки и подвинула его к Дюгерхан. Закавав рукава, девушка принялась за дело: начала отрезать от теста небольшие куски, раскатывать их и осторожно опускать в кипящий бульон.

Батырбий был не прочь хоть сегодня умыкнуть Ахузат. По всему было видно, что и девушка тоже не очень стала бы возражать. Она не раз уже представляла себе, как Батырбий подъезжает на своем караковом остроухом жеребце, сажает ее впереди себя и пускает коня вскачь по направлению к своему поселку Усхур.

Мечты девушки немного омрачали воспоминания о последней встрече с Гогаем. «Даю слово, что больше ни слова на тебя не потрачу!» – запальчиво заявил он ей тогда, собираясь уходить.

– Ну и ступай! Плакать по тебе не стану! – ответила Ахузат, чувствуя, как по спине ее заструились капельки пота. Уже отошедший довольно далеко Гогай остановился и повернулся к ней.

– Целый год я на тебя потратил, и все, оказывается зря! Но так тому и быть, еще не поздно все исправить. Кстати, и жеребца, которого я подарил твоему брату, я заберу обратно.

– Ступай-ступай! Пусть это будет самой большой моей потерей. А коня твоего мой брат не выпрашивал у тебя. Уж как-нибудь он обойдется без твоих подарков, рохла!

Ахузат подоткнула подол платья, опустила на травку и горько заплакала, закрыв глаза руками. Гогай подошел к ней, присел рядом и начал гладить ее белую ладошку своей мозолистой рукой. «Не плачь, мы еще будем счастливы вместе», – сказал он. Ахузат сидела, закрыв глаза. Ей вспомнился день, когда Гогай подарил ее брату Темиржану, который всегда был первым на скачках, своего жеребца. «Мой верный друг, делая этот подарок, я хочу тебе сказать, что в один прекрасный день я женюсь на твоей сестре», – сказал он тогда.

Ахузат подняла голову и осмотрелась. «Хорошо, что тебя сейчас нет рядом со мной, – подумала она. – И лучше всего, если ты мне не будешь показываться на глаза. Как можно было затеять скандал на пустом месте? Ведь я только и сказала, что не надо торопиться в таком серьезном вопросе, что надо все хорошенько обдумать. И этого было достаточно, чтобы ты встал на дыбы! Да покарает бог глупцов! А ты именно из них, Гогай! Ты слышишь? И не думай, что это я сгоряча так говорю. Я всегда сомневалась, что твои чувства искренни. А сколько людей меня предупреждали, что не надо тебе верить, что ты совсем не тот человек, который мне ну-

¹ Джёрме – кушанье из измельчённого нутряного сала и жирных кишок, завернутых в куски из стенок желудка животного.

жен. Но что поделывать, я была дурочкой, на все твои выходки закрывала глаза. Есть же люди, которым нравятся змеи или лягушки. Вот и я так... Ты оказался обычным лицемером и ничтожеством...»

Ахузат еще немало нелестных слов сказала про Гогая, но справедливости ради надо отметить, что упреки ее были вызваны обидой. Гогай был видным парнем, всегда хорошо одевался, единственный его недостаток – невысокий рост. Был он из зажиточной семьи, кроме прочего, отец его владел большим табуном лошадей. А после того как в прошлом году к ним приехали гости из Загорья, у Гогая вообще появились княжеские замашки. Мало кто в селе, кроме него, мог позволить себе носить обувь из чистого сафьяна. Гонору ему, конечно, не занимать. Поэтому-то его и вывели из себя слова Ахузат, что не надо спешить со свадьбой.

Обида Ахузат была велика, и она решила, что надо забыть про Гогая и настроиться на то, чтобы связать свою жизнь с Батырбием. Но сделать это было не так легко. Мысли о Гогая преследовали ее день и ночь. Но нет, она не даст слабину, вычеркнет обидчика из своей жизни, чего бы это ей ни стоило.

Ахузат подняла голову и окинула взглядом присутствующих в комнате. «Вот и ты, наверное, такой же, как все, – подумала она, разглядывая Батырбия. – Было время, и Гогай плясал вокруг меня, стараясь понравиться. А что в результате? Время все расставляет по своим местам, и, в конце концов, человек всегда показывает свое истинное лицо».

Неожиданно для всех Ахузат вскочила с места и со словами: «Я сейчас вернусь», – выбежала из комнаты. Но так и не вернулась. Дюгерхан даже ходила звать ее, но так и не смогла ее уговорить. Причину своего поведения девушка не захотела объяснить.

II

Абдулкерим увидел отряд Батырбия издалека, поэтому у него было достаточно времени, чтобы углубиться в лес и не дать себя найти. Однако он не стал этого делать. С какой стати он должен кого-то бояться? Да, многие его односельчане пострадали от новых властей. Но ведь сам он совсем недавно спускался в село, и никто его не тронул. Значит, ему нечего бояться и сейчас.

Но Абдулкерим не знал одного: его не тронули, чтобы иметь возможность проследить за ним и узнать расположение его стойбища. Не догадывался об этом и Атабий.

Абдулкерим твердо решил не вступать в конфликт с незваными гостями, он просто молча выслушает их и все. По его мнению, это единственно верное поведение с представителями новой власти. В то же время он даст им понять, что не боится их, если они начнут ему угрожать.

– Ассалам алейкум, – поздоровался Батырбий.

– Алейкум ассалам, – ответил Абдулкерим.

– Гостей принимаете?

– Почему бы нет? Гость – от Бога. Спешитесь, заходите в дом. Атабий, поухаживай за гостями.

Атабию не понравилось показушное добродушие Батырбия, и он нехотя пожал его протянутую руку. «Можешь сколько угодно строить из себя начальника, для меня ты обычный шелудивый пес», – сказал он про себя, всем видом показывая свое недовольство. «Будь осторожен, – шепнул ему внутренний голос. – Это уже не тот Батырбий, которого ты знал раньше. Что бы он ни сказал – терпи. Сейчас самое большое удовольствие для этого человека – пугать людей смертью. И немало людей уже пострадало от его рук».

– Как дела, парень? – спросил Батырбий, хлопнув его по плечу.

– О, да ты, я вижу, большого человека из себя строишь. Что за тон? – дрогнувшим голосом спросил Атабий.

– Может, заткнуть ему глотку? – спросил один из спутников Батырбия. Это был пучеглазый тонкошей человек в рваном полушубке и старой папахе. Атабий раньше его никогда не видел. – Кажется, нам тут никто не рад, ни собаки, ни хозяева.

– Собаки, конечно, нас облаяли, но хозяева вроде пока не огрызаются, – вмешался в разговор другой оборванец. Его Атабий тоже раньше не встречал.

– Собаки не любят гольтьбу, – ответил Атабий. – А по тебе сразу видно, что живешь ты не припеваючи.

– А все по вине таких, как вы, – сказал Батырбий. Тон его уже стал грубым. – Сидите в лесах, прячете свой скот от Советской власти, жируете. А такие, как он, проливают кровь за счастье трудового народа. И мой тебе совет: впредь хорошенько подумай, прежде чем грубить.

– Что ты вскипел, Батырбий? – спросил Абдулкерим. – Разве новая власть не обещала нам свободу? Где же она? Не похоже что-то это на свободу. И если сон мой не врет, то порядки, которые вы хотите установить, похожи на сель, который погребет под собой благополучие народа.

– Да, Абдулкерим, вот ты и показал свое отношение к Советской власти. Сказанного тобой достаточно, чтобы истребить под корень всю твою семью.

– Да и ты, братец, показал свое истинное лицо. Хотя я и до этого знал о твоих грязных делах.

– Я тебе не братец! Я не собираюсь водить родство со всякой контрой! – сказал Батырбий, повысив голос. – Хорошие времена для тебя закончились. Заруби это у себя на носу.

– Помнится, раньше ты не выказывал недовольства по поводу моей зажиточности. Тебе от нее была одна только польза.

– Да покарает меня Аллах, если я хоть кусок харамного хлеба съел в твоём доме!

– Съел, Абдулкерим, съел. И угощал я всех от чистого сердца. Особенно тех, кто доводился мне родственником. Таких, как ты.

– Ты хочешь сказать, что у моего отца было меньше достатка, чем у тебя? Ложь!

– Этого я не говорил. Но скажи мне, почему, будучи выходцем из хорошей, зажиточной семьи, ты теперь стал водиться со всяким отребьем?

– Закрой пасть! – заорал, схватившись за ружье, оборванец, который до этого нагрубил Атабию. – Кого ты назвал отребьем?!

Атабий был уже на взводе, и, несомненно, задал бы трепку зарвавшемуся нахалу, если бы не запрещающий взгляд отца. Впрочем, тот тоже быстро успокоился, когда Батырбий поднял руку и строго посмотрел на него.

– Мы не ищем богатства, мы боремся за справедливость, – сказал Батырбий.

– Ну, дай Аллах, чтобы справедливость была единственным твоим достоянием.

– Весь свой скот до последнего мы отдали в колхоз. У меня не хватило совести владеть десятками коров и сотнями овец, когда большая часть населения страны пухнет от голода.

– Зря ты хочешь унижить достоинство узденей и возвысить гольтубу. Холоп всегда останется холопом.

– Разговоры о сословиях можешь забыть. Сидя тут в лесу, ты, кажется, совсем не имеешь понятия, что творится в мире. С миром, в котором один человек был слугой другого, покончено навсегда.

– Батырбий, ты позволяешь угрожать ровесникам твоего отца. Не слишком ли много на себя берешь?

– Став главой села, я много думал о вашей семье. Боялся, что мои заблудшие родственники не поймут моих чистых намерений. Вы меня ненавидите и вряд ли поверите, но я не желаю вам зла. И будь хоть малейшая возможность, я бы и сегодня не заявился сюда. Если вы и дальше думаете жить, отгородившись от всех, вы засунете свои головы в пламя. Пойми это и ты, Абдулкерим, возьми за ум. Одиночество – беспросветная ночь, без звезд и луны. Здесь, в этом привлекательном местечке, царят тишина и покой. Но в ваших сердцах покоя нет и в помине. Поэтому я говорю вам: опомнитесь, будьте вместе с народом.

– Поборники новой власти – лицемеры, буруеваемые алчностью. Они не ведают, что творят, – сказал Абдулкерим. – Все до единого они холопы. Никакая власть не сможет их насытить. Если сегодня вы отберете весь наш скот и отдадите им, завтра они его проедят, а послезавтра опять станут такими же голодранцами, как и раньше. И как ты с такими людьми собираешься строить новую жизнь?

– Посмотрите на него, он хочет учить меня жизни, – сказал Батырбий, обращаясь к своим товарищам. – Этой твоей песне никто не под-

поет, родственник. Даже умалишенный понимает, что иногда лучше промолчать. А вы все продолжаете талдычить свое.

– Вижу, новая власть ничему хорошему тебя не научила. Куда делся тот Батырбий, который в моем присутствии стеснялся слова сказать? Ты говоришь, что исполняешь волю народа. Но разве народ требует, чтобы вы отказались от своих обычаев и традиций, чтобы честь и совесть стали ничего не значащими словами? Для того чтобы тунейдцы могли набить свои животы и сменить свои рваные штаны, вы затеяли войну и оставили детей без родителей, жен без мужей, народ без веры. В этом смысл вашей хваленной революции?

– Мне надоели ваши бестолковые речи, – сказал Батырбий. Передавав повод лошади одному из своих спутников, он стал прохаживаться взад-вперед. Одет он был нарядно: лайковая кожанка, картуз, на ногах хромовые сапоги, на боку болтался маузер в кожаной кобуре. Аккуратно сложенная бурка была приторочена к седлу. – Оба вы – остолопы. Я не собираюсь из-за вас совать голову в пекло.

– Ты сейчас стоишь перед нами и расписываешь прелести ада, – сказал Абдулкерим. – Какие блага несет новая жизнь людям, я знаю лучше тех, кто ругает за нее. Да проклянет Аллах тех, кто поддерживает тебя и тебе подобных!

– И ступай-ка ты лучше домой, Батырбий, – сказал Атабий, ободренный словами отца.

Спутники Батырбия посмотрели друг на друга.

– Ни одного ягненка я в колхоз не сдам. Пусть такими делами хвастаются те, кого твоя власть посадила за стол.

– Не губите себя, да и меня в пропасть не толкайте, – сказал Батырбий примирительным тоном. – Нет ничего плохого в том, чтобы избегать больших неприятностей, если видишь, что другого выхода нет. Советская власть очень не любит тех, кто ей противостоит. И спрятаться от нее не получится, сила ее велика. Короче говоря, решайте: хотите вы остаться в живых или нет.

В этот момент Атабий вдруг вспомнил, как Батырбий поступил с семейством князя Канамата и еле сдержался, чтобы не закричать: «Ступай отсюда, пока я не испачкал свои руки твоей грязной кровью!»

«Пожалуй, лучше всего немедленно убить этого мерзавца и с легкой душой отойти в мир иной, – думал Атабий, с трудом вынося тон, которым Батырбий разговаривает с его отцом. – Он как та собака, которая брезгует мечетью: вера, родственные отношения, дружба – все это для Батырбия пустой звук, ненужный хлам. Какая девушка была Байханат – райская гурия. И вот ее, дочь князя Канамата, человека, который помог Батырбию в свое время стать на ноги, этот негодяй заставил стоять перед собой на коленях. «Выпусти отца из тюрьмы, и я сделаю все, что ты скажешь, – умоляла девушка Батырбия в его кабинете. – С давних

пор в душе моей жило беспокойство, причину которого я не могла понять. И только сейчас я поняла, что судьба давно уже готовила нас к испытаниям. Знай я, какие черные дни нас ожидают, я бы села на коня и вместе с тобой поехала воевать за новую власть. Я готова это сделать и сейчас, с тобой – хоть куда... Помоги мне, исполни мою просьбу, освободи моего отца. А я исполню любое твоё желание. Не смейся надо мной, жизнь отца для меня дороже, чем собственная. Ты знаешь, что я всегда блюла свою честь... Согласно преданиям, когда-то в давние времена представители нашего рода собирались переселиться в Загорье. Но этого не случилось. Будь это так, возможно мы избежали бы несчастий, обрушившихся на наши головы сегодня. Но не повезло... Хотя, наверно, такова была воля Аллаха...»

– От ваших рук тоже многие пострадали, – сказал Батырбий, встав со стула. – Это – кара за ваши грехи.

– Отец очень любил тебя, – сказала Байханат. – Никогда он не обидел тебя грубым словом, всегда обращался как с сыном. Разве ты можешь это забыть? – Из глаз Байханат покатались слезы.

– Советскую власть не разжалобишь слезами, – чванливо произнес Батырбий.

Байханат утерла слезы и постаралась успокоиться.

– Я всегда верила в твоё благородство, – сказала она, в душе ненавидя себя за малодушие.

– Чем больше я тебя слушаю, красавица, тем больше убеждаюсь, что ты ровным счетом ничего не понимаешь. Твой отец, князь Канамат, будучи в свое время главой села, не жалел ни слов, ни денег, чтобы помогать нашим врагам, людям, которые на протяжении веков пили кровь трудового народа. Сколько настоящих большевиков погибло от их рук! И вот теперь я, пожалев тебя, должен обо всем этом забыть и выпустить на свободу такого врага? Нет уж, не дождешься. Завтра же твоего папашу отправим в Нальчик. Пусть там решают судьбу этого кровопийцы. Это – первое. Второе: я – истинный большевик, проливавший кровь за Советскую власть. И я не из тех людей, которые делают что-либо, наслушавшись речей таких шлюх, как ты. Запомни это хорошенько!

Зарыдав в голос и рвя на себе волосы, Байханат выбежала из комнаты.

«Заведи этих людей в кош, дай им поесть-попить». – Голос отца привел Атабия в себя. Пару раз моргнув, он осмотрелся. Ничего не изменилось, все стояли на своих местах. «Убийца, никогда не прощу тебе унижения Байханат. Да проживешь ты свою жизнь рыдая, как она рыдала тогда», – подумал он.

Ни Абдулкерим, ни Атабий не могли знать, что в планах у их гостей, собираются они тут заночевать или же уедут. «Скот вы у меня отобрать можете, но честь узденя отобрать вы не в силах, – думал Абдулкерим,

молча осмысливая разговор с Батырбием. – Мерзавец, как есть мерзавец. А может, не стоит больше терпеть его хамство и прямо заявить, чтоб убирался отсюда подобру-поздорову?»

Подняв голову, он слегка опухшими глазами посмотрел на Батырбия и его спутников и решил, что пока не стоит обострять положение.

– Батырбий, зло, сотворенное человеком, обязательно вернется к нему, – сказал Абдулкерим, поглаживая заметно поседевшую за последние два года бороду. – По вашей вине родственники становятся кровными врагами. Мне и в дурном сне не могло привидеться, что ты – сын моего двоюродного брата, позволишь себе так со мной разговаривать. Этим ты оскорбил не только меня, а весь наш род. Хотя ладно, оставим род в покое, может, я и сам не достоин его представлять. Но ты забыл даже об обыкновенном уважении к старшим. Вспомни, разве я когда-нибудь был к тебе недобр? Нет, ты всегда для меня был наравне с вон тем стоящим парнем. И ты немало хлеба съел из рук его матери. Не стоит забывать о таких вещах. Бесчестье хуже смерти...

«Зачем он с ним так разговаривает? Неужели пытается его разжалобить? – возмущенно подумал Атабий, глядя на отца. – Один раз родились, один раз умрем. Так не лучше ли разом покончить с этим, уйти из жизни, не запятнав свою честь? Ты не прав, отец. Твое малодушие позволило этому мерзавцу говорить с тобой свысока. Эх, мне бы ружье сейчас, я бы расправился...» Посмотрев в глаза отцу, Атабий осуждающе покачал головой.

Пожав плечами, Абдулкерим тяжело вздохнул. «Сынок, у слабого много врагов и мало друзей, – сказал бы он Атабию словами Кязима, если бы они были сейчас одни. – Как бы мы ни были против этого, на сегодняшний день сила за ними. Мы не можем себе позволить заниматься своим привычным трудом: косить сено, пасти скот, сеять хлеб. Даже наши руки уже не принадлежат нам. И есть ли тогда толк обижаться? Просто нужно признать, что настали черные времена для нашего народа».

Абдулкерим снял с головы войлочную шляпу и отер ею пот с лица.

– Заведи их в кош и накрой на стол. Они, наверно, проголодались, – сказал он Атабию. – Ты меня слышишь? Не стой, делай, что я сказал.

– Глупое упорство никого еще не доводило до добра, – сказал Батырбий, подойдя к Атабию и ткнув его рукояткой плети в живот.

– С каких это пор ты так поумнел, что можешь учить меня жизни? – спросил тот, вырывая плетку из его рук.

– С тех самых, как стал первым лицом села!

Батырбий протянул руку, желая забрать свою плетку, но Атабий не собирался ее отдавать.

В дело вмешался Абдулкерим.

– Вы оба, идите сюда, – сказал он властно.

Сказано это было весьма вовремя, так как друзья Батырбия уже окружили их, и намерения их были ясны.

– Ты всю жизнь считал, что нет парня более смелого и лихого, чем ты. Но нынче не то время. Наша власть скоро на расправу со своими врагами. Не забывай об этом.

– Смертью ты меня не испугаешь. Гораздо лучше быть убитым, чем видеть, как народ изнывает под вашей властью. Мир заполонили слуги дьявола, заманивающие людей в ад.

– Придержи язык, а то придется пожалеть. Жизнь, что ни говори, сладкая штука.

– Сколько раз я вам должен говорить? Заходите в дом, – повысил голос Абдулкерим.

– Нет, мы не станем заходить, – сказал Батырбий, постукивая плетью, которую ему Атабий все же отдал, по голенищу сапога. – Мы пришли сюда не для того, чтобы выслушивать ваши глупые речи. У нас государственное дело. В общем, так: если желаете жить спокойно, не позднее чем завтра вы спустите весь ваш скот и сдадите его в колхоз. Себе можете оставить одну корову и осла. И не вздумайте обмануть нас, нам с точностью до козленка известно, сколько у вас чего. Обнаружим хоть малейшую недостачу – оба вы сгниете в тюрьме.

В этот момент от глаз Батырбия, которые раньше излучали свет, веяло смертельным холодом.

– Мы давно уже поняли, что загнаны в угол. Но в конечном итоге правда всегда берет верх. Власть, устроенная такими, как ты, долго не протянет.

– Вы напоминаете мне собак на цепи, лаять – вот все, на что вы способны.

– Как ты не можешь понять, что именно эта власть заставила тебя забыть про честь и совесть и так разговаривать со мной – твоим родственником, седобородым стариком? Позор на твою голову! Ради должности ты попрал все обычаи своих предков. Я знаю, что я всего лишь гость на этой земле, и мне придется ее когда-нибудь покинуть. И я больше не могу позволить себе выслушивать твои оскорбления!

Абдулкерим взялся за рукоятку кинжала и шагнул к Батырбию. На этот раз сыну пришлось придержать отца.

III

Скот их обобществили, но ни Абдулкерима, ни Атабия в колхоз не приняли – посчитав их «вражеским элементом». Принятие такого решения, несомненно, исходило от Батырбия. С этого дня маленькие сакли в селе показались им еще невзрачней, а улицы – еще уже. Сельскую мечеть отдали под «русскую школу».

Абдулкерим и Атабий стали изгоями в родном селе. Напуганные

люди, даже родственники, начали сторониться их, никто не хотел неприятностей на свою голову. Бедная Шерипа выплакала глаза бессонными ночами. И разве мог спокойно жить в таких условиях Абдулкерим? С Советской властью он, в принципе, мог смириться. Но бесчинства, творимые Батырбием и его окружением, сводили его с ума. Трудно даже посчитать, сколько людей, живших трудами своих рук, стали жертвой их злодеяний. А сколько подались в бега, бросив свои дома, не в силах терпеть насилие?!

Никогда до сих пор даже самое большое горе не выжало ни слезинки из глаз Абдулкерима. «В жизни надо быть готовым ко всему, к трудностям и даже к горю, – учил его отец. – И не надо замыкаться на своих горестях, иначе беды затопчут тебя. Пойми меня правильно, я не говорю, чтобы ты был бесчувственным. Просто умеи переносить беду, не теряя человечности».

Абдулкериму не раз приходило в голову бросить все, забрать семью и уехать куда-нибудь. Но сделать это было не так просто – куда мог податься человек, всю жизнь проведший в горах? Правда, была надежда на Атабия: он два года обучался в медресе у Локмана-хаджи, кроме того, мог без переводчика общаться с кабардинцами и осетинами. Это было результатом общения с кабардинцем Хабалей и осетином Теймуразом, батрачившими на князя Канамата. Те, в свою очередь, прекрасно выучили балкарский язык. Эти качества сына говорили в пользу того, что надо уехать, но пока еще Абдулкерим не мог на это решиться.

Туманной осенней ночью, опасливо озираясь, кто-то подошел к дому Абдулкерима и тихо постучался. Открыв дверь, Атабий увидел человека, прижавшегося к стене, и пригласил его в дом. Это был Оразай – сын брата отца Батырбия. Появление нежданного гостя встревожило Абдулкерима. Вряд ли он заявился бы в эту пору, не будь на то веской причины. О том, что такая причина есть, говорило и поведение Оразая – взгляд его бегал, он постоянно прислушивался к чему-то. Сдвинув на затылок выдавшую виды серую войлочную шляпу, Оразай сел на предложенную табуретку. Он молчал, но весь его вид говорил, что дело плохо и нужно принимать срочные меры.

Оразай давно уже жил один. Родители умерли, братьев и сестер у него не было, а обзаводиться семьей он не спешил, хотя ему уже перевалило за сорок. Единственной его радостью было ухаживать за своим скотом, которого у него было много. Одному справляться со всем хозяйством ему было трудно, и Абдулкерим, всегда с теплом относившийся к родственникам, старался ему помогать как мог. Атабий и он ежегодно по нескольку дней косили сено на участке Оразая. Но Советская власть лишила его единственной радости. И теперь, каждый раз, когда он видит

свою скотину в колхозном стаде, сердце Оразая готово разорваться от горя.

Атабий с подозрением оглядывал молчащего гостя. Явно тот пришел с каким-то тайным делом, а Атабию совсем не хотелось, чтобы отца втянули во что-то, что могло не понравиться властям. А так вполне могло случиться, ибо Оразай не раз высказывал недовольство действиями Батырбия. Как-то он даже принародно сравнил его с взбесившейся собакой, кусающей хозяина. Оразаю повезло тогда, что никто не выдал его, иначе Батырбий заставил бы его горько пожалеть о своих словах. Атабий понимал, что Оразай готов пойти на все, чтобы выместить зло на новых начальниках за отобранный у него скот.

Сам Атабий в последнее время много думал о новых порядках. В частности, о том, почему в рядах проводников новой политики оказались даже некоторые представители знатных родов и люди, обладавшие большим богатством. Может, это не случайно, и они понимают то, что недоступно самому Атабию?

Он вспоминал про известного во всех пяти горских ущельях историка Мусоса Абаева. Еще до революции тот ездил по селам Холамо-Безенгийского ущелья, убеждая в необходимости преобразований. Это был истинный патриот своего народа, выступающий за равноправие, за просвещение, за отмену отживших обычаев. Но разве не об этом же толкует и новая власть?

К сожалению, даже таких людей не смогли оценить на родине. Мусос окончил свои дни в 1928 году на чужбине, в Дагестане.

Атабий дни и ночи проводил в мучительных раздумьях, но все еще не смог определиться, что лучше: безоговорочно принять новую власть или же встать на путь борьбы с ней.

Наконец Оразай прервал свое молчание.

– Теперь они уже и до наших скал добрались, – начал он издали, видимо, не решаясь сразу говорить о главном. – Целыми днями взрывают, превращают в пыль, да покарает их Аллах.

– Так ведь они с благой целью это делают, прокладывают дорогу там, где раньше только птица могла пролететь, – возразил ему Атабий, вороша уголья в очаге. – Это принесет большую пользу людям.

– Кто знает... Но у меня было такое чувство, что скалы плачут, вот, мол, и до нас теперь добрались...

– Я помню слова дедушки, которые он любил повторять: «Добро бесмертно». Думаю, ругать без разбора все дела новой власти будет несправедливо. Дорога, которую они сейчас строят, будет служить людям века, – сказал Атабий.

– Не надо спорить с моим братом, – недовольно сказал ему Абдулкерим. – Пусть пропадут они вместе со своей дорогой, обошлись бы и без нее. Рассорили детей и родителей, брат идет против брата, отобрали наш скот, имущество...

Абдулкерим произнес эти слова с трудом, в горле у него пересохло от возмущения.

– Я не хотел тебя обидеть, отец.

– Ты не должен так разговаривать с Оразаем.

В сердце Атабия шевельнулась тревога. Он почувствовал, что дело идет к чему-то нехорошему.

– Невежа! – вдруг громко заявил Оразай.

Абдулкериму не понравилось, что его сына так обозвали, он недобро шевельнулся на табуретке, но ничего не сказал.

– Я совсем не хотел грубить вам, – сказал Атабий. Он встал, прислонил очажные щипцы к стене и отошел в сторону.

– Ладно, забудем. Мы тоже не очень лестно о тебе отозвались, – примирительно сказал Абдулкерим. – А что касается власти... Да, сейчас сила у них. Но, к счастью, есть еще немало людей, которые не собираются им прощать слезы овдовевших женщин и осиротевших детишек. У тебя своя голова на плечах. И я уверен, что ты сделаешь правильный выбор. А если такие, как ты, объединятся, я уверен, очень скоро мы снова будем любоваться золотой пшеницей, колосающейся на наших собственных полях.

– Если только любовь не станет помехой, – загадочно сказал Оразай, потирая ручонки.

Оскорбительные слова Оразая, сказанные в присутствии отца, возмутили Атабия, и он вышел на улицу. Пока Оразай был у них, он не мог пройти в свою комнату и лечь спать. Дождавшись его ухода, Атабий вошел в дом, попросил у Дюгерхан кружку айрана, выпил и ушел к себе. Он прилег на деревянную лежанку и впал в полудрему. В мозгу его откуда-то возникли странные видения. Сначала зазвучала колыбельная, которую пела ему мать. Затем он увидел себя, легко, как орел, парящего в небесах. Под ним сияли белоснежные вершины гор, по дну ущелья змейкой струился тонкий ручеек. Вдруг полил теплый дождик, и яркие цветы на склонах напомнили ему купающихся детишек. А вот уже маленький Атабий скачет на своем резвом ослике по лесной поляне. Добежав до ручейка, он поит ослика и сам пьет чистейшую холодную воду.

Сон, который ему приснился ночью, был еще удивительней. К его кровати подошла Байханат, подолом своего шелкового платья коснулась его лица и сказала: «Не спи, Атабий, меня к тебе привели обманчивые тропы любви». Голос ее был прекрасен, как соловьиная трель. Атабию сразу вспомнились слова Оразая: «Если только любовь не станет помехой». – «Что за чудеса», – подумал Атабий. Он понимал, что это сон, но стряхнуть его и оторвать голову от подушки был не в силах. «Не тревожь меня, милая красавица. Голос твой прекрасен, но речь твоя звучит, как

грустная песня; не обижайся, но в ней нет души. Не томи мою душу».

«Оставь ненужные разговоры. Ты знаешь: чтобы осенью быть с урожаем, нужно весной посеять зерно».

Рассерженный донельзя, Атабий до крови прикусил губу и – проснулся.

Атабий так до сих пор и не мог решить, хорошо или плохо, что он не смог встретиться с Байханат до ее отъезда. Ее отец, князь Канамат, все же сумел вырваться из рук милиционеров, по пути в Нальчик его отбили друзья. По слухам, сейчас он проживал то ли в Дагестане, то ли в Баку. Именно там обосновались и другие князья, которым удалось вовремя скрыться. По словам знающих людей, семью Канамата тоже тайными тропами переправили туда. Люди говорили об этом шепотом, с трясущимися поджилками – за распространение таких слухов можно было получить немалый срок.

Заря едва занималась, когда Атабий вышел во двор. На небе еще можно было заметить бледные звездочки, напоминавшие усталых людей. Поодаль возвышалась башня Жабоевых – как памятник минувшим дням. «Наверное, и эта старая башня тоскует по прежним временам, когда ценились честь и порядочность, – подумал Атабий. – Но что ж ты молчишь, аксакал. Скажи нам что-нибудь, наставь людей. Сегодня много говорят о справедливости, но все это только слова. На деле о справедливости можно только мечтать. И виноваты в этом те, кто сегодня оказался у власти – неучи и лицемеры. Пусть Аллах даст нам силы, чтобы указать таким, как Батырбий, на их место. Знаешь, я не могу сказать, что я враг новой власти. Более того, думаю, что путь, указываемый ею – верный.

Давайте пойдем по пути правды,
Будем считаться большевиками,
Не поддадимся малодушию –
Давайте разрушим башню насилия, –

писал Кязим. Так почему бы нам не прислушаться к его словам? Ясно ведь, что говоря о «башне насилия», Хаджи имел в виду князей и богачей-кровопийц. Сейчас дела их плохи, они в положении утопающего, хватающегося за соломинку – стараются привлечь на свою сторону тех, кто еще колеблется. Похоже, на их сторону готовы стать и Абдулкерим с Оразаем. Но этого нельзя допустить, надо любым путем уберечь отца от неверного шага. Иначе он доставит горе народу, да и на себя навлечет беду. Да, сомнений быть не должно – надо быть на стороне большинства».

Оторвав взгляд от башни, Атабий горестно покачал головой. «Эти мысли скоро сведут меня с ума. Нельзя поддаваться малодушию, оно никого еще не доводило до добра. Надо жить».

IV

Атабий чувствовал себя страшно одиноким. Он сравнивал себя с плачущим ребенком, оказавшимся в одночасье сиротой. От отца давно не было вестей, ничего не знал он и о судьбе матери и сестры. Особенно волновался он об отце, ему почти не верилось, что они когда-нибудь еще встретятся. Оразай и ему подобные все-таки добились своего – отец поверил в их лживые доводы. И еще одного никак не может понять Атабий: как Оразай и Батырбий, выходцы из одной фамилии, всю жизнь прожившие вместе, – вдруг стали кровными врагами? Не идеи новой власти, а люди, представляющие ее, возмущают Атабия. «Неверные безумцы! От ваших злодеяний уже содрогается земля. А вы все продолжаете множить свои бесчинства. Разве можно считать человеком Батырбия, который подвел под расстрел своего родственника Оразая и упек в тюрьму моего отца? И кому какая польза от власти, которая держится на таких людях? Наша честь и наша совесть брошены им под ноги. Попавшие в «черный список» обречены на жалкое существование: они остались без средств к существованию, их не принимают в колхоз, детей не берут в школу. А налоги? Откуда этим несчастным взять денег, чтобы заплатить? Но на это новой власти плевать, достань хоть из-под земли, но заплати. А если не можешь – прямая дорога тебе в Сибирь».

Атабия совсем не устраивала жизнь, которую он ведет. Он ничего не знал о том, что происходит в селе, не знал даже, живы-здоровы ли его мать и сестра. В бытовом отношении у него не было проблем, молодому парню не трудно содержать самого себя. Но от тяжелых раздумий у него голова шла кругом.

В одну из таких тяжелых минут ему послышался голос матери. «Атабий, единственная моя опора, возьми за ум, возвращайся домой, – сказала она. – Сейчас нет в селе человека, который считал бы нас за людей. Знай, что если так будет продолжаться, я и твоя сестра предпочтем этому миру тот. От отца твоего нет никаких вестей. Насколько мы понимаем, сейчас Батырбий способен решить любой вопрос. Смири свою гордость, сходи к нему, попроси, чтобы тебя приняли в колхоз».

«Мама, не толкай меня на неверный шаг, – мысленно отвечал ей Атабий. – Стоит мне появиться на глаза Батырбию, он сделает все, чтобы сжить меня со свету. Да и кроме того, никто и ничто не заставит меня унижаться перед ним».

«Бедное мое дитя, попавшее в сети шайтана. Боюсь, из-за гордости своей ты станешь жертвой мерзавцев».

«Не бойся, мама. Один раз родились, один раз умрем. Я ничем не лучше тех, кого сгубили эти негодяи. Думается мне, мама, что ты дни и ночи проводишь, оплакивая тех, кто погиб. Прошу тебя, не делай так, не огорчай меня. Давай лучше будем вспоминать, как хорошо мы жили раньше, какие веселые песни любил петь отец. В эти страшные времена

это будет для нас лучшей поддержкой. И еще одно хочу тебе сказать: если я опущусь до того, что стану молить о помощи мерзавцев, идущих путями шайтана, я не смогу считать себя человеком».

«Ты тоже знай: тень твоя для меня дороже всех богатств мира».

«Не будем думать о плохом. Давай надеяться на лучшее. Мир не всегда будет таким».

Как ни старается Атабий, дрова в очаге не хотят разгораться. То ли от мыслей о матери и сестре, то ли просто от ежедневных тягот он сегодня сам не свой. Захотев обратиться с мольбой к Аллаху, чтобы Всевышний ниспослал мир его мятущейся душе, он воздел к небу свои загорелые, обветрившиеся от утренних и вечерних ветров руки и заметил, что они дрожат. «Неужели ты уже дошел до такого, Атабий? Ты, который совсем еще недавно усмирлял этими руками необъезженных коней?» Ему стоило больших усилий подняться на ноги. Колени его дрожали, и он вновь присел. У него вновь потемнело в глазах, а в голове зазвучал голос. «Эй, возьми себя в руки, – говорил он. – У тебя много дел, встань, подои корову, наведи порядок в коше. Не будь малодушен, нужно быть готовым к любым испытаниям. Ничего не бойся, ты в силах ответить на любой вызов. Больше того что вам сделали, уже не сделают. И ты должен всегда оставаться мужчиной».

Атабий встал на ноги. Дрожь прошла, голова не кружилась. Выйдя на улицу, он умылся холодной водой и занялся делами. Это немного отвлекло его, но избавиться от роящихся в голове мыслей было не так просто. «Чем дальше, тем мрачней становится жизнь. Когда-то люди в селе устраивали скачки, веселились на торжествах, мечтали о будущем. Но все это ушло безвозвратно, даже весна, всегда оживляющая лучшие надежды, не радует людей. Почему так случилось, чем мы прогневили Всевышнего? О Аллах, прости нам грехи наши, и устрой наши дела!»

Атабий все чаще приходил к мысли, что рожден на свет для страданий. Иначе почему его жизнь из состоит лишь из беспокойных дней и бессонных ночей? Почему тяжкие мысли терзают его душу, как хищные звери? Может быть, дело в том, что рядом с ним нет живой души. Одиночество – страшная вещь, оно запросто может довести человека до смерти. Хвала Аллаху, он не нуждается ни в еде, ни в одежде. В глубине леса, на полянке у него есть огородик, где он сажает картошку, дикорастущий ячмень на покатоном склоне обеспечивает его зерном. Вдоволь у него масла, сыра, айрана. С одеждой тоже проблем нет: две пары штанов – одна кожаная, другая полотняная, овчинный тулуп, черкеска, чекмень, ноговицы, чувяки, чабуры, папаха. Постельные принадлежности тоже в достаточном количестве. Но в душе у него нет покоя. «Все тлен, – думает он в минуту слабости. – Богатство, скот, даже жажда справедливости – все только во

вред человеку». И все же нельзя сказать, что он отчаялся. «Мир не всегда будет таким» – эта мысль дает ему силы продолжать жить.

Утро, как бы подтверждая мысли Атабия, выдалось хмурым: ключеватый туман наполнил воздух холодом. К счастью, дрова разгорелись как следует, и юноша с удовольствием сидит перед очагом, почесывая отросшую бороду.

Атабий всегда был склонен к размышлениям и часто задумывался о будущем. Но ему никогда не приходило в голову, что когда-нибудь он окажется одинок, как дерево, растущее на отшибе. И он никак не мог понять, за какие грехи ему была суждена такая участь. Видит Бог, он не знал за собой поступка, за который ему было бы стыдно. Да, он ничем не смог помочь тем, кого новая власть поставила в униженное положение, обрекла на жизнь, полную страданий; не смог он помочь и отцу, которого сослали в Сибирь. Но слишком уж силы были неравны, это было все равно что пытаться лбом разбить скалу. Единственное, что он смог – не молчал, видя творящееся насилие, говорил прямо в лицо врагам, что о них думал. Именно это и приводило в бешенство Батырбия и ему подобных.

– Отец, больше всего любивший любоваться родными горами, освещенными солнцем, в какие неведомые дали тебя сослали? Как же мне сейчас нужен был твой совет. Сердце мое не выдерживает уже этих страданий. Помню, дедушка в последние годы жизни часто повторял: «Одна нога моя еще здесь, а другая уже в могиле». Но он тогда был глубоким старцем, а я так же думаю в цвете лет, ибо нет уже сил терпеть этот произвол. Отец, я боюсь, что мы никогда уже не увидим друг друга, и все же какая-то надежда на встречу все еще теплится в сердце. Дай же мне услышать твой голос, приди ко мне хоть во сне. Знаю, что мечта увидеть вновь когда-нибудь своих близких, оказаться в своем доме, дает тебе силы переносить лишения. Мечтаю об этом и я. Так появись же, поговори со мной, пока меня хоть иногда еще радует солнце и чистое небо над головой.

Атабий еще издали увидел всадников, приближающихся к его кошу, но так и не встал с места. Мысли роем закружились в его голове. В том, что ничего хорошего от незваных гостей ждать не приходилось, не было сомнений – за плечами у обоих всадников висели ружья. Бежать в лес, чтобы скрыться в чащобе, было уже поздно. Да и не хотелось Атабию этого делать. Если уж так суждено, то он встретит свою смерть, как мужчина.

– Вижу, Атабий, ты не очень рад гостям, – сказал один из подъехавших. Это был полноватый молодой мужчина с короткой шеей и широкой грудью, в полушубке и островерхой папахе. – Не посчитал нужным

даже встать с места. Но ты не бойся нас, мы люди мирные. Я Каспот, сотрудник отдела по борьбе с бандитизмом Кашхатауского ОГПУ. А это товарищ Удов, мой начальник.

То, что Удов был человеком жестким, было понятно с первого взгляда. Бесцветные глаза на худом бескровном лице не оставляли в этом сомнений. Одет он был тоже в полушубок, на голове ушанка, на ногах – хромовые сапоги. Шея его обмотана теплым шарфом – ясно, что этот человек знал, как следует одеваться, если едешь в горы в это время года. Вдобавок к ружью на боку у него висит маузер в кожаной кобуре. На папах у обоих гостей изображение красной звезды, у Удова – жестяная, у Каспота – вырезанная из материи.

В отличие от подручных Батырбия, которые всегда ведут себя агрессивно, эти двое выглядели вполне миролюбиво. Атабий все продолжал молчать. Каспот что-то говорил, но Атабий даже не слышал его.

Каспот соскочил с коня, вручил поводья в руки Атабию, а сам подошел и помог спешиться Удову. Конечно же, такое поведение не совсем соответствовало горскому этикету – Каспот явно был старше Удова. Оглядев еще раз Удова, Атабий чуть не рассмеялся: ему показалось, что маленькие черные усики вырезаны из кошачьего хвоста и приклеены к его бескровной губе.

Привязав лошадей к кусту лещины, они взяли свои ружья и вьюки и вошли в кош. Удов пока еще не вымолвил ни слова, зато Каспот говорит без умолку.

– Да уж, Атабий, далеконок ты забрался. Со вчерашнего вечера до тебя добираемся. Измучились вконец.

– Именно не желая вас видеть я и обосновался здесь. Но, похоже, вы и тут не оставите меня в покое.

– Не смотри на нас, как на врагов. Мы не со злом к тебе пришли, хотим просто поговорить.

– Странно это слышать.

– Доведи и до меня, что говорит этот отщепенец, – сказал Удов, постукивая рукояткой нагайки по голенищу своего сапога. Слова начальника не понравились Каспоту, и он взглядом постарался дать понять ему, что агрессивное поведение может испортить им все дело.

– Чем недоволен твой товарищ? – спросил Атабий, не знавший порусски. – Может, вы голодны? У меня есть прекрасный айран, да и хлеб найдется.

– Нет, не беспокойся. Мы недавно делали привал, перекусили.

– Очень уж злым человеком выглядит твой начальник.

– Оставь такие разговоры. Ни мне, ни тебе они не нужны. Не суй свою руку в пасть дракону. Он человек неплохой, просто не терпит, когда ему перечат. Поэтому хочу тебя сразу предупредить: не стоит с ним пререкаться, это может стоить тебе жизни.

– Я тебя понял. То есть другими словами: ничего хорошего от вас ждать не стоит, – сказал Атабий с изменившимся лицом. – Но это было ясно с самого начала – что можно ждать от людей, убивших царя? Это настоящее святотатство. При Николае в нашем селе не было ни одного человека, пострадавшего от рук властей. А там, где ступаете вы, земля проваливается. Всех достойных людей вы погубили, лишили нас нашей религии, обычаев, традиций. И, как я слышал, с тех пор как вы придумали «комсомол», молодежь вообще перестала слушаться старших.

– Остынь, не веди себя, как ребенок, – сказал Каспот, видя, что Атабий готов сорваться.

– Почему ты позволяешь этому придурку спорить с тобой? – недовольно сказал Удов, вскакивая с места. – Посмотри на него, из глаз чуть искры не сыпятся, слюнями тебя всего забрызгал.

– Нет-нет, ничего страшного не происходит. Его просто волнует судьба его близких, отца, матери, сестры...

– Ну, так мы можем устроить ему свидание с отцом... В Сибири... Хватит уже попусту болтать, объясни этому придурку суть дела. Мы сюда добирались не для того, чтобы его утешать.

– Не будем торопиться. Я к этому веду...

– Я хотел бы попросить вас, чтобы вы сказали, где сейчас мой отец. Если вы назовете мне его точное местонахождение, я не против – можете хоть сейчас отправлять меня туда. В конце концов, ведь дело все равно закончится моим арестом.

– Ты зря паникуешь раньше времени, не стоит при дуновении ветерка ожидать, что все закончится бурей. Выслушай, что мы тебе скажем, и, если выполнишь наши условия, ты станешь любимцем Советской власти. Если же нет, то выбор у тебя небольшой: лагерь или расстрел.

– Я и без тебя знаю, что стою на краю пропасти, – сказал Атабий более спокойным тоном. – Я в курсе, что вы склонили на свою сторону очень многих. А пугать меня смертью не надо. Все мы ходим перед Аллахом, и все когда-нибудь отойдем в мир иной. В этом брэнном мире для меня не было никого дороже отца. Каждый раз, когда я вспоминаю о том, на что вы его обрекли, мне не хочется жить. Так что, может, будет и лучше, если вы меня расстреляете, хоть на том свете я встречу с самым дорогим для меня человеком.

– Сколько тебе исполнилось лет?

– Много. А если каждый год при новой власти считать за два, то я уже, считай, старик.

– Ладно, оставим это. Слушай теперь меня внимательно. – Из своей походной сумки Каспот вытащил что-то похожее на большой кожаный кошелек с ремешками. Развязав их, он достал свернутые листы бумаги, из которых выбрал один и стал его просматривать. Подошедший к нему

Удов ткнул пальцем в листок, показывая ему, на что нужно обратить внимание.

«Не нравится мне все это, – подумал Атабий. – Какой же я дурак, надо было все-таки постараться укрыться в лесу при их приближении. Ясно же, что этим людям не привыкать к убийствам. И гладкие речи Каспота не что иное, как лицемерие. А может, прямо заявить им, чтобы убирались отсюда, пока целы? Они не ожидают ничего такого, и я вполне могу справиться с ними, если нападут внезапно. Или все же стоит смириться и делать все, что они скажут? Какие же мерзавцы дождались сейчас до власти. И один из них – Батырбий. Нет сомнений, что и этих людей сюда направил он. Иначе откуда бы они знали, где я. Но если мне суждено еще немного пожить, первым делом я займусь Батырбием».

– Противоречия раздрают сейчас всю страну, – сказал Атабий, желая как-то прервать затянувшееся молчание, но Каспот ничего ему не ответил, он не отрывал своих выпученных, как у лягушки, глаз от бу-мажного листка.

«Вот хам так хам, – подумал Атабий, обиженный его молчанием. – Встретиться бы нам в других условиях, ты бы по-другому себя вел. Уж я бы научил тебя вежливости, скотина».

– Единственный верный путь – наш, – заговорил наконец Каспот. – Но, к сожалению, есть еще люди, ведущие себя, как собаки, кусающие исподтишка. Но мы не успокоимся, пока не перебьем их всех. Мы заставим их еще при жизни испытать муки ада.

– Значит, только так? – спросил Атабий.

– Да, именно так и никак иначе.

– Но, поступая так, вы просто настроите людей против себя. На кого же вы будете опираться? И не смотри на меня, как на дурачка. Я вовсе не так глуп.

– Ты вообще знаешь, кто я такой? – закричал вдруг Каспот. – Ты хоть понимаешь, с кем сейчас разговариваешь?

– Нет, не знаю, до сегодняшнего дня я ни разу тебя не видел, – спокойно ответил Атабий, и собрался выйти на улицу.

– Стой! – повелительно закричал Каспот. Удов, молча наблюдавший за ними, потянулся к кобуре.

– Я сразу сказал тебе, что мы пришли не со злом. Но ты ясно дал понять, что являешься ярым врагом нашей власти. Хотя весь мир уже знает, что Советская власть подобна нерушимой скале. А кто этого не понимает, сует свою голову в пекло, обрекает на страдания своих близких. Я тебе уже сказал, какой у тебя выбор. Неужели ты так скоро об этом забыл? Подумай, хочется ли тебе всю жизнь провести за решеткой или, хуже того, расстаться с жизнью.

– Я знаю одно: сегодня вы на коне, но у людей уважения к вам не

больше, чем к ослу, валяющемуся в пыли, – сказал Атабий, возвращаясь и садясь на свое место.

– Слушай меня внимательно, собака, рожденная от волка, – сказал Каспот, вновь уставившись в свою бумажку. – Оказывается, гонору у тебя еще больше, чем я думал. Но сейчас я тебе покажу, кто из нас больше похож на грязного осла.

Атабий вскочил с места. Не приходилось сомневаться, что Каспот способен на любое злодеяние, но Атабия это не испугало. Подойдя к Каспоту вплотную, он посмотрел ему прямо в глаза. От злости он до крови прикусил губу, но даже не чувствовал этого.

Удов приставил маузер к голове Атабия.

– Остуди свою кровь, собака бандитская! – заорал он по-русски. – Ты, кажется, не понимаешь, с кем играешь. Я застрелю тебя, и труп твой будет валяться здесь, пока не сгниет. И ни один человек об этом не узнает. Кому какое дело, что сдох паршивый пес.

Атабий отошел в сторону. Несколько раз глубоко вздохнув, Каспот немного успокоился и посмотрел на Удова. В лице у того не было ни кровинки, он был бледен, как покойник. Руки его дрожали.

– Садись на место, – сказал Каспот Атабию, и сам присел на табуретку. – Если вздумаешь рыпаться, то кровь твоя обагрит этот пол. Оказывается, с тобой нельзя говорить по-человечески. Битый час я твержу тебе, что мы явились сюда, чтобы обсудить кое-что. Но ты никак не поймешь, в каком ты положении. Будь на нашем месте другие люди, ты давно уже лежал бы на земле, уставив свои безжизненные глаза в небо.

– Никогда бы про себя не подумал, что смогу вытерпеть столько оскорблений...

– погоди, еще не то услышишь, – сказал Каспот, и, взглянув на него, Атабий прочитал в его глазах приговор себе. Несмотря на то, что Удов все еще не выпускал из рук маузера, у Атабия вновь возникло желание вступить с ними в бой. Оно было настолько сильно, что у него потемнело в глазах. Но все же что-то сдерживало его от этого шага. Атабий не сомневался, что его гости приготовили для него какую-то подлость, и решил, что унижаться перед ними не станет, даже если это будет стоить ему жизни, и труп его станет пищей для диких зверей и птиц.

– Слушай меня внимательно, – сказал Каспот, поднимая на Атабия взгляд. Он нисколько не сомневался, что судьба парня в его руках, и наслаждался своей властью.

«Можешь сколько угодно выпячивать свою грудь, но ты зря надеешься, что я просто так отдам свою жизнь. Ну, говори, что хочешь сказать. Видно, не очень-то ты в себе уверен, раз так долго тянешь. Давай, хватит пялить на меня свои жабы глаза».

Атабий присматривался к своим гостям и думал, как ему расправиться с ними. Первым делом надо наброситься на Удова и завладеть его

маузером. А затем пристрелить и его, и Каспота. Решившись, он резко встал с места. Сейчас Каспот распростится с жизнью, а бледное лицо Удова будет залито кровью. Каспот понял, что может сейчас произойти, и застыл, не в силах шевельнуться. Но Удов, стоящий поодаль, кажется, погрузился в свои мысли и ничего не заметил. Иначе наверняка наставил бы на Атабиа маузер.

«Атабий, не пори горячку, – зазвучал в голове юноши голос. – Все может закончиться хуже, чем ты думаешь. Что толку тебе отбирать у Удова маузер, если ты даже не знаешь, как с ним обращаться. Сядь на место и выслушай, что они скажут. Не торопись губить себя. Не тебя одного не устраивают новые порядки, мало у кого сейчас на сердце покой. Терпи, и будь готов к тому, что впереди тебя ждут новые страшные испытания, из которых ты должен выйти с честью. И тогда настанут дни, когда ты будешь счастлив, когда будешь думать, что и солнце по утрам восходит только ради тебя».

Что-то холодное коснулось шеи Атабиа. Это было дуло маузера Удова.

– Надень на него наручники, – приказал он Каспоту. – Хватит уже в игры играть. Пошевеливайся!

Каспот перевел Атабию слова Удова.

– Нет, я не дам себя заковать в кандалы, – сказал Атабий.

– Да ты, кажется, не понимаешь, с кем шутики шутишь, – закричал Каспот, схватил свое ружье и навел его на Атабиа.

«Э-э, похоже, не я вас, а вы меня боитесь, сразу вдвоем за оружие хватаетесь, – подумал Атабий. – Ну, что же вы медлите? Лучше уж подохнуть, чем жить под вашей властью. Ну же, давайте, стреляйте!».

Сердце Атабиа стучало так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. А шум в ушах мог бы заглушить рев горной реки. «И как только вас, тварей, земля носит!».

Знай, что сейчас о них думает Атабий, Каспот и Удов немедленно его пристрелили бы. Хотя удивительно, что они до сих пор этого не сделали.

Удов убрал маузер в кобуру, но Каспот продолжал держать Атабиа на мушке. Атабий взглянул на него и слегка улыбнулся. Затем отодвинул рукой в сторону наставленное на него ружье и направился к двери. Взяв чашу, он вышел во двор, нацедил из бурдюка, подвешенного к стволу высохшего дерева, айрану и выпил. Затем вернулся в комнату, прошел на свое место и сел. Поняв это как согласие выслушать их, Каспот присел рядом с ним и начал свою речь.

– Твой отец Абдулкерим, примкнувший к банде Серебрякова, в 1919 году принял участие в казни восемнадцати большевиков. В 1923 году он возглавил восстание в Холамо-Безенгийском ущелье. Тогда его бандгруппа расстреляла девять красноармейцев и четырнадцать сотрудни-

ков ОГПУ. Решением ОГПУ Батыров Абдулкерим был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

При этих словах лицо Атабия приняло синюшный оттенок. Он раскрыл рот, но не мог вымолвить ни слова. Голова у него пошла кругом, в глазах начало двоиться. Потом перед его взором поплыли темные круги. «Врешь ты все, собачий сын, – хотел он сказать, но язык его будто прирос к небу. – Ты говоришь так потому, что затеял какую-то пакость. Разве я не знаю, что за человек был мой отец? Ничего из сказанного тобой он не делал. Да, обманувшись речами Оразая, он на некоторое время примкнул к их собачьей своре. И то лишь потому, что ему не дали самому пасти скот, сданный им в колхоз. Но он никогда никого не убивал. И в гражданской войне ни на чьей стороне не воевал. Все сказанное тобой – ложь. Да горит в аду Оразай, сбивший его с пути!»

– Никто до старости не живет с родителями. Таков закон жизни. Так что будь мужчиной и восприми это спокойно, – сказал Каспот. – Хотя, на мой взгляд, о таком отце не стоит и скорбеть. Сколько невинных людей он отправил на тот свет, сколько детей оставил сиротами. Он ответил за свои преступления, нашлись люди сильнее его, люди, радеющие за благо народа.

Атабий вскочил на ноги, и перепуганные Удов и Каспот опять схватились за оружие. Но юноша лишь посмотрел на них невидящим взглядом, затем упал на подстилку на полу и беззвучно зарыдал. Через некоторое время он затих, немного полежал так, потом поднялся и посмотрел на своих врагов. «Кто убил моего отца? – спросил он. – Ты, Каспот? Или этот твой товарищ с ядовитым лицом? Если это так, я убью вас обоих!»

– Ты думаешь, нас испугают твои глупые угрозы? – с усмешкой спросил Каспот.

– Хватит пороть чепуху. Не таких, как ты, молодчиков умирляли. Приди в себя и слушай дальше. Ты должен понимать, что революция – это всегда кровь. По-другому не бывает. Это наверняка знал и твой отец. Да, они тоже верили в свою правоту. Но они ошибались, и понесли за это заслуженную кару. К сожалению, еще не со всеми врагами нам удалось расправиться. Есть пока немало людей, мечтающих о свержении Советской власти. И спокойствия не будет, пока мы не изведем их под корень. И если хочешь знать, именно такие люди – настоящие виновники смерти твоего отца, именно они сбили его с пути. А значит, им ты и должен мстить. А мы в этом окажем тебе помощь.

У Атабия затекла спина, он подумал было встать, но не стал этого делать, просто принял более удобное положение. Он слушал Каспота, но думал о своем. Теперь ему стало ясно, чего от него хотят. Также он понял, что возражать им сейчас бесполезно, а вступив с ними в бой, он просто даст себя убить.

– В общем, не будем тянуть резину. Может, ты не догадываешься,

но у нас на тебя достаточно компромата. Так, например, мы знаем, что у тебя не раз гостил кровный враг Советской власти Мухтар-Паша. А, как ты понимаешь, друзья таких людей – тоже наши враги. Но ты можешь искупить свою вину. Помоги нам поймать его, и мы достойно отблагодарим тебя. Более того, с этого дня ты станешь одним из самых уважаемых нами людей и заживешь не зная горя.

– Теперь я окончательно понял, что вы за люди. Все ваши слова, как и ваши дела, – одно лукавство, лицемерие.

– Будет лучше, если ты серьезно отнесешься к моим словам, – сказал Каспот, приподнимаясь с табуретки. Он зачем-то снял свой ремень и заново опоясался. Мне кажется, ты понимаешь, насколько благородный человек товарищ Удов. Его поведение сегодня поразило даже меня. Будь на его месте другой человек, давно уже пристрелил бы тебя.

– Каспот обернулся и преданно взглянул на своего начальника. Тот не понял, о чем говорит Каспот, но по взгляду догадался, что его хвалят. «Пропади вы оба пропадом!» – хотелось крикнуть Атабию, и он с трудом сдержался.

– С человеком, которого ты сейчас назвал, я никогда не водил дружбу. Более того, я даже не слышал никогда его имени, – сказал Атабий, прохаживаясь взад-вперед.

– Не пытайся нас обмануть, нам известен каждый твой шаг.

– Мы слишком много времени потеряли, слушая этого безмозглого барана, – сказал Удов, пощипывая левой рукой свои усики. В правой руке он все еще держал маузер. – Объясни ему, дураку, что мы хотим ему добра. Как только Мухтар-Паша попадет в наши руки, он может смело спускаться в село и начинать новую жизнь. Его сразу же примут в колхоз, люди перестанут его избегать. Что толку торчать здесь, словно дикому зверю?

– Я не знаю человека, о котором вы говорите. Никто ко мне сюда не приходил, вы – первые люди, которые здесь появились.

– Мы ненавидим тех, кто нам врет.

– Зачем же вы теряете время на вопросы, если не верите моим ответам? В моих словах нет ни слова лжи. Все мы в это смутное время натворили много грехов, так что мне незачем их умножать, говоря неправду. Еще раз повторяю: до вашего прихода здесь не было ни одного постороннего человека.

– Мне кажется, ты очень торопишь свою смерть, – сказал Каспот, зло уставившись на Атабия.

– Не тороплю, но и не скажу, что слишком дорожу своей жизнью. Ты, может, и не знаешь, но в свое время у меня было все, что нужно для счастливой жизни: достаток в доме, крепкая, дружная семья... А сейчас что мне терять: у меня нет возможности не то что помочь несчастным матери и сестре, но даже видеть их.

– Любое наше слово ты воспринимаешь в штыки. Мы все еще надемся, что ты оценишь нашу доброту и пойдешь нам навстречу. Но не думай, что терпение наше бесконечно. И ты будешь далеко не первый, кто узнает, насколько жестокими мы можем быть по отношению к своим врагам.

– Я тоже могу сказать, что слишком долго терплю вас, – сказал, сорвавшись, Атабий. Он старался выглядеть спокойным, но внутри у него все кипело. Он все еще не избавился от мысли плюнуть на все и наброситься на этих мерзавцев.

Атабий был очень молод, ему не исполнилось еще и двадцати. Но тот, кто не знал этого, дал бы ему намного больше – испытания, выпавшие на его долю, сделали свое дело. Ежедневная непреходящая тревога за своих родных рано превратила его в зрелого мужчину. С того момента, как негодяй Каспот сказал, что отец его казнен, у Атабия беспрерывно ноет сердце. Хотя остается маленькая надежда, что Каспот соврал, и казнь Абдулкерима – всего лишь выдумка, для того чтобы подавить его волю и склонить на свою сторону. У этих мерзавцев всегда полно уловок, это люди, про которых говорят, что они могут пройти по глубокому снегу, не оставив следов.

– Все ваши слова о том, что вы желаете мне добра – ложь. Единственные, кому вы хотите добра – это вы сами. И ради этого вы готовы на все. Мне только интересно, до каких пор вы будете продолжать творить бесчинства? Когда вы уже напьетесь людской крови?

– Смотри! Смотри туда! – закричал вдруг Удов. Атабий и Каспот обернулись и увидели четырех всадников, вышедших из леса и направляющихся в их сторону. Удов и Каспот схватили свои ружья и, не мешкая, забежали за кош, а Атабий остался стоять на месте. Из лесу показались еще два всадника. «А это еще кто такие?» – с тревогой подумал он. Ничего хорошего и от очередных незваных гостей он не ждал. Кажется, действительно ему придется сегодня расстаться с жизнью. Атабий постарался взять себя в руки, чтобы не показать страха приближающимся всадникам. Краем глаза он заметил, что Удов и Каспот нырнули в чащу, видимо, им совсем не хотелось сразиться с шестью неизвестными людьми.

«Вот вы и показали свою храбрость. Одно дело – грозить безоружному, и совсем другое – вступить в бой с настоящим противником. Увидев вооруженных людей, вы, словно зайцы, побежали в лес. Бедная власть, которая надеется на таких защитников». Атабий сказал эти слова вслух, но Каспот и Удов его не слышали, они уже далеко углубились в чащу. Жизнью своей они дорожили.

Тем временем всадники подъехали к кошу. Все они были хорошо вооружены. По всему видать, это были люди, считающие, что от них зависит судьба мира. Ехавший первым востроглазый чернородый мужчина снял папаху и утер пот с лица. Голова его была гладко выбрита.

«Ассалам алейкум, – поздоровался он. Атабий ответил на приветствие. Никого из подъехавших он не знал, среди них не было его односельчан.

– Ты кто? – спросил Атабия бритоголовый, освобождая одну ногу от стремени и усаживаясь в седле поудобней.

– А это я у вас должен спросить, кто вы такие, – ответил Атабий.

Его ответ развеселил всадников, все, кроме спрашивавшего, разразились хохотом.

– Думается мне, ты из неверных, – сказал бритоголовый. – Я прав?

По тону его чувствовалось недовольство тем, что кто-то мог не знать, кто он такой.

– Я задал тебе вопрос: что ты за человек?

– Сказать по правде, я и сам не знаю, что я за человек, – ответил Атабий.

– Ты на нашей стороне или на стороне красных?

Атабий, которому уже до смерти все надоело, не стал кривить душой: «Ни за вас, ни за них. Я сам за себя».

Всадники насторожились. Было вино, что скажи их предводитель слово, и они тут же расправятся с наглецом.

– Отвечай нормально, собачий сын!

– Точно я могу сказать лишь одно: я на стороне Аллаха.

– Тогда ты на нашей стороне.

– Я не знаю, кто вы такие.

– Мы верные рабы Аллаха и кровные враги большевиков. Мы – горцы, которые будут сражаться, пока с большевизмом не будет покончено окончательно. Я понятно выражаюсь?

– Да, я понял тебя. Но не похоже, что ваши враги покорно сложат оружие. То же самое они говорят про вас.

– Мне совсем не нравятся твои речи, – недовольно сказал чернобородый. – А потому расскажи нам о себе подробнее, чтоб мы знали, кто ты такой. И сделай это, не дожидаясь, когда тебе к горлу приставят нож.

Бритоголовый спешился, и один из всадников тотчас соскочил с коня и взял у своего предводителя поводья. Напялив на голову папаху, бритоголовый прошел за кош и увидел привязанных коней. Это его сильно встревожило. Он подал знак рукой, и всадники сразу же попрыгали с лошадей.

– Где их хозяева? – строго спросил чернобородый. – И не вздумай врать, если жизнь тебе дорога. Уж не привечаешь ли ты наших врагов? Думаю, ты должен понимать разницу между ними и нами. Они отобрали у людей имущество, лишают их веры, строят жизнь, в которой наши девушки должны вести себя безнравственно. А мы – спасаем вас от них, ни днем ни ночью не зная покоя.

При этих словах чернобородого Атабий вспомнил одну из историй, связанных с Батырбием. Когда стало известно, что он собирается же-

ниться на Иллеуке – дочери Кумука, который, как говорится, был одним из тех, кто принес советскую власть на плечах, его отец Кичимай сказал: «Эта девушка демонстративно носит красный платок, показывая людям свое неверие в Аллаха. Она из тех, кто позволяет себе наряжаться в мужскую одежду и наравне с парнями скакать на лошади. Знай: пока я жив, она не переступит порог моего дома».

– Отец, – горделиво ответил ему Батырбий, – девушки-комсомолки носят красные платки, чтобы показать, что они верят не в бога, а в партию. И мы во всем поддерживаем их. Именно на таких девушек наша надежда, они прокладывают дорогу к светлой жизни, только благодаря им молодежь сможет вырваться из тьмы невежества. И если я послушаюсь тебя и откажусь сейчас от нее по названным тобой причинам, ты понимаешь, чем это закончится для меня? Понимаешь, что, запрещая мне жениться на этой девушке, ты съешь мою голову в пекло?

– Нет, не понимаю. И понимать не хочу. Пока я жив, у меня не будет снохи, носящей красный платок.

– Почему ты не хочешь меня понять? Я ведь и сам – красный. И в Аллаха я тоже не верю.

– Тем хуже для тебя. Даже ценой жизни я не позволю, чтобы мой дом заполнили кафиры.

К мнению Кичимая не прислушались, все-таки Иллеука вошла снохой в его дом. Но в ту же ночь случился пожар, и дом Кичимая сгорел. Остались одни каменные стены. Кичимай тогда плакал, прося прощения у Аллаха. Зато для Батырбиа это стало поводом для еще большего усердия в деле уничтожения «врагов Советской власти».

Отодвинув в сторону стоящего на пороге Атабия, чернобородый вошел в кош. Увидев व्यюки Удова и Каспота, он разворошил их и достал оттуда аккуратно сложенные листы бумаги. Выйдя во двор, он протянул их одному из парней.

– Прочитай, что здесь написано.

Пробежавшись глазами по листкам, парень сказал: «Это списки людей, составленных ОГПУ».

– Говори ясней.

– Это список жителей Холамо-Безенгийского ущелья, которые, по мнению ОГПУ, должны быть арестованы или уничтожены.

– А мое имя там есть? – с улыбкой спросил бритоголовый. Все засмеялись.

– Да, Исхак, твое имя в самом начале списка.

– Ты это серьезно говоришь?

– Клянусь Аллахом, это так.

Лицо бритоголового разительно изменилось. Он то бледнел, то краснел, глаза его, казалось, сейчас исторгнут огонь. Схватившись за плетеную калитку у входа во двор, он вырвал ее и отбросил в сторону, отчего

стоящая рядом лошадь испуганно шарахнулась. Ни слова не говоря, он вытащил из кобуры пистолет и изо всей силы ударил рукояткой Атабия по лицу. Атабий пошатнулся и опустился на корочки. Бритоголовый подскочил к нему и ударил его по голове ногой.

Атабий хотел встать на ноги, но не мог. Кровь залила ему глаза, он видел окружающее как в тумане. Все остальные с одобрением наблюдали за происходящим и были готовы по первому знаку своего главаря сбросить Атабия со скалы. Им с самого начала не понравились речи Атабия, а уверившись, что он «большевик», они укрепились в мнении, что с ним надо расправиться.

В эту минуту Атабий готов был ждать помощи даже от Удова и Каспота. «Вы же выглядели такими героями, когда измывались здесь надо мной. Ну так проявите свое мужество, придите и покажите, что вы мужчины. Хотя о чем это я? Вы друг друга стоите, пропадите пропадом и вы, и они».

– Где твои сообщники, свинья? – прорычал бритоголовый. – Отвечай, не то твой труп станет пищей для стервятников.

Атабий молчал. Несмотря на пятна крови, лицо у него было бледное, как у мертвеца. Сжав зубы, чтобы не застонать, он ожидал новых мучений. «Зачем все это было? – думал он, лежа на земле. – Зачем я подобно дикому зверю скрывался в лесу, раз все равно дело заканчивается бессмысленной смертью? Может, тогда лучше было умереть в отчем доме? «Трус обязательно встретится с тем, чего боится», – говорят в народе. Так со мной и случилось. Но нет, почему это я трус? Пусть враги мои будут трусами. Нельзя отчаиваться, надо искать выход из положения. Может, сказать им, что покажу местонахождение своих товарищей, заманить их в лес, а там уже найти способ избавиться от них?

– Поднимите его, – приказал главарь.

Двое парней подхватили Атабия под мышки и поставили его на ноги.

– У нас уже нет сомнений, на чьей ты стороне, – сказал бритоголовый, приставив пистолет к его лицу.

– Я вам сказал, что я на стороне Аллаха, – ответил Атабий, радуясь тому, что стало легче дышать.

– Закрой рот, ты, рожденный шлюхой! Не тебе говорить об Аллахе!

– Шлюха – твоя мать, – сказал Атабий, отодвигая в сторону направленный на него пистолет. Все переглянулись, удивившись его смелости.

К удивлению присутствующих, бритоголовый не пристрелил тут же на месте Атабия. Он некоторое время смотрел на него, и довольно спокойно сказал: «Кажется, страх помрачил ему мозги, и он начинает бредить. На яблоневои дереве не вырастут груши. Этот уже подписал свой приговор. Приговоренными можно считать и всех остальных, всех, кто предал свою религию, пошел против Аллаха! Мы будем искать их, находить и без жало-

сти убивать. А Всевышний накажет их на том свете, сделав их уделом ад».

– Делайте, что хотите. Мне плевать, что вы обо мне думаете, – сказал Атабий. Он уже окончательно решил, как будет себя вести. Народ давно уже сказал, что от врага нельзя спастись, унижаясь и взывая к его милосердию.

– Не учи нас, что нам делать! – проревел бритоголовый и, размахнувшись, со всей силы ударил Атабия рукояткой пистолета по лицу. С громким криком парень рухнул на землю. «Ну вот и все, – успел он подумать, почти теряя сознание. – Но ничего не поделаешь, не ты первый, не ты последний, кто безвременно покинул этот мир...»

Бритоголовый стоял над ним, держа в руке пистолет, и, кажется, выбирал, что будет лучше – выстрелить ему в голову или сердце. Но Атабию было уже все равно, он еле дышал, и глаза его, хоть и были открыты, ничего не видели.

– Ну, что ты теперь скажешь? – промолвил бритоголовый. – Где теперь твоя гордость? Валяешься в пыли, и уйдешь сейчас из жизни, как паршивая собака.

– Исхак, подожди, пожалуй, не стоит его пока убивать, – сказал один из парней бритоголовому, который был уже готов нажать на курок. – Нет сомнения, что люди, бывшие с ним, не жили здесь. Они, по всему видно, приехали чуть раньше нас. Во вьюках у них дорожная еда, мыло, бритвы, полотенца. Кажется мне, что это вовсе не простые люди. Так что прежде чем убить его, лучше было бы узнать от него, кто это такие и куда делись.

– Нет, я все равно пристрелю его. Никто в жизни меня так не оскорблял. Он не должен больше жить ни минуты. А с гостями его тоже как-нибудь разберемся потом.

– погоди, Исхак, подумай как следует.

– Нет, он не достоин больше видеть этот мир.

– По-моему, тебе не надо даже тратить на него пулю, – сказал один из парней. – Кто бы ни был этот несчастный, он и так уже вот-вот отойдет в мир иной.

– Уж не жалеешь ли ты его? Что ж, тогда сядь рядом с ним, прижми его голову к груди, утешь его, дай водички попить...

– Мне кажется, будет не совсем верным стрелять всех, кто попадет на по пути, не разобравшись, кто они такие, – возразил парень, вынесший из коша вьюки Удова и Каспота. – Если мы будем так поступать, люди отвернутся от нас. Давай все-таки разберемся, кто это такой...

– К врагам не должно быть никакого снисхождения. Запомните все: если вы сегодня проявите мягкость к врагам, завтра они лишат вас жизни. А кто он такой, этот валяющийся в пыли мерзавец показал с самого начала. Это – враг, никаких сомнений в этом быть не может. И таких людей, предавших свою веру и свой народ, надо истреблять бес-

пощадно. Что касается владельцев этих вьюков, то и они от нас никуда не денутся, доберемся и до них. А тебе, парень, я хочу сказать, чтобы ты перестал быть таким мягкотелым. Я уже не в первый раз замечаю, что ты слишком снисходителен к красным собакам.

– Нет, Исхак, ты не прав. Я ненавижу красных. И именно поэтому я бросил дом и воюю с ними, рискуя своей жизнью. А ты, Исхак, из-за мнительности своей порой перегибаешь палку. И даже товарищей своих готов обвинить в предательстве.

– Я свою жизнь посвятил борьбе с красной заразой, и всякого, кто мне будет мешать, уберу со своего пути, ни на минуту не задумываясь.

Исхак опять навел пистолет на Атабия. Но в это время парень, вступивший со своим главарем в перепалку, встал между ними и заслонил Атабия.

– Исхак, хватит уже бессмысленных смертей. Надо разобраться, может, этот несчастный ни в чем не виноват.

– Я думаю, он прав, – вступил в разговор другой парень. – Надо разобраться, и тогда уже решать, что с ним делать.

– Ну что ж, разбирайтесь. Решайте. А я послушаю вас, – сказал Исхак, отходя в сторону и засовывая наган в кобуру.

Наступило молчание. Атабий все еще не пришел в себя. Перед глазами его проходят странные картины: бушует ураган, он вырывает с корнями деревья, срывает двери низеньких домишек; затем все погружается в беспросветную темноту. Опять светлеет, и с неба начинают падать огромные градины. «О Аллах Всемогущий, засыпь нас градом, – шепчет Атабий. – Пусть я тоже сгину, но дай мне увидеть, как сдохнут эти негодяи. Я хочу умереть. Больше мне в этой жизни ничего не надо. Я никогда не мог представить себе, что подвергнусь такому унижению – буду беспомощно лежать у ног какого-то мерзавца, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Какой позор! Наверно, и этот лес, и эти горы смеются сейчас надо мной. Как хорошо, что этого не видит никто из моих знакомых. Представляю, как радовался бы Батырбий, если бы увидел меня в таком положении. О Аллах, неужели и ты сейчас встал на сторону этих убийц? Зачем ты позволяешь этим собакам так себя вести? Так пусть же ураган бушует еще свирепей! Пусть град станет орудием Твоей кары! Порази мерзавцев молнией!».

– Посадите его на одного из этих коней и привяжите к седлу, чтобы не упал. Второго коня поведете на поводу. Вьюки приторочьте к спине ишака, выведите из стойла и корову с телятком, – приказал Исхак. – Два человека останутся здесь в засаде, хозяева коней наверняка сюда вернутся.

V

Атабия лихорадит; все ему видится, как в тумане. Он плохо понимает, где он и что с ним происходит. Если бы стоящий рядом парень не

поддерживал его, он бы наверняка упал. В голове у него немного прояснилось, и он понял, что находится у своего коша. «Айран... Дайте мне глоточек айрана», – прошептал он, еле шевеля разбитыми губами.

– Что ты хочешь? – спросил поддерживающий его за локоть парень.

– Айран...

Один из парней зашел в кош, вынес чашу с айраном и подал ему. Атабий поднес ее ко рту, но как ни старался, не смог выпить. Только с помощью парня ему удалось сделать несколько глотков.

– Где мы? – спросил Атабий. Голос его уже звучал немного лучше. – Кто вы?

– Закрой рот и молчи, – грубо ответил ему парень. – Надоело уже нянчиться с тобой.

– Трогаемся! – сказал Исхак. – Подожгите кош!

– О чем ты говоришь, свинья кривая? – вдруг спросил Атабий.

– Что ты сказал? Кто здесь кривой? – спросил Исхак.

– Ты. Вон же, у тебя повязка на глазу.

– Э-э, да он, кажется, головой тронулся... Не знаю, есть ли смысл его с собой таскать.

– Думаю, ты прав, – сказал Исхак. – Свяжите ему руки и ноги и за тащите в кош. Пускай сторит вместе с ним.

– Аллахом вас прошу, ступайте отсюда с миром, – сказал Атабий. Он хотел подойти к Исхаку, но плохо держался на ногах. – А ты кто? Что-то я не могу тебя признать... Постой-постой, не тот ли ты мерзавец, который убил моего отца?

– Да ты, я вижу, не уймешься, – сказал Исхак и, размахнувшись, ударил Атабия кулаком в лицо. – Соскучился по мертвому отцу, так я тебя к нему отправлю!

– Избивать умирающего – не делает никому чести, – сказал стоящий рядом с Атабием парень. – Это не в наших обычаях. Тем более, он тоже балкарец.

– Он не балкарец, и не человек, – сказал Исхак, зло посмотрев на него. – Это большевик, грязная собака, которая никак не напьется крови народной. Это такие, как он, перевернули с ног на голову нашу жизнь. – Исхак подошел к копне, взял большую охапку сена и занес ее в жилище. Затем сделал так еще раз и, вытащив из кармана огниво, подпалил сено. При виде весело заплескавших язычков пламени Атабий оживился, глаза его заблестели. Стоящий рядом парень удивился этому и насторожился, ему показалось, что Атабий сейчас выкинет какой-нибудь фокус. Но тот неожиданно залился смехом.

– Эй, люди, кто это так чудесно играет на свирели? – спросил он, обводя взглядом присутствующих. – Послушайте, какая прекрасная мелодия! Мне хочется петь и танцевать! А вы подпевайте. Мне кажется, вы очень хорошие люди...

Он опять посмотрел на своих незваных гостей.

– А-а, нет, я ошибся, вы – убийцы. И скоро все вы кровью заплатите за свои злодеяния!

– Да он нарочно строит из себя дурачка, чтобы поливать нас грязью! – сказал Исхак, потянувшись к кобуре. Похоже, терпению его пришел конец, и он окончательно решил пристрелить Атабия.

– Нет-нет, я говорю не про вас, – продолжал Атабий. – Вы мои друзья, вы пришли помочь мне отомстить за смерть моего отца. Но у меня нет оружия, дайте мне винтовку, и я буду уничтожать их – белых, красных, всех без разбора. Глаза его опять затуманились. – И вас я тоже заставлю кровью блевать!

Исхак ударил Атабия ногой в живот, и тот рухнул на землю. Двое парней подхватили его за руки, за ноги, вынесли и бросили на лошадь Удова поперек седла. В путь тронулись все, Исхак отменил свое решение оставить двух человек в засаде.

Удов же и Каспот не стали убегать далеко, выбрав удобное местечко, они наблюдали за всем происходящим. Как только всадники тронулись в путь, одновременно раздались два выстрела и двое бойцов Исхака попадали с лошадей. Лошадь Удова от выстрелов шарахнулась в сторону, и плохо привязанный к седлу Атабий упал на землю. У Исхака и его друзей не было возможности оказать сопротивление: они были на открытой местности, а их враги – в лесной чаще, непонятно было, откуда прозвучали выстрелы. Им ничего не оставалось, как спасти свои жизни бегством, что они и постарались сделать. Вслед им раздалось еще несколько выстрелов, но на сей раз пули никого не задели, всадникам удалось скрыться в лесу.

Каспот приподнял голову Атабия и платком вытер кровь с его лица. Приложив голову к его груди, он прислушался, и понял, что тот жив.

– Да уж, крепко ему от них досталось, – сказал Удов, разглядывая Атабия. – Впрочем, чего другого от них ждать, убийцы они есть убийцы. Конечно же, он пострадал и по нашей вине. Если бы мы не сбежали, такого не случилось бы.

– Останься мы здесь, нас перестреляли бы, – сказал Каспот, вглядываясь в лицо Атабия. – Интересно, сможет он прийти в себя?

– Откуда мне знать, я тебе не доктор, – грубо ответил Удов. – Я осмотрю убитых, может, найду какие-нибудь документы. А наши вещи, кажется, в целостности и сохранности. – Он указал на вьюки на спине стоящего невдалеке осла.

– Хорошо, – сказал Каспот, все еще внимательно присматриваясь к Атабию. – Удивительно будет, если этот несчастный не потеряет рас-

судок. Уже с того момента, когда мы сказали ему про отца, он начал себя странно вести.

Удов посмотрел на него с удивлением.

– Ты, кажется, уже забыл, что этот человек – ярый враг Советской власти, – сказал он. – Сойдет он с ума или сдохнет, мне совершенно без разницы. Невелика потеря, одним бандитом на земле станет меньше. Не вижу в этом ничего плохого.

Каспот не подал виду, но слова Удова ему не очень понравились. Все-таки нехорошо это, злорадствовать при виде умирающего.

А Атабий пребывал в это время в каком-то другом мире. Он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, глаза его были закрыты, в голове звучали голоса. Выглядел он очень плохо, весьма вероятно, что при падении с лошади он поломал себе ребра, ибо при каждом вдохе нестерпимая боль пронзала его грудь.

«Какие-то злодеи лишают меня жизни, – мысленно беседует он с отцом. – Но ты за меня не волнуйся, иди домой, к матери и сестре. Им очень тяжело в это страшное время. Ни днем, ни ночью у них нет покоя в душе. И ты очень легко одет, смотри, не простудись».

«Не проявляй слабости, сын, – отвечает ему отец. – Еще не время умирать. А за меня не беспокойся. В любом случае, я уже достаточно пожил на этом свете. Конечно же, мне не дали осуществить все, что я задумывал. Хотя, может, есть в этом и моя вина. Но я ничуть не жалею о том, как жил. Совесть не позволила мне уподобиться Батырбию. Подобно бешеной собаке, он готов наброситься на любого, кто стоит у него на пути. И он ничем не брезгует для достижения своей цели, даже доносами. А это уже последнее дело для мужчины. И что хуже всего – от его рук пострадает еще много людей, еще не весь свой яд он растратил. Так что ты постарайся держаться от него подальше. Так получилось, что вся наша жизнь – война. И пока еще конца ей не видно».

– Айран, – прошептал Атабий, еле шевеля губами. Но Каспот не мог выполнить его просьбу. От коша Атабия остались одни головешки...

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Рассказ

Говорят, в минуту смертельной опасности вся жизнь человека в какие-нибудь секунды, подобно волшебному калейдоскопу, проносится в его сознании, не опуская даже, казалось бы, незначительные эпизоды. И так, как все это было, как случилось то, что подвело итог ее жизни? Залина смотрела в темноту воспаленными сухими глазами, слезы не шли, как она ни старалась выплакать свое горе. Вспышки памяти листали страницу за страницей ее жизни за неполные пятьдесят, ведь в этом году у нее юбилей.

Вот она собирается первый раз в первый класс, и счастье переполняет душу, в новеньком портфеле с блестящей застежкой собраны и букварь, и тетрадки, и ручки с карандашами, красиво уложенные в целлулоидный пенал. Вот строгий отец, чей авторитет непререкаем, и вечно суетящаяся в хлопотах и заботах мать, состарившаяся раньше времени, что, в общем-то, характерно для невестки в кабардинской семье, для которой нет и минуты для себя – услужить мужу и его родне, родить и воспитать детей, наводить чистоту и порядок, всех кормить, за всеми прибираться, заботиться о саде-огороде, обихаживать домашнюю скотину, а еще есть всякие сезонные авралы типа посадить картошку, несколько раз ее прополоть и окучить, потом выкопать, рассортировать да еще на рынок отвезти и самой в морозный день ее распродать; сгребать сено, которое накосили мужчины, и укладывать его в стога, и прочее, и прочее, куда там известной Золушке.

А что делать, все так живут, муж-то работает, семью кормит. Живут не хуже других, без ругани и скандалов, хозяин дома не пьет и не ищет приключений, а это и называется семейное счастье в селе, да и не только там. Залина подумала: а ведь она никогда не видела мать сидящей, даже на праздничных посиделках та что-то жарила, парила, подавала, убирала, мыла посуду, стелила постель, принимала гостей... Вспомнилась бабушка, мать отца, с вечно поджатыми губами и недовольной миной на лице, и для этого у нее была более чем веская причина. Она, видите ли, была из более знатного рода, более обеспеченной семьи, поэтому брак свой считала мезальянсом, невесток в упор не видела, а

на внуков собственных смотрела так, будто проверяла их соответствие своему высокому рангу.

Другая бабушка, у которой Залина иногда гостила, была с ней гораздо ласковей и добрей, но так же верно и преданно служила своему капризному мужу. В детстве у Залины была мечта: уехать после школы в большой город, окончить хороший вуз и остаться там жить, встретить такого мужчину, который бы понимал ее и заботился о ней, собственно, об этом мечтали все ее подружки. В большой город ее не отпустили родители – там опасно, она еще ребенок, жизнь юной девушки полна опасностей и искушений, главная ее задача – выйти замуж непорочной и создать крепкую семью.

Отличница, медалистка, все умеет по хозяйству, да еще красавица, Залина должна получить высшее юридическое, а за женихами дело не станет, многие родители потенциальных соискателей руки и сердца уже устали намекать на свои матримониальные надежды. Но – сначала образование, а там и дальнейшая городская жизнь, потому что в селе женщине ой как трудно. Это тоже правда, Хасан, однако, оказался парнем сельским, что Залину нисколько не смутило. Знакомство состоялось на ее третьем и на его четвертом курсах, когда их занятия по физре совпали по расписанию. Маряша, лучшая подружка с первого курса, потащила Залину посмотреть на матч-турнир по волейболу между студентами стройфака, а там царил он – высокий, спортивный, уверенный в себе, его подачи невозможно было отбить, а сам он брал любые мячи.

Маряша, которая дружила с половиной универа, оказывается, знала Хасана, и они вместе с другими зрителями болели активно, скандировали его имя. Но тот, казалось, никого и ничего не замечал, увлеченный игрой. Однако это только казалось, потому что через день сам подошел к ним в читалке, стал забавно шутить, прикалываться, и это тоже у него получалось очень даже. Залина больше молчала, наблюдая шутивную трепотню подруги с интересным, что греха таить, парнем, будучи уверенной, что именно Маряша и составляет предмет его интереса. На нее все западают сразу, и она вовсе не против пококетничать с парнями, встряхивая своими светлыми волосами, играя глазками, улыбаясь так искренно, как будто испытывает к собеседнику величайший интерес.

Залина очень хорошо знала: Маряша дальше заигрываний не пойдет, и нужно очень постараться, чтобы заслужить мало-мальски ее настоящий интерес. Потом Хасан стал часто приглашать их то в кафе, то в кино, то просто в городской парк погулять, и как Залина ни старалась не мешать подруге, в итоге оказывалась вместе с парочкой. Все же нашла вескую отговорку и не пошла с ними в очередной раз в кино. А на следующий день Маряша, без всякой интриги, ревности и прочих женских уловок поведала, что Хасан весь вечер спрашивал про Залину,

расстроился так, что не смог при всей своей дипломатии скрыть это, и интерес его имеет конкретный адрес.

Залина где-то не поверила, где-то удивилась: свою нарядную городскую подругу, чей отец был хорошо известен в узких кругах, а мать слыла первой городской модницей, она считала гораздо более перспективной невестой. Хотя в другом, пожалуй, у них паритет, учатся на одном курсе и даже у Залины оценки получше, потому что не распыляется, подобно подруге, на тысячу интересов, внешне она тоже ей не уступает, более того, они создают яркую контрастную пару, потому что Залина яркая восточная красавица, а Маряша – шатенка с более мягкими чертами лица.

Точку в ее сомнениях поставил Хасан, который явился к ней в общагу и объяснился в любви. Конечно, в своем слепом эгоизме рассказала обо всем Маряше, и опять та проявила чудеса толерантности, ну вот такая она, уверенная в себе, без всяческих комплексов, преданная дружбе, то есть весьма редкий гендерно-национальный тип. Даже заметила, что она-то всегда знала, ради кого Хас так старался, и разбрасываться такими женихами неразумно. Залина еще увидит, какую карьеру Хасан сделает, он и не намерен вовсе после универа возвращаться в родное село, там для него и работы нет, там инженеры-строители на фиг никому не нужны. В этих событиях прошел конец учебного года, и они разъехались на каникулы, вернее, Хасан уехал с друзьями в Алтайский край на стройку, а Залина – к себе домой.

Именно по письмам она его полюбила. Письма получала Маряша, вкладывала в новый конверт и пересылала подруге – чтобы незамужняя девушка так интенсивно переписывалась с молодыми людьми, да еще с Алтайского края, это совсем уж моветон в селе, где все всех знают и каждая новость разлетается мгновенно. Хасан не писал о любви, но его послания были полны заботы, внимания, планов на будущее, и он часто повторял: сделает все для того, чтобы Залина никогда не пожалела о своем выборе, они будут счастливы вместе.

К началу учебного года Хасан не успел – что-то там достраивали, завершали, но когда он встретил ее после занятий где-то в середине сентября, у Залины подкосились ноги. Перед ней стоял еще больше возмужавший, окрепший, загорелый не юноша, нет, взрослый мужчина. Он повел ее к собственному, заработанному алтайскими трудами автомобилю – вот это сюрприз, повез в курортную зону, к голове легендарного богатыря, где находился теперь стилизованный ресторан, и вручил ей подарок, помолвочное золотое кольцо. Господи, сколько было счастья, сколько было любви! А через десять месяцев, когда он окончил вуз и устроился на работу, а она, соответственно, перешла на пятый курс, на этой машине он с друзьями «умыкнул» ее и отвез к родителям уже в качестве законной супруги.

Залину в новой семье сразу приняли и полюбили, но в селе она оставалась недолго, переехали в городскую съемную квартиру – молодому мужу надо работать, а ей – оканчивать учебу. В первые месяцы супружеской жизни оба не замечали скудости и убогости нового жилья, ведь и раньше не барствовали в своих общагах, да и родные дома вовсе не были дворцами, зато у них семья, зато они вместе. Залина часто вспоминала, как защищала дипломную работу, будучи глубоко на сносках, как через два дня после этого Хасан отвез ее в роддом и всю ночь ходил под окнами, как любил маленькую дочь и после работы мчался домой, где, наскоро помыв руки, брал на руки Оксанку, качал ее, был счастлив, когда она ему стала радоваться и улыбаться, пуская сладкие слюни.

А когда через два года родилась Лянка, у них уже была собственная двухкомнатная квартира, ведь дом сдавал Хасан, а строители всегда имеют фору в жилищном вопросе. Залина полностью растворилась в семейных заботах: накормить, обстирать, убраться до зеркального блеска, встретить и проводить мужа, какая бы беспокойная ночь у нее ни случилась, даже если всю ночь сидела с больным ребенком, святое дело – приготовить мужу горячий завтрак и проводить его на работу, по субботам поехать к родителям мужа и два дня убираться там, приготовить еду на несколько дней вперед, навещать всех родственников по поводу и без повода с подарками, впрочем, каждая невестка в национальной семье все это проходит сама.

Хасан в это время строил свою карьеру, поднимался по служебной лестнице, хорошо зарабатывал, хотя времена были не самые хорошие, а когда стало возможным заниматься частным строительством, быстро понял преимущества такого бизнеса и стал работать на себя, да еще увел с собой самых лучших, самых опытных строителей. Вскоре купил участок и возвел особняк по всем правилам строительного искусства в хорошем районе, на престижной улице.

Когда девочки подросли, Залина тоже устроилась на работу в небольшую юридическую компанию, которая занималась кадастровыми проблемами. Хасан был недоволен: ему приходилось самому греть себе обед, да и девочки так не обихожены, как раньше, к тому же зарплата жены – сущие слезы. Оксана окончила школу и поступила на медицинский факультет местного университета, через два года в престижный московский вуз поступила Ляна, но тут случилась большая любовь у старшей дочери и она на третьем курсе скоропостижно выскочила замуж, а там и ребенок вскоре появился на свет. Тут и случился конец трудовой деятельности Залины, которая, к вящему удовольствию домочадцев, осела дома с новорожденным внуком – дочь же не может бросить учебу, на медицинском нет заочки.

Родилась еще одна вучка, и хотя теперь дочь работала, все шло

по накатанной – бабушка сидит дома и счастлива с внуками. Там и прагматичная Лянка нашла свою судьбу в лице сына преуспевающих отельеров, хозяев нескольких гостиниц в Москве, у нее тоже были две девочки, правда, на мамину помощь она не рассчитывала, у нее были и мамки, и няньки, и домработницы, и именно она явилась инициатором переезда семьи старшей сестры в столицу страны – в родном городе у старшего зятя никак не вытанцовывалось.

У Хасана дела шли в гору, он прикупил соседний участок, расширил домовладение, помог старшей дочери купить квартиру в Москве и открыть частную зубоорачебную клинику. А еще раньше он принес домой два ключа и торжественно объявил жене, что сдает шикарный дом и оставляет за собой две современные квартиры на одном этаже для дочерей, где особенно тщательно сделан ремонт по новейшим технологиям, мало ли как оно там сложится, не им, так внукам пригодится, недвижимость только растет в цене. Кроме того, оставалась еще их старая квартира, где постоянно жили какие-то родственники Хасана: переедут в город, бесплатно поживут в халывной квартире, потом обзаведутся собственным жильем, а там подрос и обженится следующий племянник, или племянница, которые принимают вахту.

Теперь они жили вдвоем в огромном доме, оформленном на свекровь, даже обе машины не числятся за Хасаном, одна записана на мать, другая на жену. С его бизнесом нельзя рисковать имуществом. И еще раз она сделала попытку выйти на работу – для чего, в конце концов, она получила свой диплом, да и скучно сидеть дома, подруг нет, с соседками вежливо-лицемерные отношения.

Когда-то Хасан сделал все, чтобы разрушить их дружбу с Маряшей – Залину компрометирует подружка-разведенка, которая одна воспитывает сына, слишком она вольная, слишком она свободная, не пристало приличной семейной женщине появляться в обществе дамы с сомнительной репутацией.

Сначала Залина тайком от мужа поддерживала хоть какие-то связи с подружкой, а с появлением внуков отношения сошли на нет. Маряша звонила несколько раз подряд и, будучи весьма умной, что-то для себя поняла и не стала больше навязываться. Залина скучала по ее светлому уму и остроумным шуткам, легкому характеру, отсутствию глупых стереотипов и неизменных женских штучек типа зависти и ревности, умению быстро делать выводы, очевидно, она и развелась быстро, когда поняла – сделала неверный выбор. Бывает. Конечно, Хасан боялся ее влияния на жену, ее свободолобия и ненависти к семейному феодализму, который, как шутила Маряша, неисчерпаем, как атом.

На ее желание выйти на работу муж резонно заметил, что пока она сидела дома, наука и техника давно шагнули вперед, все делается по айти-программам, а Залина только и умеет, что тупо общаться по

ватсапу, и дома ей работы хватает, а работницы под пятьдесят только и могут рассчитывать, что на место вахтера, где ее будут шпынять все, начиная с подростков. В последнее время он позволял себе говорить с ней жестко, даже жестоко, Залина даже как-то пожаловалась дочерям на это, но обе в один голос заверили: папа так устает, он столько работает, его бизнес пытаются общипать все, начиная от фискальных органов и заканчивая всякими экстремистами, он весь на нервах, а ты, мамочка, никогда домой рубля не принесла, поэтому не понимаешь, как трудно его заработать.

Потом стали говорить, что по сравнению с их мужьями отец просто ангел, потому что один – бабник, который с деньгами, а второй мамсик и ботан, не умеющий прокормить семью, если бы не папа, нечего было бы есть. И вообще, посмотри на соседок, которые, конечно же, не работают, потому что статус мужей это не позволяет, у них только одна радость: натянуть на себя дорогие тряпки, разукраситься брюликами на толстеньких пальчиках и засветиться на какой-нибудь национальной свадьбе, а их престарелые мужья давно имеют параллельные семьи и об этом известно всем, в том числе супружницам, которые не имеют права сказать «мяу». Или на сельских родственниц, которые пашут всю жизнь и считают это нормой, при этом иззавидовались, глядя на то, как ты, мама, катаешься, как сыр в масле.

Между тем, Хасан становился все холодней к ней, они давно спали в разных комнатах, и он все больше воспринимал ее как домохозяйку и работницу. Даже сократил сумму, которую выдавал на хозяйство – детей уже в доме нет, а им двоим много не надо, да и вообще надо меньше жрать, вон как ее разнесло. Увидев, как потемнело ее лицо, перевел все в шутку и сказал, что это касается и его, хотя в последнее время имел личного тренера, который помогал ему сбросить вес, был очень привередлив в еде, да еще купил себе кучу дорого шмотья.

Залина закрылась в ванной, разделась и стала пристально рассматривать себя в большое, до пола, зеркало. Да, лишний вес явно налицо, пожалуй, килограммов двадцать надо бы сбросить, на обратной стороне ног, под коленями, узлы черных вен, которые переплелись, как змеиный клубок, грудь тяжелая и рыхлая, само собой, сальник на животе, мерзкий жировой фартук. Лицо вроде белое и гладкое, но тяжелое, уже хорошо заметны носогубные складки и второй подбородок. Пожалуй, хороши глаза и по-девичьи густые черные волосы, их-то она не забывает красить, но просто сворачивает жгутом на затылке, как-то по-деревенски, что ли.

А ведь еще лет пятнадцать назад Залина могла похвастать и стройной фигурой, и точеным личиком, и красивыми ножками. Муж тогда ее ревновал не без основания, потому что многие заглядывались на жену-красавицу. Залина вспомнила, как случайный московский гость, от

которого зависел бизнес Хасана и которого муж привез без предупреждения, немного выпив, сказал, что никогда не видел такой писаной красавицы, причем абсолютно натуральной, без ботоксов, косметики и прочих новомодных штучек, которые он лично терпеть не может.

Сама виновата, чтобы сохранить красоту, над ней надо работать, но пример некоторых знакомых, которые регулярно посещали косметологов, оптимизма не внушал: лица после уколов отечные, будто покусанные пчелами, губы вывернуты и напоминают рыбий рот, брови черными пиявками пугающе змеятся на лице, неестественно длинные наклеенные ресницы придают лицу дурковатый вид.

Нет, уж лучше так, лучше достойно стареть. Но вес она упустила, проморгала с внуками и заботами момент, когда стала по-быстрому поправляться, но тогда муж ей говорил, что она ему нравится такой аппетитной пухляшкой. У нее есть много дорогой брендовой одежды, есть дорогие украшения, которые когда-то дарил любящий супруг, есть разные шубы, но все какое-то статусное, такое тяжелое и монументальное, а сейчас модно легкое, небрежное, то, от чего веет молодостью и беззаботностью.

После этого случая Залина собрала какие-то рецепты по похудению, пыталась правильно питаться, даже сбросила несколько килограммов, но совсем скоро они вернулись в двойном размере. С одной из соседок они стали вечерами гулять в недалекой «Орешке», городском сквере, но соседка была грузной, медленно ходила и говорила столько глупых банальностей, что этот проект тоже не сработал. Хасан теперь приходил домой поздно, часто отказывался от ужина, мол, поужинал с деловыми партнерами, но на обед регулярно приезжал, и Залина каждый раз нервничала: вдруг и сегодня обед не понравится мужу, хотя она готовила по многолетним рецептам и то, что ему всегда нравилось. Но теперь претензии были такие: слишком жирно, слишком много углеводов, слишком сладко. А как же готовить совсем без жиров?

Ее дни были похожи один на другой: рано встала, проводила мужа, прибралась в доме и во дворе, приготовила обед, покормила мужа, после обеда – поход в продуктовый магазин или на рынок, а потом любимые сериалы, и так до возвращения Хасана, и опять с тревогой она ждала, в каком настроении он придет сегодня. Вечером часто звонили дети – как там здоровье, как мамино давление и папин гастрит, после разговоров по ватсапу, общения с внуками на душе становилось легче, но тревога и ожидание чего-то нехорошего не покидали Залину.

Чего ждешь, то неминуемо придет, говорят в народе. И оно не замедлило явиться. Раз в год Хасан уезжал в санаторий, раньше они ездили вместе, потом с внуками, с проблемами дочерей она стала отказываться от совместного отдыха, а потом так и повелось. Ездил он на воды, недалеко, и сегодня, примерно за полчаса до того, как за ним

должна была приехать машина, а чемодан уже стоял во дворе под ореховым деревом на скамейке, Хасан позвал ее в дом, очевидно, решил, что разговор не предназначен для соседских ушей, мало ли, хотя ближайших соседей и нет.

– Залина, – сказал Хасан, – мне трудно говорить об этом, но и молчать уже нет возможности. Словом, я давно люблю другую женщину и скоро она должна мне родить сына, о котором я мечтаю всю жизнь. Как это ни тяжело, нам придется разойтись. Дочерям я сделал все, что нужно, они меня поймут. А теперь я должен позаботиться о другом своем ребенке. Думаю, пока меня нет, тебе нужно переехать в квартиры дочерей. И, конечно, старая квартира записана на тебя, как и один из автомобилей, и ты вольна делать с ними все, что хочешь. Конечно, можешь забрать любую мебель, любые вещи, и с деньгами я буду тебе помогать. Понимаю, что вроде квартиры обещаны дочкам, но ведь и мы не вечны.

Залина слушала этот монолог как бы со стороны, как бы через вату, фразы, как булыжники, срывающиеся с каких-то вершин и бьющие прямо в темя, доносились через какой-то гул, какие-то грозовые раскаты, но последние слова вызвали своеобразную иронию и немного привели ее в чувство: ого, мне приказывают не заживаться, пора и честь знать, мавр давно сделал свое дело. Остальное она не помнила, что-то он еще говорил, что-то она отвечала... Потом подъехала машина, и Хасан уехал. Много ли, мало ли простояла она с опущенными руками посередине комнаты, Залина не знала. Очнулась, когда стало темнеть. Раскалывалась голова – очевидно, давление. Вот бы умереть сразу, и тогда все проблемы решены. А если инсульт, если превратится в растение, в овощ? Мысль отрезвила, она приняла таблетку, прилегла на кушетку. Надо немедленно с кем-нибудь созвониться, с кем-нибудь поговорить.

Дочери? Одна за границей, на дорогом курорте, наверное, веселится где-то, возможно, даже звонка не услышит. У второй заболел ребенок, зачем ей дополнительный стресс? Лучше успокоиться, завтра прийти в себя и спокойно им все объяснить. А что они могут поделать, не воевать же с отцом, да и вообще, насильно мил не будешь. В конце концов, он не выгнал ее босиком на снег, можно даже жить в старой квартире, чтобы не претендовать на приданое Оксаны и Ляны.

А как она оставит дом, где каждый уголок вычищен и обихожен ее руками, двор, где вот-вот зацветут любимые гортензии, она ведь даже не пользовалась услугами домработниц, разве что два-три раза в год приглашала помощницу помыть окна, и то старалась это сделать без мужа, не выносящего посторонних людей в доме. А как быть с другими цветами во дворе, которые без нее зачахнут? В голове роились мысли: что скажут родственники, знакомые, друзья? Впрочем, очевидно, все давно в курсе лавстори мужа, не зря мать зятя в их последнюю встречу

вглядывалась в нее особым образом и что-то там остороженько выспрашивала, намекала, что в определенном возрасте у мужиков что-то происходит с мозгами. Точно она все знала, но ничего ей, дрянь, не сказала. А если бы и сказала?

Нет, определенно нужно кому-то позвонить, или она сойдет с ума, но на часах одиннадцатый час, кого потревожишь в такое время? Взяла телефон, стала листать список контактов. Все не то. И вдруг, как вспышка в голове – Маряша, она живет одна, она не ложится рано, и, главное, она поймет. Набрала номер как во сне, а услышав такое знакомое «алло», стала беззвучно рыдать.

– Алло, Заля, что случилось? Это из-за него? – И, не дожидаясь ответа, добавила: – Жди, буду через двадцать минут...

Залина теперь рыдала в голос. Какая же она подлая, из-за прихоти этого уroda, этой твари, этого негодяя отказалась от подруги, предала ее, когда та разводилась и ей как никогда была нужна ее помощь, ее поддержка. Сколько доброго она видела от тети Раи, Маряшиной мамы, сколько раз она ночевала у них, ела вкусную еду, сколько умных советов она получила от матери подруги, и как легко она отказалась от людей, которые приняли такое участие в ее жизни! Даже узнав, что ушел из жизни Маряшин отец, забежала на похороны на полчаса, да и была такова.

Поделом ей, Боженька всегда справедлив. Слезы теперь лились рекой, ей было нестерпимо жалко себя, дочерей, Маряшу, невольные проклятия в адрес разлучницы рвались из души и сердца. Как это она ничего не замечала, если ребенок вот-вот родится, это началось вчера. И тут же осеклась: все видела, все замечала, но гнала от себя дурные мысли, они люди немолодые, еще несколько лет потерпеть, а там закончится активная мужская жизнь Хасана, надо как-то доживать. Женские журналы, которые она часто покупала, советовали: если вы подозреваете мужа в измене, ни в коем случае не устраивайте скандалы и сцены ревности, это только ускорит развязку.

Нет, утешала она себя, мало ли что бывает в мужской судьбе, мало ли какие пираньи встречаются на его пути, семья он не оставит и ее не предаст. Вот и дождалась. Интересно, что там за женщина, которая смогла его увести, он ведь так требователен к так называемому моральному облику женщины, так много внимания уделяет ее безупречной репутации, уровню культуры и манерам. Да уж какая культура, когда рожает от чужого мужа, да еще совсем не молодого, правда, упакованного, как любят сейчас выражаться, да и внешне на деда Хасан не тянет – интересный брутал с седыми висками, одетый дорого и элегантно, всегда от него хорошо пахнет, и животик преуспевающего застройщика практически незаметен под пиджаками от Версаче. Зато сама она матрона. Залина вспомнила, как она когда-то отвела тогда еще

маленьких дочек в приезжий зарубежный цирк. Девочек посадила в первый ряд, сама села подальше от громкой музыки и запахов животных, но так, чтобы держать детей в поле зрения.

Один номер ей очень понравился, с воздушными акробатами, выступали два загорелых светловолосых атлета, и один из них был хорош до невозможности, это она отметила чисто эстетически. Не прошло и десяти минут после номера, когда красавец-циркач подсел к ней, и вблизи он был ничуть не хуже, и голос его был бархатным, когда он заговорил, с красивым акцентом он попросил ее о свидании, сказал, что она ослепительная красавица. Залина тогда вежливо поблагодарила его за внимание, показала дочек и назвала себя матроной, верной замужней дамой. На что атлет, чуть усмехнувшись краешками губ, попросил прощения и так же мягко заметил, что она не успеет оглянуться, как действительно станет матроной.

Маряша приехала даже раньше, чем обещала, очевидно, на момент звонка была за рулем, она ведь автоледи, о которых муж отзывался так презрительно – настоящая статусная дама на шатается по улицам, а для редких необходимых поездок всегда есть верный мужу водитель. Подруги обнялись, и долго стояли так, и опять Залину душили слезы, а Маряша гладила молча ее по спине, по рукам, по волосам. Потом она достала из сумки бутылку коньяка, налила Залине практически полный фужер и не терпящим возражения голосом приказала выпить, и Залина, как лекарство, залпом выпила весь бокал.

– А теперь садись и рассказывай все, – потребовала она.

И Залина, периодически всхлипывая, поведала подруге частности ее семейного краха, повторяясь, захлебываясь, где-то замолкая, где-то, наоборот, торопясь и проглатывая слова. Маряша слушала, иногда задавала наводящие вопросы, а Залина, устав и поведав все, замолчала.

– Заля, я знала о его подружке, не скажу, чтобы весь город был в курсе, этого я не знаю, просто я его зимой встретила в Приэльбрусье, куда возила зарубежных друзей, родителей девушки сына. Это было в ресторане, он был с ней, сам сидел спиной ко мне, а она была так близко, что я ее и слышала, и очень хорошо разглядела. Молодая, лет двадцати пяти-двадцати семи, длинные пергидрольные распущенные волосы, стройная, чуть выше среднего роста. Вся сделанная-искусственная, знаешь, как это сейчас тюнингуются: нарощенные ресницы, надутые губы, нос явно прооперированный, глаза подведены чем-то зеленым до висков, накладные ногти в стразах, в общем, типус-вульгарис, типичная охотница за богатенькими мужиками.

Залина слушала, затаив дыхание. Это такой женский тип, думала она, который на дух не выносит Хасан. Или он так искусно притворялся, или любофф затмила его разум.

– Но, повторяю, стройная, с тонкой талией, – продолжала Маряша.

Не хочу врать, все объективно. Хорошая ухоженная кожа, или чем-то набелилась, не разобрала. Когда вышла, видимо, в туалет, разглядела ее очень хорошо. Никаких спортивных костюмов, коротенькое черное платье–обтягушка, ботфорты на низкой подошве, грудь, полагаю, насиликоненная, хороший четвертый размер, короче, знаешь, типаж, от которого мужикам бошку сносит. Но главное, как она себя с ним вела. Улыбалась ему все время, строила глазки, щебетала, не переставая, а когда вернулась к столу, не села на свой стул, а подошла к нему и что-то стала шептать ему на ушко, и на меня даже повеяло ее каким-то суперпарфюмом.

Но это не конец Марлезонского балета. Когда они выходили, твой меня заметил и, представляешь, даже кивнул. Если бы он сделал вид, что не видит меня, я бы решила, что это подружка на время. Но ему было все равно, узнаешь ли ты, растреплюсь ли я тебе. То есть все у него было очень серьезно, и когда ты мне сегодня позвонила, я все поняла.

Маряша сценку описала так натурально, что Залина живо представила себе эту стерву-охотницу. Так вот на кого ее променяли, вот кто перевесил многолетний прочный, казалось бы, семейный союз, чувства дочерей и старой матери, осуждение близких и дальних. Впрочем, с осуждением она явно поторопилась, российская номенклатура, а также все самцы с более-менее тугим бумажником только и делают, что меняют старое мясо на молодое, и никого это давно не удивляет, а многие еще и завидуют, мужчины – счастливому обладателю молодого тела, женщины – тому самому содержимому кошелеков, которое позволяет не просто ни в чем не нуждаться, а отдыхать на дорогих курортах, объездить мир, менять наряды, ездить на суперавтомобилях и жить в роскошных домах, короче, вести шикарный образ жизни.

Маряша между тем продолжала:

– Знаешь. Залька, первый порыв – все рассказать тебе. Но представляешь, если бы я ошиблась и у них просто случился недолгосрочный адюльтерчик, с кем не бывает, а я ввергла бы тебя в пучины страдания, разрушила бы твой мир? Еще раз в этом утвердилась, когда поговорила с Натахой, помнишь мою соседку, которая знает все обо всех, город наш, хотя не такой маленький, но чемпион по слухам и сплетням. Попросила ее так остороженько все разузнать об этой сладкой парочке, и через несколько дней знала все, что можно добыть путем сарафанного радио.

Ее зовут Юля, ей двадцать шесть, и она в Москве окончила вроде бы какие-то актерские курсы, даже будто бы снялась в каком-то дешевеньком сериальчике, который когда-то мелькнул на телеэкране. В общем, помотало ее в столицах, что-то не сложилось, может, была замешана в каких-то аферных разборках, поэтому вернулась в родной го-

род и прямиком пошла в риелторы, тут с твоим и познакомилась, когда ее клиенты покупали квартиры в новостройках, чуешь? А дальше дело техники, как говорится, здесь ее территория, и актерские навыки очень даже пригодились. Думаю, она с Хасана взяла слово, что тот женится на ней, когда она родит ему сына. А может, организовала утечку информации, что в Москве ее ждут голливудские контракты и мир скоро узнает великую актрису. Ведь мужчины второпях семью не оставляют.

Наконец для Залины все сложилось, все встало на свои места. Пока она подтирала пятна на кухне и нянчилась с детьми и внуками, у мужа зрела чистая романтическая любовь, он нашел свою королеву сновидений. Правду говорят: чтобы не бояться за мужа, нужно, чтобы он боялся за тебя. Как же неправильно воспитывают в национальной семье девочку, внушая ей, что идеальную жену и мать муж будет беречь и ценить, и чем больше ты делаешь для своей семьи и родственников, тем выше любовь и уважение, которые к тебе испытывают все, и в первую очередь – суженый-ряженный.

Как в это могла поверить она, неглупая и образованная женщина с дипломом юриста, поверить в эту чушь! Теперь она поняла за минуты, даже не за часы, что мужчина делает ровно то, что ему позволяет, разрешает женщина. Сначала он добивается ее, любит и считает, что в ней – вся его жизнь. Добившись, потихоньку расслабляется и не хочет ничего вкладывать в нее – и так хорошо, что суетиться. Разве Хасан боялся потерять жену? Конечно, нет, он хозяин и кормилец, все, что есть у Залины, по его мнению, она получила на блюдечке с золотой каемочкой, ей с ним повезло, она всю жизнь в шоколаде. Кроме того, она так воспитана-обучена, что в голодный год за сто пирожков не посмотрит на другого мужчину, будь он хоть сам баварский король.

Поэтому он не может простить ей ее возраст, ее тяжелую поступь, ее гипертонию. Правда, если бы Хасан не встретил свою молодую акулку, они, возможно, тихо бы старились вместе, а там, будучи стариком, он еще больше к ней привязался бы и боялся потерять, остаться один. Залина где-то вычитала, что мужчина может любить по-настоящему только в старости, когда, вы слышите, из всех женских вариантов у него остается один-единственный – его верная состарившаяся подруга жизни. И тогда его не смущают седина в ее волосах, глубокие морщины и согнувшаяся спина. А сейчас поздно что-то делать, жизнь прожита, и впереди – одинокая суперэкономная старость, сочувствие одних и злорадность других – посмотри, королевщина, каково это жить на пенсию.

Кстати, пенсию она не заработала, поэтому у нее будет минималка, и то через десять лет, и подачки мужа, если он пожелает. Она ведь могла что-то скопить сама, неоднократно видела чемоданчик мужа, набитый деньгами, знала шифр сейфа, из которого могла таскать потихоньку, вряд ли Хасан вел счет деньгам, хранившимся дома, но никогда не

взяла рубля, более того, сэкономила деньги мужа, и когда он в лучшие времена предлагал купить ей что-нибудь дорогое, отнекивалась – куда она ходит, так и провисит в шкафу. Он сам дарил ей на юбилеи дорогие украшения, и Залина не могла в уме не посчитать траты и ужаснуться количеству нулей на ценниках. А теперь, наверное, их не продашь и за треть стоимости. Даже если она продаст старую квартиру, а сама будет жить в дочкиных апартаментах, очень быстро эти несколько миллионов закончатся. Все эти мысли фоном носились в голове, пока Маряша обстоятельно делала отчет о проделанной сыскной работе.

Оказывается, у молодухи квартира в новостройке, которую построил муж, дорогой автомобиль, разные цапки, достойные такой красотки. Видно, в этой квартире с еще не наклеенными обоями, на пляжном матрасе начиналась великая любовь времен и народов, а потом они заказывали пиццу, которую Хасан дома в рот не брал, потому он и приходил домой поздно, сытый и чужой.

Хорошо, что Маряша насильно влила в нее этот бокал коньяка, а то череп точно бы не выдержал и лопнул пополам. Маряша осталась у нее на ночь, и когда после ванной она натягивала на себя выданную ночнушку, Залина отметила ее подтянутую молодую фигуру, грудь как у нерожавшей женщины, лицо после косметики умытое и свежее, на ногах нет и намека на целлюлит, тянет на тридцать с хвостиком, а ведь они ровесницы. Странно, но Залина быстро уснула и утром долго спала, наверное, организм требовал восстановления. Зато Маряша, оказывается, продумала план дальнейших действий до мелочей, а кое-что даже записала, когда ее осеняла какая-нибудь умная мысль. Так глубоко ночью вскакивает поэт-лирик, когда его внезапно посещает Пегас.

План следующий. Концепция: Залина не доживает, а начинает новую жизнь, не страдает, а действует до такой степени усталости, что вечером падает в кровать и мгновенно засыпает. Не выпрашивает крохи у экс-мужа, как сиротка Хася, а сама зарабатывает деньги. Поэтому немедленно выселяет очередных племянников из квартиры, которая оформлена на нее, и сдает ее в аренду на год, потому что через год в ней будет собственная нотариальная контора. Даже не так: квартира в центре города в многолюдном месте, на первом этаже, о таком только мечтать, поэтому она переводит в статус производственного помещения меньшую комнату, делает с улицы отдельный вход, а другую часть продолжает сдавать. А ей вполне хватит пятнадцати метров для рабочей части офиса.

Пятилетний стаж юриста позволяет ей рассчитывать на стажировку, которую Залина пройдет в Маряшиной конторе. А та – нотариус со стажем, всему ее обучит, все покажет, поможет с документами, поделится клиентурой. На работу Заля выходит через три дня, а за это время переезжает в новое жилье и обустроивается там..

В Лянкиной квартире она поселится сама, а Оксанину, которую та намерена продать, чтобы выкупить помещение клиники, тоже надо будет сдать, пока дочь с зятем наберут основную сумму, как раз пройдет год, возможно, не один. Сколько налички сейчас у Залины, где-то тысяча пятьсот? Отлично, поскольку предстоят некоторые расходы. Через несколько месяцев, когда Залина овладеет тайнами нотариального искусства, она уже будет получать свою долю от сделок, вместе с доходами от аренды жилья на жизнь хватит, еще и отложить что-то получится. А через год она гарантированно будет получать неплохой по местным меркам доход, причем нотариусом можно работать по закону до семи-десяти пяти лет, так что впереди еще ого-го сколько продуктивных лет.

Далее. Записывается на курсы водителей, забирает вторую машину, там же и гараж при квартире есть, и занимается своим внешним видом. В себя нужно вкладывать время, усилия, деньги, Маряша отведет ее к хорошим специалистам, куда ходит сама, а уж свой фейс она кому попало не доверит. Само собой, нужно освоить компьютер в пределах необходимого и даже больше. Каждый вечер Залина ходит с ней свои девять тысяч шагов, через месяц-два она себя не узнает, даю зуб. Знаешь, что такое умная месть? Стать не просто успешной, а успешной. В конце восклицательный знак.

Все, о чем говорит Маряша, для Залины что-то из области фантастики. Ладно, помогать ей Залина еще как-нибудь сможет, типа несколько часов вместо нее сидеть в конторе и принимать заявления, с квартирами тоже можно разобраться. Но стать компьютерным гением, водить машину и вернуться в свои тридцать лет она точно не сможет, даже пытаться нечего, тем более освоить в свои солидные года трудную профессию так, что через год будет практиковать самостоятельно. Все эти резоны нисколько не трогают Маряшу, более того, она говорит:

– Решать тебе, насильно никого в счастье загонять не получится. Тогда сиди себе в квартирке, страдай и жалуйся дочерям на одиночество, или переезжай к ним, что скорее всего они предложат, залезай в их проблемы с мужьями, медленно старей, разрушайся и копи болячки. Тогда на меня не рассчитывай, это твой единственный шанс измениться самой и изменить жизнь. В конце концов, ты от меня уже один раз отказалась. Третьего раза не будет.

И Залина решается. Попытка не пытка, не получится – можно вернуться к привычной жизни, с голоду умереть ей не дадут. Поговорила с дочерьми без истерики, рассказала вкратце о своем желании работать и планах на квартиры. Обе плакали и просили немедленно переехать к ним, но Залина твердо ответила: у нее есть шанс начать жизнь снова, и она должна попробовать это сделать, а переехать к ним она успеет всегда.

Так же, по уму, они выбрали, что забрать из мебели, чтобы не ого-

лять дом, ведь в новой квартире много что уже стоит, отобрали вещи, и переезд состоялся так быстро, будто дом ее хотел поскорее выплюнуть, избавиться от нее. Все по плану, все как надо, Маряша права, нельзя сидеть в слюнях и соплях, нужно действовать. Месяц прошел стремительно, теперь у нее совсем не было времени, но были и первые победы: компьютер она освоила, права не за горами, племянник освободил квартиру, и ее удалось сдать, впрочем, как и Оксанину. Труднее всего было много ходить вечерами, да в быстром темпе, переживала, что задерживает Маряшу, которая гораздо более натренирована.

Да, еще убрала венозные узлы, без всяких, кстати, операций, хватило нескольких уколов. Теперь она питалась по диете, которую для нее составила опытная врач-диетолог, и с удивлением заметила, что давление стало ее меньше беспокоить, видно, и пешие нагрузки тому способствовали. Есть и вправду не хотелось, но и голодать нельзя. О Хасане она ничего не знала, но как-то ее навестил старший деверь, его внук с женой и ребенком и были последними жильцами той самой квартиры и все, очевидно, рассказали отцу. Деверь был очень расстроен, просил прощения за этого с ума съехавшего, говорил, что все еще образуется, а эту, с позволения сказать, дамочку семья его не примет и на порог не пустит, а старая мать с ума сойдет, если узнает, что творится с сыном. Залине уже было все равно, примут они кого-то или не примут, но она вежливо и без жалоб его выслушала, накормила ужином, и тот уехал.

Она ждала повестку в суд, но прошло больше месяца, а ее все не было. В конце августа Маряша предложила поехать в Турцию на пару недель – кто-то сдал путевки, и знакомая туроператор предложила их по дешевке. Дочери активно поддержали эту идею, хорошо, что у нее был загранпаспорт, когда-то Оксана продлевала свой и попутно оформила и матери, хотя Залина сопротивлялась – зачем он ей нужен? Вот, пригодился. Только в Турции ее отпустило то напряжение, которое она испытывала в последние два месяца. Они с Маряшей купались в изумрудной морской воде, загорали, много опять ходили пешком, вечером ходили в крупные торговые центры и покупали модную одежду за весьма умеренную цену, потому что старые вещи теперь болтались на Залине мешком. И это была одежда, которую раньше Залина никогда не носила – джинсовка, легкие брючные костюмы, хлопковые рубашки.

Какие-то месяцы назад Залина ни за что бы не разделась до купальника, а теперь из зеркала на нее смотрела другая женщина, загорелая, хорошо и красиво подстриженная, чуть в теле, но не полная, правда, с еще очень грустными глазами. Как-то в вечернем кафе, куда они ходили пить настоящий турецкий кофе, к ним подсел нестарый и довольно интересный швейцарец, а это для курорта весьма нормально, и делал комплименты обеим, а Залину назвал «бьютефул», пригласил

их прогуляться по берегу ночного моря, но они вежливо поблагодарили и отказались.

Когда Залина сказала, что ни к каким приключениям она не готова, да и вообще не желает видеть никаких мужчин, Маряша возразила:

– Мужские глаза – зеркало для женщины. Пока на тебя кто-то смотрит с интересом, ты еще женщина, а потом ты только мама, жена, бабушка. Зачем терять раньше времени хоть какую-то свою ипостась? Вряд ли я, например, пуцу в свою жизнь какого-нибудь мачо, хотя бывает всякое, и никогда не говори «никогда». Но мне нравится нравиться, ведь наша внешность еще наш инструментарий, и интересной женщине гораздо легче решать деловые и прочие вопросы. Кроме того, необходимо любить и уважать собственное тело, заботиться о нем, это важная часть общей культуры, поэтому нельзя забрасывать в себя что попало, как говорится, старость надо встретить красивой, молодой и здоровой. Что касается интима, люди весьма преувеличивают его роль, и женщина вполне может быть счастлива в автономном существовании.

Маряша, как всегда, права, подумала Залина. Где она набралась этой мудрости? Возможно, роль сыграло то, что она не родилась в большой патриархальной семье, где девочку с раннего возраста учат все терпеть, где больше всего боятся мужского гнева, поэтому всячески угождают не только взрослым мужчинам, но даже мальчикам. А ведь за гневом всегда стоит страх, и всякий крикун почти всегда трус. Почему женщины, которые сами много претерпели в силу своего пола, воспитывают парней, у которых с рождения на голове корона? Раньше хотя бы верили в то, что родители на старости лет досматриваются и содержатся именно сыновьями, а теперь это забота дочерей, на которых ушлые невестки под всякими предложениями пытаются переложить уход за стариками.

Когда после моря Залина попала в свое новое жилище, она впервые ощутила, что оно ей нравится, и она по нему соскучилась. В доме всегда собиралась пыль на всех поверхностях не пойми откуда, и ей приходилось каждый день ходить с тряпками по трем этажам. Здесь пыль почти не собиралась, после тщательной уборки раз в неделю достаточно было поддерживать порядок, что сэкономило кучу времени. Более того, теперь она не готовила три раза в день и не нервничала по поводу мужа, который придет поздно и в дурном настроении, раскритикует ее обед и откажется от ужина.

Она не ощущала гнетущую вину не пойми в чем и не чувствовала себя благодетельствованной. Она теперь не пыталась казаться лучше, чем есть, и небо, казалось, за это благодарило ее дивидендами. На работе тоже получалось, а когда Маряша поехала к сыну, который стал отцом, за границу на месяц, Залина справлялась сама, правда, не без

помощи опытной секретарши, но ведь справлялась же. Как-то пришла новая клиентка составить завещание, оказалось, сестра ближайшей соседки, они как-то пересекались, восхитилась новым обликом Залины. Рассказала, что Хасан живет в доме с этой хамкой, вроде у них девочка родилась очень больная, скорая почти каждый день стоит у ворот. Сестра говорит, что новая пассия страшная, когда смывает косметику, и худющая, когда отстегивает свои накладки-пристежки, говорит со всеми высокомерно, с соседями не здороваются, постоянно меняет домработниц и няnek, на которых орет так, что соседи все слышат.

Залина ни о чем ее не спрашивала, но и не прерывала. Как же, вроде речь шла о долгожданном сыне? А домработниц в доме он никогда не терпел, теперь, оказывается, есть штат прислуги, если еще и водителя считать. Впрочем, соседкина сестра могла и подсиропить ей специально, известное дело. То-то еще нет повестки в суд на развод, некогда молодой паре в хлопотах заниматься всякими пустяками. Маряша прилетала в Минводы, и Залина сама за рулем поехала ее встречать, и ездила она уже уверенно, хотя побаивалась далеко выезжать из города, но ведь когда-то надо решиться и на это.

Стоял конец октября, то есть прошло уже пять месяцев после того как она переехала. За это время девочки по очереди приезжали ее проведать, она тоже к ним ездила пару раз, об отце не говорили, но Залина знала, что они иногда общаются. Дочери были в восторге от перемен в настроении матери, ее внешнего образа, ее успехов в освоении новой профессии. День ясный, дорога сухая, но руль Залина сжимала крепче, чем обычно. Но, слава Богу, нормально доехала, встретила, а по пути обратно Маряша попросила заехать в Пятигорск пообедать, дорога была долгая, с пересадками, и она сильно проголодалась. Подъехали к какому-то новомодному ресторану, Маряша любит такие заведения, и Залине хотелось ее порадовать после разлуки.

В зале было не так много посетителей, тихо играла музыка, они заказали какие-то деликатесы и Маряша стала рассказывать о своей поездке, о каких-то смешных историях, приключившихся с ней в дороге, и подружки весело смеялись, когда к их столу подошел мужчина, которого обе хорошо знали, близкий приятель Хасана. Он признался, что долго не мог узнать Залину, уж очень она переменилась, но правда, в лучшую сторону, гораздо лучшую, подчеркнул он. И добавил, что Хасан, увы, очень несчастлив, дочка, очевидно, не жилец, а новая его – точно не Залина. Обе не проронили ни слова, никак не стали комментировать и, быстро поев, тронулись в путь.

Прошло опять несколько месяцев и до Залины дошло: да, девочки не стало, потому что, как говорили добрые люди, чтобы забеременеть, ее мать принимала множество разных препаратов, а за ваши деньги,

ясно, все наши медицинские услуги. Залина вовсе не злорадствовала, как можно желать смерти невинному ребенку, но, видно, существует закон кармы, по которому счет приходит именно к самым невинным. Как-то накануне женского праздника Залина была в налоговой инспекции, и когда вышла из здания в своей очень ей шедшей легкой короткой дубленке в облегающем, густыми, рассыпанными по плечам волосами, сапогах на высоком каблуке и яркой помадой на губах – сегодня ей захотелось быть нарядной и веселой – она столкнулась нос к носу с Хасаном.

От неожиданности оба остановились, и Залина увидела, как поседел и постарел ее бывший муж, как синие тени легли у него под брови, как исчезло вечное ироничное выражение его глаз. Он тоже, очевидно, увидел и просканировал все внешние и внутренние перемены, произошедшие с ней, наверняка уже о них слышал, но одно дело – услышать, а другое – увидеть собственными глазами.

Залина поздоровалась и хотела пройти мимо, но он ее остановил:

– Извини, заматался, я ведь хотел тебе деньги перевести, как-то все в хлопотах. Может, сама встречу назначишь, или я подъеду туда, куда скажешь?

– Спасибо, я теперь зарабатываю достаточно.

И пошла дальше. Удивительно, но голос ее не дрогнул, и в ногах не появилась слабость, и слезы не навернулись на глаза. Конечно, он все это почувствовал и прочувствовал.

Через неделю позвонила старшая дочь и сообщила, что отец в больнице, у него инфаркт. И опять ничего не забилось в груди. Жалко, конечно, она ему желает здоровья, но в больнице ей делать нечего. Девочки обе приехали, провели отца и при Залине возмущались, какая хабалка эта мамзеля, как вульгарно она выглядела в своих перьях и блестках, а ведь совсем недавно похоронила собственного ребенка. Она им даже пожаловалась, что отец не доверяет ей код от сейфа, а ей надо «башлять врачам», и еще он не торопится расписываться с ней, хотя клятвенно обещал. Кстати, столкнулись и с ее маман, у которой веки были выкрашены в яркий синий цвет и которая тоже была вся в пайетках.

Прошло еще какое-то время, и Залина получила лицензию, разрешение на деятельность и занималась переоборудованием квартиры, где открывала собственную нотариальную контору, почти закончила ремонт, а жилую часть даже успела обставить. Объединив прихожую и кухню, она сделала себе уютную спальню, куда поместились и кровать-односпалка, и вместительный шкаф-гардероб, и женский уголок красоты. А в большой комнате сделала студию-гостиную с маленьким кухонным уголком в нише, обставила легкой, современной мебелью так, что было много света и простора, мало мебели. Во всем мире пра-

вит минимализм, а в республике до сих пор процветал стиль «дорого-богато».

Залина вспомнила так называемых семейных друзей, у которых даже в туалетах висели хрустальные люстры с длинными сверкающими «соплями», позолоченные крышки для унитазов, а кое у кого даже плитусы были окрашены золотой краской. Но ведь и она ушла от них недалеко тогда, смотрела мыльные сериалы и обсуждала их с теми же самодовольными курицами по телефону, подумать только! И мебель у нее была тяжелая, пафосная, кричащая о собственной значимости и цене. Как хорошо она придумала: открыла дверь в собственной квартире и попала на работу. Конечно, без Маряши бы ничего не получилось, все разрешения, согласования пробивали именно она и ее многочисленные приятели обоих полов.

Вдруг неожиданно прилетела Оксана. А вечером к ним пришел Хасан, и Залина поняла, что это он попросил дочь приехать и поддержать его. Дочь была ему очень благодарна: он дал недостающую сумму, чтобы выкупить помещение клиники, не понадобилось даже продавать квартиру, его прежний подарок. Хасан еще больше сдал, он был очень худым, очень слабым, очень бледным. Оксана стала произносить заготовленный монолог: да, папа ошибся, но ведь за ошибки не убивают, мамочка, дай ему шанс, и я, и Лянка умоляем тебя. Он столько пережил, столько перестрадал, он сейчас в таком состоянии... Он понял, что любит только тебя, эта стерва его опоила, окормила чем-то, сделала его зомби, это даже слепому ясно. Папа давно прогнал ее, два месяца живет один. Он сам не понимает, как такое могло случиться, и все в таком роде.

Хасан сидел, опустив голову, сжимая руки, периодически поднимал голову и, пристально вглядываясь в Залину, пытался увидеть ее реакцию. Когда заговорил, голос был глухим, как из подземелья:

– Прошу тебя, вернись домой. За этот год я многое передумал, о многом пожалел сто раз. Мне Бог дал этот урок, чтобы я понял, как мне повезло с тобой. Дай мне возможность доказать тебе мою благодарность за все, что ты сделала для меня, для дочек, для внуков. Ты же не собираешься всю жизнь жить по чужим квартирам?

– Я переезжаю в то жилье, которое мы вчетвером когда-то получили от государства, там же будет моя нотариальная контора, нет необходимости дальше ничего сдавать. Если нужно выплатить чью-то долю, я готова.

– Мамочка, как ты можешь говорить такое? – Дочь разрыдалась. – Я ведь помню, как папа относился к тебе всю жизнь, как он пылинки с тебя сдувал, сколько украшений дорогих он тебе дарил!

– Хорошо, что напомнила. Все эти шубы и драгоценности я упаковала, вряд ли я буду их носить, они мне велики на много размеров, да и вкусы у меня, если честно, поменялись. Поэтому прошу их забрать, в

доме гораздо больше места, чем в квартире, где я собираюсь жить дальше. Может быть, еще войдут в моду, пригодятся еще вам с Ляночкой.

– Мама, папа приехал за тобой. Еще раз мы все трое просим тебя: дай ему шанс заглядить свою вину. На работу ты можешь ездить и из дома, папа вовсе не против, чтобы ты работала, встречалась с подругами, делала карьеру, если это тебе нравится. А для домашних дел он уже нанял хорошую женщину, которая ухаживает за ним, готовит, держит дом в чистоте. Прошу тебя, вернись домой! – Дочь зарыдала в голос, Хасан тоже с потемневшим лицом ждал ответа.

Залина очень устала за этот трудный день, вымоталась с ремонтниками, документами, какими-то мелкими хлопотами, у нее не было сил объясняться, устраивать разборки, предыдущую ночь она практически не спала.

– Я сегодня не поеду никуда. Подумаю и дам ответ завтра, а вы езжайте, пожалуйста. Что касается папы, я его уже простила. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Тяжело поднявшись, Хасан вышел из комнаты. Он уже знал: если эта женщина что-то говорит, она это делает. Следом ушла Оксана, и, наконец, Залина могла лечь и отдохнуть. Проваливаясь в сон, она подумала: нельзя резать хвост частями, нельзя давать напрасные надежды никому. Даже если она надумает вернуться, этот дом, который ее предал и выплюнул, еще раз сумеет это сделать. Поэтому первое, что она сделает завтра – отнесет заявление о разводе в суд, и ее не остановит никто в этом мире, который она обрела.

НАПРАВЛЕНИЯ

Рассказ

В конце сентября приятно ходить в лес и собирать грибы, думая о том, что наступающей зимой тебе будет уже тридцать, а лето 1994 года в твоих местах выдалось сухое, поэтому и грибы сухие. С лесистых гор течёт маленькая речушка, ближе к воде на пнях растут опята.

Опрометчиво это, не брать в лес воды. Чистишь грибным ножиком лесные яблочки, грызёшь, чтобы утолить жажду, не можешь преодолеть себя и выпить воды из ручья.

В лесу не стоит думать, что тебе уже двадцать девять лет, ты почти что старый и что-то идёт не так. Нашёл несколько больших и свежих свинушек в куче валежника, собрал в отдельный пакет. Раз они считаются условно съедобными, то домочадцев угощать ими не будешь. Водка тоже условно пищевой продукт, притом гораздо опаснее свинушек. Свинушки накапливают какой-то мускарин. Водка накапливает глупость и красный цвет физиономии. Однако её употребляют чаще, хоть и травятся, а ты шестнадцать лет собираешь грибы один, не любишь, когда в лесу с тобой люди. Каждый год их собираешь, внимательно перебираешь каждый гриб, никогда не срываешь гриб, если не уверен, поэтому не отравился ни разу. А вот млечники не берёшь, хотя их много, красивые грибы, можно вымачивать и солить, но у тебя какое-то предубеждение против грибов, которые не надо отваривать, а предполагается солить и есть сырыми.

Млечники можно пожарить теоретически, но из них жарёха горькая получается. Ленерт однажды долго варил млечники, потом сливал воду, надеясь выварить горечь, тем не менее всё, что было на сковороде, пришлось выбросить.

До темноты надо вернуться, или раньше, какое там до темноты, потому что идти через дачный участок, через кукурузное поле до троллейбусного управления, а грибы ещё перебрать надо. И нести два больших пластиковых ведра, одно полное осенних и летних опят вперемежку, другое полное свинушек. Суббота. На рабочую неделю грибов ему хватит.

Читает на стене заводоуправления завода «Полупроводники»: «Электрон так же непроницаем, как и атом. – В. И. Ленин».

Каждый раз, приезжая на конечную остановку всех троллейбусов

города, потому что тут троллейбусное управление, задумывается о том, какое практическое применение может иметь эта замечательная фраза...

В лес надо ходить, чтобы успокоить нервную систему, потому что во вторник будет рассматриваться в суде дело о разводе с женой.

Инициатором развода был Ярослав Ленерт. Жена по многу месяцев оставалась у родителей в Ворошиловграде, ехала в Энск с трудом, Ленерт не хотел бросать дом в Энске. Они почти не ссорились, просто по мере развала страны разваливалась и семья.

После получения справки о расторжении супружеских уз Ярослав поехал к другу Васе Школьному – выпить по случаю этого события, неизвестно несчастного или счастливого, но однозначно судьбоносного.

Вася Школьный на три года моложе Ярослава, но опыт в делах бракоразводных имел достаточный.

Не спеша цедя рюмку дешёвой водки, купленной в овощном магазине на «Горняке» в количестве трёх (меньше при разводе не полагается) бутылок, Вася глубоко затягивался сигаретой «Магна» и вещал: «Знаешь, старик, разводы бывают двух видов: одни из-за постепенно обнаружившихся несовместимостей, а другие от рогов. Лучше когда от постепенно обнаруживающихся несовместимостей. От рогов у меня ещё ни разу не было».

– А ты что об этом думаешь, Уилли? – спросил он у принимавшего участие в распитии Игоря – драматурга и поэта, работавшего литературным редактором в газете «Северный Кавказ».

– Я думаю, что ничего в разводе хорошего нет, – ответил Игорь, – но и особенно плохого тоже нет.

Уилли мог вот так глубокомысленно сказать и ничего не сказать одновременно.

Уилли тоже разведён и женат повторно. Жена – поэтесса, на момент их женитьбы студентка литературного института имени Горького. Вилли никогда о ней не говорит. Всё, что известно о текущей семейной жизни Уилли, – что живёт его семейство в районе комбината «Искож» и дочка маленькая подрастает. Но это, в конце концов, каждого личное дело: не хочет Игорь про семью рассказывать, так и не надо.

Потом Уилли добавил, что в его случае инициатором развода была супруга, что дело было давно, в Днепропетровске, что он счастлив сейчас, и если семейная жизнь не клеится, то надо разводиться.

В среду у Ярослава, работавшего школьным учителем по изобразительному искусству, будет методический день. В субботу уже бывшая жена забирает обоих детей, сына и дочь, и едет в Луганск. С недавних пор это заграница.

«Электрон так же непроницаем, как и атом», – вдруг ни с того ни с сего произнёс Ярослав.

– Что ты хочешь сказать этой цитатой? – осведомился Уилли.

– То, что в воскресенье прочёл это на стене административного здания завода полупроводниковых приборов, когда за грибами ходил, и до сих пор вникаю.

– У тебя сейчас есть кто-нибудь? Может, с бабой какой тебя познакомиться? – спросил Василий.

– Нет, – ответил Ленерт, – сам разберусь.

– Ты же в школе работаешь, – вставил Уилли. – Я сам вёл в школе русский язык и литературу, как раз перед разводом. Там молодых учительниц пруд пруди. А ты хоть и не Аполлон, так сказать (Уилли любил эту присказку – «так сказать»), но парень спортивный, найдёшь себе какую-нибудь достойную интеллигентную даму сердца, обольстишь, какие твои годы...

От Школьного Игорь и Ярослав ушли вместе и, против обыкновения, не поздно. Ярослав проводил Игоря до серой искожевской пятиэтажки и пошёл к родительскому дому в Александровку (так назывался граничивший с Искожем микрорайон, где обитал Ленерт).

Ленерт не хотел думать об устройстве личной жизни. Ему вспоминался лес, круто уходящая наверх дорога, солнце и тени, свинушки, большие, как грузди, которые он собирал, разгребая хворост, млечники, красными огнями горевшие в осенних листьях, красноголовые, напоминавшие световорные огни.

Угораздило же его доходить в увольнение во время службы в Ворошиловграде до женитьбы и приехать на дембель под руку с женой в интересном положении.

«Съездить бы в Приэльбрусье, нормальных грибов набрать, белых или подберёзовиков, – думалось Ленерту, – только откуда машина, деньги и время, если и без того маленькая зарплата школьного учителя по изобразительному искусству после развода урезалась на тридцать три процента».

«А вот под Луганском в лесах больше грибов, – подумалось Ленерту, – только вот теперь когда я попаду в этот самый Ворошиловград, ой, простите, не привыкну никак, ну Луганск, конечно же, Луганск... В гости туда уже не поедешь».

Сентябрь на излёте в прошлое чередовал дождливые и сухие дни. Это хорошо после засушливого лета. Значит, грибы ещё будут, только некому теперь их мариновать и закупоривать в семисотграммовые банки. Да и не для кого. Хотя привычка ходить за грибами по окрестным лесам осталась.

В первых числах октября позвонила Мона, в миру скульптор Елена Мамонтова. Они дружили, дружили в хорошем смысле этого слова, и если между мужчиной и женщиной одного приблизительно возраста может быть то, что может называться словом «дружба», то именно это между ними и было.

Голос из синего телефона с дисковым наборником.

«Ленерт, сводишь меня за грибами? Только чтобы они обязательно были».

«Свожу, только будем собирать рядовки. Собирать будем под моим чутким руководством», – согласился Ленерт. После развода его тянуло к общению с природой.

«Когда соберём, поедем к тебе, и я лично просмотрю каждый гриб. Каждый отдельно взятый. Ты мне слишком дорога, чтобы я допустил твоё отравление, а у таких рядовок есть похожие грибы, но они токсичные».

«Значит, в воскресенье. У меня есть бутылка чёрного вина из Абхазии. Очень давно хранится, ещё с довоенных времён. Разопьём за удачный сбор. Но если не соберём, тоже разопьём».

«Замётано. Выходим рано, едем первым автобусом».

В трубке синего телефона с диском из прозрачной «под стекло» пластмассы гудки.

Мона ходила по лесу хорошо, почти не уставая. Ленерт повёл её к своему заветному месту, в район серных ванн. Грибов было немного, но Лена стала собирать шиповник.

Вечером они сидели в мастерской у Лены, пили чай.

– Лена, погадай мне.

Если верить гаданиям, то в недалёком будущем у Ленерта должна была появиться дама, которая разобьёт его сердце...

– В первых числах октября ещё раз сюда придём, Ленчик. Грибы точно будут.

Дома Ярослав поменял лампу в старом ламповом телевизоре и с трудом, но настроил один канал.

Приблизительно в середине октября Ленерту позвонила некая Лариса, работавшая врачом, и попросила позаниматься немецким, потому что собиралась в Германию. Лариса была почти вдвое старше, её старший сын был Ленертов ровесник, и в дамы сердца она никак ему не годилась...

Лариса жила в центре города, добираться к ней предполагалось на доживающем последние дни горчичного цвета «Икарусе» с прицепом.

Ленерт ехал домой после частного урока немецкого языка, был полный теплый и мягкого солнца день, его взгляд упал на женскую смуглую руку, лежавшую на поручне, за который следовало держаться едущим стоя пассажирам. Ослепительно белый луч солнца лежал на бежевом приталенном пиджаке, если под пиджаком и была блузка, то с коротким рукавом.

Ярик сидел на варварски изрезанном стуле старого, ещё советского горчичного «Икаруса» и бесцеремонно со спины разглядывал идеальную, по его мнению, фигуру молодой женщины с выгоревшими и не-

крашеными русыми волосами, в стареньких светло-синих застиранных (естественной застиранностью, а не искусственно состаренных) джинсах, белый луч солнца лежал на плече пиджака, джинсы были длинные, обычного кроя и заканчивались такими же белыми кроссовками.

Бывшая жена была рослой брюнеткой, а эта была невысокой, внешне она напоминала его самую первую девочку из далёкой юности, Ярослав даже забыл, что неприлично пристально, ну пусть хоть сзади, глязет на женщину.

Вот уже более двух месяцев близких отношений с противоположным полом у него не было, развод, нервотрёпка, разговоры, дружеские попойки.

«Какая фемина, Ленерт! – сказал он сам себе. – С ума сойти, какая фемина!»

Секундой позже он узнал изменившуюся Наташу Цраеву с их района. Она училась в одиннадцатой школе, он в двадцать первой, он встречал её давным-давно на каких-то магнитофонно-танцевальных посиделках, которые любил устраивать его друг Денис Швагерус.

Эта Цраева была первой красавицей у себя в школе, была вся такая эталон стиля, вся такая идеальная, недоступная. А та вечеринка, ничему особенно не посвящённая, – собралась компания из соседних дворов, была ещё этого Дениса Швагеруса сестра старшая и её подруги, август 1983 года, Денис получил отсрочку от призыва в ряды, пригласил своих однокурсниц из университета...

Ленерт встал со своего сиденья, чтобы поздороваться с Наташей Цраевой, без задних мыслей, просто: привет, как дела. А ещё ему хотелось увидеть лицо прекрасной незнакомки.

Узнавание длилось долго, с рассматриванием синих глаз, губ, загорелого до состояния полированного коричневого письменного стола красивого, настоящего южнославянского типа лица с полными губами, чуть подкрашенными светлой помадой, и серо-голубыми, очевидно тоже узнающими, теряющимися в поисках узнавания глазами.

Та самая Ленка Снегирёва, полненькая, не снимающая очки, в шуршащей, явно недорогой и не импортной курточке, не модная, не посещающая школьных дискотек Ленка Снегирёва с комсомольским значком на школьной форме вдруг превратилась в сногшибательную женщину.

Он проехал свою остановку, понимал, что проедет ещё много остановок, понимал, что автобус, в конце концов, едет по городу, что можно перейти через улицу и сесть в автобус, едущий в нужном тебе направлении.

Они говорили о разном, он промолчал о том, что разведён, хотя обеих не видел уже лет более десяти как, потому они и не знали, что он был женат и уже разведён, что привозил жену из Луганска, потому что служил в Украинской ССР в городе Ворошиловграде и вместе с де-

мобилизацией и возвращением домой привёз жену, которая уже третий месяц ждала Веронику, что когда был дембель, ещё были живы все, а теперь дед уже на небесах, но живы остальные, вроде, бабушка живёт «в старом доме» папа с мамой на «Горняке», в квартире, что завод закрылся, и отец, работавший инженером-конструктором, теперь подметает улицы в «Горзеленхозе», а ему, Ленерту, удалось устроиться школьным учителем по рисованию.

Ему удалось узнать Лены Снегирёвой адрес, это было в старом центре города, в районе кафе «Купола» ближе к речке, он боялся забыть адрес, времени в тот день было ещё много, и он решил сразу поехать туда, чтобы визуально запомнить, но, приехав домой, размашисто, в своей комнате, куда кроме деда и него никто никогда не заходил, там лежал очередной начатый и незаконченный дневник на полированном письменном столе (он вспомнил её загорелое лицо), размашисто написал крупными буквами её адрес и имя, надо же, её, оказывается, не Оля звали, а Лена.

Хорошо когда суббота, когда не надо идти на работу, когда тебе тридцати ещё нет и кажется, что всё ещё впереди, ты разведён и у тебя больше трёх месяцев не было женщины, но ты ещё думаешь, что всё впереди.

И завтра придёт новый день, и его наступление будет неизбежным, и никто не в силах предсказать, каким он будет.

Вечером он поехал к другу детства и однокласснику Андрею Мыльникову – рассказывать о встрече с женщиной из параллельного класса. Андрюха оказался дома, оказался рад его приезду, сказал, что ездил в командировку в Ингушетию и принёс травяную настойку цвета красной умбры, принёс домашней со своей дачи квашеной капусты. Они посмотрели «Музыкальный обоз» и «Подводную Одиссею команды Кусто», потом сходили в соседний магазин за просто водкой, а Андрюха постелил ему на своём диване, а сам раздвинул старенькое кресло-кровать. Они выкурили все Андрюхины запасы сигарет, вспомнили все школьные годы.

Вечером, допивая настойку цвета умбры, Ярослав позвонил по светло-синему небесного цвета Андрюхиному телефону Моне, в миру просто скульптору и члену Союза художников Елене Мамонтовой, чтобы она ему ещё раз погадала, на сей раз более предметно. Когда они перебирали школьные фотографии, они обнаружили-таки у Андрюхи в альбоме фото с какого-то школьного субботника, где эта Лена Снегирёва всё же была, и утром, выпив крепкого кофе, Ярик направил свои столпы в скульптурную мастерскую, которая находилась в пятиэтажке напротив, дышать перегаром и показывать на фотографию, где на заднем плане совсем в детском варианте и едва различимая, но почти в полный рост и заслонённая мальчиком с веником в руках эта самая Елена Снегирёва всё же была.

Мона пришла в мастерскую в столь ранний час в основном из-за того, что обещала Ленерту, был десятый час, приходившая обычно ближе к полудню Мона поморщилась от его амбре.

– Со Школьным пили? – был первый вопрос.

– Нет, с Мыльниковым.

Мона хорошо знала обоих. Школьный какое-то недолгое время был мужем Мамонтовой, она знала, что не пьющий в повседневной жизни Ярослав напивался так, когда у него случались неприятности, позволяя себе это исключительно по выходным. Добрая ведьма Леночка Мамонтова, в твоей мастерской всегда находился эликсир для погорельца.

Мона открыла шкафчик, достала из него большую бутылку в оплётке, налила в высокий, розового стекла стакан до края рубиновой жидкости.

– На, выпей, страдалец, только учти, больше не налью.

Ленерт выпил полстакана темного, напоминающего церковное, вина и стал излагать историю вчерашней встречи.

У Ленерта был друг на районе, занимавшийся на полном серьёзе колдовством, всеми видами магии, оккультных наук и всего прочего, звали парня Виталий, фамилия была Отто.

Так вот этот самый Виталий Отто, который знал Мону только заочно, перед отъездом в Германию на постоянное место жительства оставил ему бутылку с домашним вином, сообщив, что напиток, дескать, заколдованный, что знает он о его, ленертовых, с женой мученьях, предстоящем разводе и всё прочее, а это, дескать, приворотное зелье, которое он сделал с одной ведьмочкой.

Отто наставлял: «Хочешь верь, хочешь не верь, но зелье весьма сильное. Сделано по всем правилам и содержит ингредиенты правильные. Судя по тому, что я видел у тебя на руке, будет у тебя зазноба на всю жизнь. Вот только трудно тебе будет с ней сблизиться из-за разных обстоятельств. И тут, брат, без колдовства не обойтись».

Когда Ленерт слушал Отто, он не понимал, почему почти не пьющий Виталий говорил ему всё это так серьёзно. Отто слыл совершенно не умеющим врать человеком, работал врачом в детской реанимации, увлечение оккультизмом не вязалось с его дорогой и добротной одеждой, солидной внешностью и манерами.

Теперь Ленерта терзали сомнения, та ли это женщина, которой следует влить приворотное зелье и выпить с ней совместно, потому что после того, как зелье будет выпито, обратного хода уже не будет.

Осень в мире это не осень в жизни. Если всё время думать о завтрашнем дне, то не заметишь сегодняшнего. Нужно следовать однажды установленной взвешенной и уточненной модели бытия. Если у тебя есть воля идти куда глаза глядят, то отпадает желание выходить из комнаты. Можно прожить выходной день так, как захочешь.

Ленерт оглядывал свою комнату, в которой ничего не менялось без его воли. Японская магнитола, которая покрылась пылью. Маленький телевизор (отец получил расчёт на заводе натурой, ну надо же, телевизорами, которые спешно наклепали из залежавшихся на складе мониторов для станков с числовым управлением). Книжные полки, книжный стол, в шкафу ламповая большая радиола «ВЭФ «Люкс», подключённая отцом к антенне на крыше и хорошо, когда надо, принимающая радиоволны в диапазоне двадцати пяти и тридцати одного метра и прекрасно ловящая «Немецкую волну» и «Голос Америки», когда перестали глушить, стало неинтересно. Уехавшая в Луганск жена Ирина всегда обижалась на Ленерта за то, что он никого не пускает в свою комнату, дедова причуда, дед делал этот кабинет для себя, всё было спроектировано так, что не нужно зашторивать окна, потому что единственное очень большое окно выходит на стену пристройки и фрагмент глухого забора к соседям, из окна видно только разросшееся вверх грушёвое дерево, которое Денис каждую осень порывается спилить, но бабушка не даёт, поэтому Денис взбирается на верхушку видеть соседние крыши и горную цепь, в хорошую погоду виден тот самый Казбек, давший название папиросам.

Судьба, интересно, находит ли она того, кому лень двигаться, кому хорошо в этом кабинете здесь и сейчас. Самое странное свойство завтрашнего дня это то, что он приходит, что надо выходить из этой комнаты, иметь план действий, а тебе просто хочется почитать «На маяк» Вирджинии Вулф и план действий никакой не составлять.

Смысл бытия не может быть найден, но искать приходится всю жизнь.

В воскресенье он обещал повести Мону в лес, собирался уйти далеко за четвёртый посёлок, собирать рядовки и грузди, но весь день шёл дождь.

Дождь, комната, где ты один, память, тихие капли с качающейся в окне груши, рваные тучи на фоне серого за фрагментом черепичной крыши, зримой из окна, где давно нет занавесок, кассета в магнитофоне, где музыка перебивает падающие капли, так может быть с кем-то сегодня, так могло быть с кем-то много лет назад, взаимоотношение дождя, крыши твоего же дома, после достроек и пристроек предыдущими поколениями дом напоминает лабиринт, но маркер времени всё же эта кассетная магнитола, а когда дождь стихнет, надо ехать с матерью на базар покупать болгарский перец и помидоры, а потом в большой комнате, именуемой зал, резать всё это дольками для домашней консервации, думая о том, что виноград надо собрать позже, чтобы набрал больше сахара, потому что вино делать необходимо, и поколения, живущие в этом доме, делают вино, а он привёз во времена до развода ящик этилового спирта с Украины, что им следует крепить вино, а пить разбавленный спирт – это быдлчество.

Кассета в магнитофоне с «Титаником» Наутилуса Помпилиуса – маркер времени. Время это зелёные меняющиеся цифры в электронных часах в твоей комнате, «электрон так же непроницаем, как и атом». Мысль о том, что надо бы поехать и нанести визит леди из параллельного класса, но не сегодня, потому что сыро, что дождь возобновился под вечер и «двойка» плохо стала ходить. И надо думать, что всё ещё будет, и тяжесть опустится на веки, чтобы глаза увидели новый рассвет.

Потому что завтра ты согласишься передачу про бордосского дога, узнаешь о том, как рубят древесину на севере Тасмании. При первой же возможности надо сходить в лес. Бодрый голос диктора сообщит о том, что Мюррей в Австралии разбирают на водопользование так, что в некоторые годы он вообще не доходит до океана, что из Европы завезли карпа, поедающего мальков ценной краснопёрой рыбы.

А воскресным вечером ты надел новые джинсы, новую джинсовую куртку, белую рубашку от костюма и посмотрел на себя в большое зеркало на двери старого шифоньера, в котором висели когда-то костюмы твоего деда и сначала висели его галстуки, но теперь там висят твои.

Интересно, как надо в двадцать девять лет наносить первый визит к женщине из параллельного класса, если у тебя не очень обширный бюджет?

В центре покупаешь шоколадку и идёшь. Стоишь у калитки. Тебе навстречу выбегает сразу несколько собачек, не породистых, разных мастей и размеров, и все лают. Леди приглашает в дом, леди живёт с мамой и угощает тебя чаем. Смотришь на её пластинки, на старый, но цветной телевизор (кинескоп уже посажен и цвета тусклые), пьёшь чай, ведёшь светскую беседу, думаешь о том, как она красива (такие надолго не остаются одни), и уезжаешь, спрашивая разрешения зайти ещё раз, получаешь это разрешение и уезжаешь.

Тебя провожают к калитке. Ты говоришь: «Поехали ко мне».

Она не может. Ты добираешься домой в старом автобусе, меха на гармошке порваны и починены, куришь в окно спальни, и чувство одиночества усиливается в зелёном свете часов, отсчитывающих время. Время собирать виноград и делать вино, время писать поурочные планы и скучать на педсовете, время гладить брюки, время завязывать галстук, время аккуратно его снимать и надевать, потому что лень завязывать.

Сентябрь превращается в октябрь, потому что время не хочет стоять на месте, и он думает, что это очень здорово, родиться в конце декабря, потому что весь год тебе всё ещё двадцать девять, а следовательно, можно ходить на дискотеку, а не танцплощадку для тех, кому за тридцать.

Приходит сосед по имени Вадим, моложе тебя на пять лет, весёлый, кудрявый, ну прямо твой Есенин, только стихов не пишет. (Ты ещё не знаешь, что какая-то сволота зарежет его в центре города, когда будет

январь ещё не наступившего года, но в октябре он заходит и улыбается и живее всех живых.)

У Вадима в пакете бутылка молдавского коньяка «Белый аист». И предполагается ехать к Шурику, в район университета, и распить этот коньяк. Всю неделю ты занимался репетиторством, поэтому покупаешь в магазине на своей улице грузинский «Вазиани» и вы едете к Шурику (все Саша как Саша, а этот Шурик с детства). Шурик женат, жена молодая, возитесь на кухне хрущёвки, жарите картофель на закуску, детей у Шурика нет, всего год как женат, жена совсем молодая, по сравнению с вами, почти тридцатилетними, взрослыми уже, ей двадцать два, она работает в кафе, и Шурик нервничает, когда она поздно приходит, но сегодня она дома, на ней халат и она не покрашена.

Шурикова жена смотрит на тебя оценивающе, ты одет в серые брюки и в серую шерстяную куртку реглан. Её зовут Люда и она тоже из Энска.

– Ярик, а давай я тебя познакомлю с сестрой.

– В смысле?

– В смысле ты вроде приличный парень, хоть и разведён, а меня есть старшая сестра.

– Старшая – это старше меня лет на пять-десять?

– Нет, Лена на пару лет младше.

Ты думаешь, что это дежавю, что вокруг каким-то мистическим образом группируются Лены после развода. Ты дружишь со скульптором, которую зовут Лена. Несколько дней назад тебя угощала чаем красивая русоволосая фемина из параллельного класса, которая Лена. Сейчас тебе предлагают познакомиться с ещё одной Леной.

Коньяк добавляет смелости.

– Фотка есть?

– Здесь нет. Она на меня похожа, только ростом выше.

Смотришь на Люду. Редкое сочетание чёрных волос и серых глаз. Длинные ресницы, густые и загибаются.

– Когда поедем знакомиться?

– Она очень красивая, сам бы женился, но у меня Ксюша, – вставляет Вадим. (Не знает, что его убьют из-за этой Ксюши на пустыре, где сгорела вечерняя школа, уже скоро, но ты не можешь об этом знать.)

Они вышли к площади, что неподалёку от главного корпуса университета.

– Кстати, моя сестра здесь училась.

– На кого? – поинтересовался Ленерт.

– На учителя немецкого языка.

Ленерту снова показалось, что он находится внутри «дежавю», потому что предыдущая Лена закончила этот же университет, тоже на филолога и учителя английского.

– Я плачу, – сказал Вадим, усаживаясь на переднее сиденье салатного цвета двадцать четвёртой «Волги».

Когда машина ехала через центр, в окне мелькнул домик, где жила Лена, которая из параллельного класса, с фотоальбомами, пластинками, фотками и фотоаппаратом «Зенит», сердце сжалось, захотелось выйти из машины, постучаться в этот двор, он был там всего один раз, его встретили радушно, напоили чаем, проводили до калитки, нет, надо ехать, сейчас надо ехать.

Улица, на которую приехало такси, была узкая, в частном секторе и называлась Козлова. Несколько строений в общем с соседями дворе, чистенькая гостиная с пианино.

Худенькая, стройная смуглая сестра, на вид моложе Ярослава, но не намного. Не расстающаяся с сигаретой. Смотрит на Ярослава оценивающе, бесцеремонно и холодно.

У них с Людой есть ещё старший брат, но от другой мамы. Мама жива, это есть Лены мама. Люда рассказывает сбивчиво, но понятно, та женщина, от которой старший брат, в Энке, живёт где-то недалеко, тоже в этом районе. Старший брат живёт со своей мамой. У него есть жена и сын в третьем классе.

Их мама была второй женой их отца. Она уехала в «дальнее зарубежье» и вышла там замуж. Девочки выросли с отцом и мачехой. Мачеха была хорошая, но выпивала много. Пьянка до хорошего не доводит.

Ярослав печально смотрел на принесённую отцом по случаю гостей большую бутылку водки «Распутин», потом на часы. Стал обдумывать пути к отступлению, завтра уроки рисования во вторую смену, это после четырнадцати.

Ярославу хотелось подняться и уйти. В голове крутились слова песенки из кассетника Шурика, которая играла перед выходом из квартиры Саши, там что-то пелось про скрипку, леса, лужи и грязь дорог.

В голове мысль о том, что всё, что сейчас происходит, это дежавю.

Папа прикольный. У обеих дочерей его глаза, неестественно большие, серые и пристальные. В комнате пианино, но на нём никто не играет. И бобинный магнитофон старый, ламповый. Но в нём вполне современные записи – видать, Шурика работа. И снова эти слова: «Сотни тысяч лет нам ждать возникшего и с окриком – Слазь!».

Папик посидел, выпил, ушёл в другое строение, их несколько в этом дворе.

Люда шепнула на ухо: «Сестра хочет с тобой потанцевать, но стесняется об этом сказать».

«Шурик, поставь заново вон ту песню, про скрипку».

– Про какую скрипку? Ты Саруханова имеешь в виду?

– Ну, ты понял, что я имею в виду, поставь заново песню.

Шурик поставил магнитофон на перемотку. Аппарат неожиданно хо-

рошо функционировал для своего почтенного для магнитофонов возраста.

Когда Ярослав танцевал медленный танец, его не оставляла мысль о том, что однажды всё это уже было: бобинный магнитофон, водка в простых гранёных стопках, запах сигарет «Эл энд Эм», песня Игоря Саруханова (узнал от Шурика автора слов и музыки)...

Сказал Елене Рафаиловне, что зайдёт в четверг.

– После дождичка? – спросила Елена.

– Дождичек не обязателен, в пятницу у меня методический день. Значит, нет уроков рисования, которые я веду.

– А пропуск знаешь?

– Какой пропуск?

– Чтобы прийти сюда, нужен пропуск. Бутылка хорошей водки, батон колбасы. И пачка «Эл Эм».

– Замётано. Только если дождя не будет, я всё равно приду...

Ярослав побрёл домой, от Козлова до его улицы можно было дойти пешком.

Перед сном долго лежал в горячей ванне.

Ночью ему снилась блондинка из параллельного класса.

Утром нужно было отглаживать брюки от костюма, надевать галстук и ехать в школу, чтобы во вторую смену рассказывать школьникам о линейной перспективе.

Четверг наступил быстро и в четверг был дождь, серое небо и внезапно похолодало. А к четырём часам пополудни дождь стих, в лужах отражались белые клочья облаков, деревья, повсюду были дождевые черви, напоминавшие не воплощенные замыслы.

Куплен на базаре батон сырокопчёной колбасы. В киоске неподалёку от дома приобретены две пачки синего «Эл энд эм». Водку надо покупать в магазине, чтобы на палёную не нарваться. Взял сразу три бутылки, чтобы хватило наверняка.

Ярослав брился долго и методично, перебрал все сорочки в гардеробе, всё отклонил, надел рубашку из джинсовки, чёрные джинсы.

Дома были Лена и её отец. Отец, может, и не рад был Ярославу, но бутылка водки сделала его куда радушнее.

Лена пригласила его на кухню, кухня была в соседнем строении.

Ярослав, привыкший к тому, что дома все ножи были отточены до состояния бритвы, отметил про себя, что на кухне нет ни одного острого – Ленины ножи даже помидоры толком не резали.

– Куда Шурик только смотрит?

– Мужика в доме нет.

Лена сказала это то ли грустно, то ли с иронией.

Кухня соединялась с ещё одной комнатой – там была спальня Елены. В спальне было всё очень лаконично: какой-то коврик над кроватью – синего цвета с геометрическим рисунком, напоминаю-

щим творения Малевича, простая белая побелка, большое окно с прозрачной занавеской с видом на деревянный туалет типа «сортир».

– Какой омерзительный привкус у этой водки, – вдруг обронил Ярослав тоном, каким было сказано: «Какая гадость эта ваша заливная рыба».

Лена ушла в дом и вернулась с бутылкой коньяка.

Ленерт подумал, что это знак.

Коньяк оказался неожиданно качественным, такой добротный вкус советского настоящего коньяка.

«Папа хранит для особых случаев».

Ярослав наблюдал, как она курила. Большие серые глаза смотрели на горящий конец сигареты внимательно, словно стараясь что-то там рассмотреть, серые глаза не вязались с чёрными прямыми волосами.

Ленерт проснулся на широкой железной кровати, ощущая тяжесть женской головы. Она спала, прижавшись к его груди.

В комнате был виден лунный свет, несколько звёзд, заблудившихся в сплетении листьев и занавесочной тюли, был слышен лай собак. Рука на его плече была неожиданно жилистой и тяжелой.

Ярослав положил свою большую, широкую ладонь на кисть её смуглой жилистой руки и выстегнулся в тяжёлое пьяное задумье, лишённое сновидений.

Утром его напоили растворимым кофе и поцеловали перед дорогой. Его ни о чём не спросили, он ушёл.

В полдень позвонила Мона, пригласив его в воскресенье в фонд культуры. У неё было открытие выставки, выставка называлась «В поисках Божества».

Ближний круг Моны потом поехал на машине кого-то из близкого круга отмечать это событие в мастерской.

Мона всегда угадывала его мысли, его действия, Мона его видела. На выставке была атмосфера покоя, умиротворения, какой-то особенной энергетики, это не поддаётся описанию при помощи слов.

Его визит был визитом вежливости, он хотел уйти, хотел повторения сумасшедшей бессонной ночи. Мона сказала: «Есть разговор, не уходи, пока все гости не уйдут».

Из гостей в основном были художники из соседних мастерских, Ленерт отмалчивался, читал томик философа Соловьёва, обнаруженный в мастерской, пил чай из трав и скучал.

Ушёл последний посетитель, им был широко известный в Европе живописец, чьи работы совершенно не нравились Ярославу, но нравились Моне.

Мона сказала: «Признавайся, у тебя новая дама сердца?»

– Лена я тебе ничего не говорю.

– Мне не надо говорить, я вижу (Мона в очередной раз поражала экстрасенсорными способностями).

– Я тебе сейчас погадаю.

Мона принесла колоду гадальных карт со словами: «Я вижу, что ты влюблён и торопишься к той, в которую влюблён. Я должна тебе на неё погадать».

Мона несколько раз раскладывала карты, Ленерт видел копну рыжих волос на её худых плечах, фенечки из бисера на запястьях, бусы, многочисленные вазы в мастерской.

– Ту, что сейчас с тобой, ты должен оставить.

– Лена, помилуй, почему.

– Потому что карты говорят, что не по судьбе.

– Но мне хорошо с ней.

– Садись вон на то кресло, я буду чистить твою ауру.

– А что дальше?

– Карты говорят, будет знак.

– Какой знак, когда?

– Скоро, ты увидишь.

– А если не будет?

– Если не будет, значит так тому и бывать.

Мона усадила его на деревянный стул и сделала несколько движений ладонями вокруг головы. Со стороны это выглядело так, будто она что-то искала внутри невидимого шара вокруг головы Ярослава и стряхивала на пол.

Ярослав вышел из мастерской, взглянув на светящиеся огни Дворца культуры строителей, взглянул на светящиеся огни пятиэтажки, где жил школьный товарищ Андрияха, вдохнул воздух уходящего сентября, ощутил вибрации города и запрыгнул в горчичного цвета «Икарус», усевшись где-то в хвосте автобусного прицепа.

До дома ехать почти через весь город. Проезжая мимо железнодорожного вокзала, Ярослав почувствовал желание выйти и направиться к дому на улице, названной в честь кого-то по фамилии Козлов. Революционер, вероятно.

Сентябрь отгорел и кончился, электронные часы в кабинете исправно горели зелёным огнём, отец и мать жили в своей двухкомнатной квартире в микрорайоне в противоположной части города, а Ярослав Ленерт продолжал жить в старом, но большом и когда-то полном жизни доме, одноэтажном, но с большим количеством комнат, с двумя кухнями, потому что когда-то в доме жили две семьи, а теперь ни одной.

Бабушка сказала, что бывшая жена отказалась от гражданства России и приняла гражданство Украины. Она сообщила об этом по межгороду, позвонила, когда Ярослав был на работе. В Чечне, которая географически была совсем рядом, творились какие-то странные события, дома он совсем не говорил с бабушкой по-русски, но когда переходили на немецкий, он этого не замечал. Его маленькая Германия на шести

сотках с грушёвыми, яблоневыми и абрикосовыми деревьями и громадным грецким орехом перед решётчатым железным забором двора.

Он занимался с восемнадцатилетним парнем с фамилией Бреннер. Бреннеры жили в центре города, своего родного, как и многие советские немцы, давным-давно не помышлявшие об исторической родине.

Отчим и мама никуда выезжать не собирались, мать, в отличие от Ярослава, говорила на немецком очень неуверенно, ошибалась в каждом предложении и переходила на русский.

Ленерт засыпал в спальне на широкой кровати из дерева, сделанной ещё дедом Андреасом (которого окружающие звали Андреем, но он был Андреасом), кровать имела такие размеры, что даже высокому, носившему одежду пятого роста Ярославу можно было спать там поперёк.

Особенно тяжело было заходить в детскую. Бывшая жена оформила украинское гражданство. Так сказала бабушка. Ленерту жаль. Это она рвалась в свой Луганск. Он не бросит этот дом, уже третье поколение их дом, такие дома – замкнутые, живущие вне политики мира.

Ему думалось, что надо поехать на Козлова, заснуть со смуглолицей черноволосой женщиной на кровати с видами на звёзды, но что-то мешало.

Он точно знал, что в гостях у неё со всей очевидностью придётся пить, это выбивало из колеи, к тому же уезжавшим нужно было быстро ставить разговорные навыки, а это требовало ясную, по меньшей мере трезвую голову.

Был ещё не очень холодный день раннего октября, обычный для тех мест, серый, переменно-облачный.

В центре города он встретил блондинку-одноклассницу, у которой был в гостях один раз, ту самую, которая очень красивая из «Икаруса».

Она шла с мальчиком лет десяти, на ней была брезентовая мокрая штормовка, она пыталась укрыть мальчика от дождя куском брезента, он подошёл, как-то неловко спросил разрешения зайти завтра, получил это разрешение, долго смотрел вслед блондинке и мальчику (она сказала, что это её естественный цвет).

– Вы откуда?

– С рыбалки.

– Много рыбы наловили?

– Ни одной.

– Можно, я зайду в воскресенье?

– Не знаю. Попробуй...

В субботу Ленерт и Мона выходили из леса, у каждого было по два пластиковых ведра рядовок под народным названием «синий корешок». Ленерт заметил, что немного сбился с тропы, и вышел к маленькой, но бурной горной речушке не в том месте, где брод.

– Ярослав, мы заблудились?

– Нет, Лена, я уже выходил к этой скале на том берегу. Я хорошо знаю этот лес. Мы просто заболтались, пока собирали грибы.

– Мы пойдём по руслу?

– Нет, мы пойдём на запад, там широкая грунтовая дорога.

– Ты уверен?

– Лес это не сердце, Леночка, если знаешь лес, то всегда выйдешь. А если бы я не знал хорошо это место, не взял бы тебя. Через тридцать минут хода будем в посёлке.

Лес постепенно редел, из-за деревьев показалась стоящая на окраине посёлка наполовину развалившаяся водонапорная башня. Старый дребезжащий «Лиаз» вёз в направлении домашних очагов, кисточки на бахромке над ветровым стеклом вздрагивали, временами соприкасаясь между собой. Улыбалась глупой улыбкой молодая женщина с «гэдээровской» переводной картинкой.

В лесу тропы изменчивы, они могут зарости кустарником, могут стать более битыми, но их можно хорошо изучить и, набравшись опыта, ходить по ним уверенно, как по комнатам своего жилища.

У судьбы не бывает изученных троп. По какому-то странному совпадению вокруг Ленерта оказалось три женщины, три Елены.

Было какое-то пограничное состояние между полуднем и сумерками: в оранжево-красном, перемежающимся с лимонного цвета и зелёным от деревьев вдалеке жёлтыми огнями горит город, надвигающийся под колеблющимися чёрными силуэтами бахромы над ветровым стеклом.

Март 2021

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА

*У меня болит нога,
Не нога, а нога!
Всё равно не могу.
(Дворовый фольклор)*

«Всёёё! Больше не могууу!» – возопила Сима. И если у неё кончилось терпение, значит, оно действительно кончилось. Она могла очень долго терпеть боль, убеждая себя в том, что болезнь, верно, посылается для того, чтобы человек порой остановился, осмотрелся, прислушался к себе. Может быть, понял, что делает что-нибудь не так: живет чужой жизнью, ходит не теми путями, думает не о том, не уделяет время самообразованию, общается не с теми людьми, или, еще хуже, навязывает своё общение. Ну, много чего еще... Уж не говоря о самом

распространённом мнении – наказании за грехи.

И хотя Симин девиз по жизни – «если я заболēju, к врачам обращаться не стану», здесь и он перестал работать. И она готова была сдатьсь!

Долгую, почти в полгода, предысторию излагать бы не стоило – всё почти как у всех. Разве что причина возникновения – её туфли-мельницы. Они с дочерью купили их в Эйлате, цена за пару была смешная, а вид вполне приличный – серого цвета балетки с золотистым Микки Маусом в виде брошки. Когда Сима взяла их примерить, оказалось, что они резиновые, чего никак не скажешь, пока не возьмешь в руки. Примерила, купила и периодически носила летом. Правда, литой каблучок с внутренней стороны представлял собой полые квадратики с довольно твердыми краями, прикрытыми красивой, но ничем не уплотненной стелькой. Пятки при хождении становились той же формы, но если бы этим дело и кончилось...

Итак, она приняла долгие уговоры дочери и под конвоем отправилась, а точнее, поплелась, волоча за собой ногу, в кабинет ударно-волновой терапии.

Насмотревшись в интернете картинок, начитавшись щедрых описаний и обещаний мгновенного исцеления от массы болезней, Сима пришла, подготовившись к встрече с волшебным аппаратом.

Посередине кабинета стоял массажный стол, застеленный розовой простыней, рядом стоял мужчина с внешностью по определению «никакой». Она уже мысленно приспособливалась на столе свою больную пятку, когда доктор сказал:

– Станьте ровно, поднимите руки вверх, выпрямите, сложив ладони лодочкой.

Подавляя свое нетерпение и предвкушая избавление от боли в левой пятке, она повиновалась. Доктор покрыл ладонями её уши и слегка повернул голову вправо, затем влево, потом нагнул вперёд. Обошел Симу, отступил на пару шагов, присел и мрачно произнес:

– Ну, что могу сказать – у вас родовая травма.

«Да ладно! – чуть было не сказала она. – А я ж вот прям за этой новостью и припёрлась в такое непростое время, рискуя подцепить новоявленный коронавирус».

Её вопрошающий взгляд, который любого заставит выпрямиться в струнку и отрапортовать о том, чего даже отродясь не знал, сработал, и Эскулап продолжил:

– Вы думаете, что у вас у первого позвонка родимое пятно? Нет. Это родовая травма! Я таких розовых пятен уж навиделся за свою практику.

Одарил Симу доктор своим умозаключением, как хлебом в голодный год. Она подумала, что, пройдя земную жизнь до половины, причем во здравии, получает весть о том, что её не без труда приняли из материнского чрева, и что, должна это оценить как подарок?

– И? – спросила она, наконец. – Как это отражается сегодня на боли в моей пятке?

Эскулап молча обошел Симу и стал со спины, левой ладонью покрыл её плечо, правой – залез в трусы, обозначив пальцами крестец. От неожиданности глаза у неё выкатились на лоб и в голову закралась мысль: а в курсе ли он, где находится пятка. Потом она подумала о том, какие на ней трусы, и почему-то о том, как они гармонируют со спортивными штанами. Еще о том, стоило ли сюда вообще идти, чтобы кто-то шарился у неё пониже спины без её на то согласия и соответствующих уговоров.

Подавив на какие-то точки ниже пояса, доктор попросил её лечь на спину, на кушетку. Опасаясь дальнейших сюрпризов и всё еще надеясь избавиться от боли с помощью физиотерапии, она вкрадчиво сказала, что видела в интернете фото процедуры, на котором пациент сидит на стуле, а нога лежит на валике. Он удивленно вскинул брови и вежливо указал на кушетку. Она легла, предусмотрительно свесив ступни, тем самым, как ей казалось, расположила их ближе к аппарату. Но не тут-то было. Спустив с неё трусы почти до неприличия, он углубился в её тазовые кости, надавливал на какие-то точки, что-то тянул слева

направо, и наоборот. Теперь Сима подумывала о том, а не вскочить ли ей, подернув плечами, типа с меня хватит, и покинуть демонстративно кабинет. Но подобная экспрессия непозволительна директорской матери, и этот финт может иметь далеко идущие последствия, да и боль в ноге сильно мучила. Она постаралась расслабиться, представила, как её живот расплылся и стекает по бокам на кушетку. Подумала, что раньше кости таза выпирали, а живот проваливался, теперь же надо производить изыскательские работы, чтобы обнаружить среди мягких тканей следы этого таза.

Потом её накрыла волна возмущения, и Сима подумала, как хорошо, что у неё пустой мочевого пузырь, представила, какой Бахчисарайский фонтан она бы устроила от такого рьяного пальпирования, и рассмеялась в голос. На её смех заглянула в кабинет дочь со словами: «Вы плачете или смеётесь?». Потом вбежала главврач. Все трое смотрели на Симу и вопрошали. Так как ничего приличного она моментально придумать не смогла, пришлось делиться реальными мыслями вслух. Эскулап выслушал и серьёзно сказал, что действительно хорошо, что у неё пустой мочевого пузырь, и продолжил свои манипуляции.

Сима уже начала сомневаться в его профпригодности и адекватности, но использование анатомических названий мест, к которым он прикасался, и терминов в разговоре с главврачом немного её успокоило. Потом, как спасательный круг, прилетела еще одна информация. На пару минут оставив пациента в покое, доктор схватил свой телефон, подошел к дочери Симы (она его генеральный директор) и стал демонстрировать фото своих дипломов и сертификатов по остеопатии, полученных в Санкт-Петербурге. Она посмотрела, кивнула – информация принята.

– Остеопат! – воскликнула Сима, проглотив «твою мать».

– Да! – отозвался мужчина, приняв возглас за обращение.

Теперь всё происходящее и его манипуляции понемногу стали находить объяснения в её голове, но ответа на вопрос, как они соотносятся с болью в её пятке, всё еще не было.

– Может, вернемся к основному вопросу повестки дня? – попыталась пошутить она.

На что последовал ответ:

– Китайцы говорят: чтобы вылечить низ, ищи проблему вверх.

– Нашли?

– Это очень сложный вопрос, – ответил он, надавив пальцами ей на первые ребра и продолжил: – Тяните ступню к себе, а большим пальцем старайтесь достать нос.

Он явно пропустил слово «мысленно».

– Даже если я сгруппируюсь, то с учетом возраста и приличного сощнакопления в виде живота у меня это вряд ли получится, – пошутила Сима.

Юмор не прошёл.

– Теперь будем дышать всей левой стороной. Я не знаю, как вам это объяснить, но вдыхать воздух и наполнять им все ваши члены надо только слева.

Конечно, подумала она, сейчас перекрою трубы справа, давление уйдет влево и будет мне счастье. И, во избежание пустого словоблудия и напрасной траты времени, поспешила заверить его в том, что знает, как это делать, чуть ли не практикует это каждый день, и не стоит дальше расходовать понапрасну его драгоценное время на объяснения.

– У вас стопа полностью скована. Переворачивайтесь на живот.

Аллилуйя! Наконец, его внимание перешло к её ступне, и забрезжила надежда, что и её многострадальная пятка будет удостоена внимания.

– Может, упростим задачу и перейдём непосредственно к процедуре УВТ? – попыталась форсировать события Сима.

Он посмотрел на неё так, будто она сейчас изысканный суп, приготовленный шефом с мировым именем, назвала простой похлебкой. Она не оценила внимания, мастерства, она – простая деревенская клуша, прошла в кирзовых сапогах по его истонченной высокохудожественной натуре.

И, о да! Сработало! Волшебным образом на руках доктора появились мотоциклетные перчатки, он взял насадку-пистолетик, и на её многострадальную пятку упала долгожданная капля геля. Но не на ту...

– Это не та нога, – тихо сказала Сима.

– Бывает, – отозвался он и продолжил: – Я знаю случай, когда по ошибке человеку удалили здоровую почку.

– Давайте, это будет не мой случай, – сказала она, как бы призывая к продолжению действия.

Процедура началась. Постукивание по больному месту длилось в двух режимах не более шести минут, прелюдия – минут тридцать. Однако кульминация этого яркого события ждала её в финале. Могла ли Сима предположить, что развитие этого действия неизбежно приведет её к такому фейерверку ощущений в конце их незабываемой и, уж конечно, (дай Бог!) единичной встречи? Неожиданно её пятку пронизала невероятная боль, от которой плечи взметнулись вверх, а шея втянулась и притормозила где-то на дне желудка, сознание помутилось. Из Симы вырвался звериный рык. Её мучитель с силой давил пальцем на какую-то точку её ступни и приговаривал:

– Больно? Вы не должны произносить это слово даже мысленно. Вы же образованный человек и знаете, что всё в этой жизни материально! У вас нет боли, она только в пятке. Отделите её от себя и посмотрите на неё сверху, отстраненно. Говорите, что боли нет, у вас ничего не болит. Ой, частицу «не» говорить нельзя, а то в Космос уйдет: болит. Не слышу, произносите вслух.

– Я совершенно здорова и счастлива, – пробормотала она, сдерживая стон.

– Нет, не это я хочу от вас услышать.

Сима промолчала. Никакими словами невозможно передать тот букет эмоций, которые она испытала. Эпитеты, гротеск, всё было бы бесполезно, поэтому тему закрываю.

– Всё, – сказал эскулап, – вставайте, становитесь на колени и садитесь на пятки, а на пальцах стойте.

Экзекуция продолжалась. На колени с трудом она встала, но попой до пяток дотянуться не удалось, так как застарелая нетренированная мышца бедра не хотела растягиваться и отдавала болью прямо в пах. Тяжесть от её измождённого тела не стала угрозой сломать упершиеся в ламинат пальцы ног.

– Надо, надо! А как вы хотели? Без упражнений ничего не получится, – говорил он так, как будто давал ей задание неделю назад, а она, двоечница, его не выполнила.

– Теперь вставайте, становитесь на одну ногу, второй упритесь в колено первой, руки соедините и тянитесь в потолок. Глазами найдите точку на противоположной стене, протяните верёвочку через неё и зафиксируйте себя в этом положении минут на пять.

– Вы поставили меня на большую ногу.

Какие эпитеты остались произнесенными, лучше здесь не цитировать.

– Да, да. Энергия будет прожигать вас и выходить через пятку, – невозмутимо продолжил он.

Удержалась в таком положении Сима секунд тридцать, и на этом винегрет из традиционной и нетрадиционной медицины и не очень медицины, к её великой радости, закончился.

Она достала купюру и протянула специалисту. Он отпрянул и стал озираться по сторонам, рядом же стояли генеральный директор и главврач. Но Сима настаивала, объяснив, что бесплатные услуги у неё не приживаются и пользу не приносят.

– Ну, тогда уж положите на стол, что ж вы прям так, в руки-то...

Расставание оказалось обоюдно радостным. Доктору неожиданно привалила денежка и возможность продемонстрировать своё великое мастерство генеральному, ей – освобождение от экзекуции и надежда на светлое безболезненное будущее.

Но не тут-то было... Сима по-прежнему чувствовала себя родной сестрой Ахилла, была в претензии к Фетиде (а больше ж не к кому) за то, что она не окунула её пятку в воды священной реки Стикс.

Декабрь 2020, Небу

ШИВА ПО-СВЕТСКИ

Она лежит величественная, властная, и весь её вид не даёт усомниться в торжественности момента. Не скорби, а именно торжественности. Она – королева, вторая после Создателя во Вселенной, и мы, её подданные, здесь, рядом, подле неё. Как-то страшно: всё ли сделано, высок ли уровень антуража и самой церемонии, довольна ли она?

Гроб стоит на вершине горы, слева вид на морскую гладь, справа – горы, густо покрытые кронами деревьев с яркой зеленью, а дальше – снежные вершины. Стоят по-летнему теплые, солнечные, нежные первые сентябрьские дни, нет даже запаха осени. Август сдал свои позиции лишь формально, уступив официальным цифрам календаря.

И вдруг налетел ветер, сильный, порывистый, пронизывающий до костей. Казалось, что это наша королева даёт всем понять: не наслаждаться красотами природы и хорошей погодой собрались мы здесь, а проводить ЕЁ в последний путь с этой грешной земли.

Она опоздала на собственные похороны часа на два – пробка, машину с табличкой «Груз 200» никто не пропустил, видимо, посчитали, что пассажиру уже спешить некуда.

Пусть весь мир подождёт – для неё это нормально, ожидаемо, так как она всегда говорила: «Я так долго живу, что могу себе и это позволить».

И позволяла. Позволяла себе последние 30 лет быть во главе всех и вся. Для неё не было авторитетов, особенно среди близких. Исключение составлял лишь любимый, нет, боготворимый ею сын. Наши взгляды и мнения, как часто бывает, не совпадали: врачи, к которым её возили, были бездарны, лекарства неэффективны, так как не лечили её хронические, накопленные годами болезни за один курс. Вещи, которые для неё покупались, были верхом безвкусицы, постельное бельё – грубым и некрасивым, одеяла – плохо прилегающими и тяжелыми, еда пресной... et cetera, et cetera.

А мы всё приносили, настаивали, боролись, уверенные, что наша забота ей во благо. А она жила, возводя оборонительные сооружения, жестко отстаивая свои интересы и точку зрения.

Нам бы отступиться, понять, что в 92 года можно почти всё: и соль горстями, и котлету, плавающую в жире, и пельмени из магазина. А мы всё боролись, стараясь причинить добро...

Сиреневый шарф прикрывает густые волнистые с фиолетовым отливом седые волосы. Ветер то поднимает, то опускает крепдешиновую ткань, пряди волос слегка шевелятся и кажется, что она просто спит и неровно дышит. Шарф подбирался в тон платья, туфли

заменялись дважды, всё было подготовлено тщательно и со вкусом лет 25 назад и вот пригодилось.

Гроб строгий, без каких-либо украшений и излишеств, как положено, пусть там судят по её поступкам и заслугам, а не по материальному благосостоянию. А вот то, что тело умершей должно быть полным, без извлечения какого-либо органа, не срослось, а точнее – полный крах. Под подбородком виден шов и нитки. Чувство вины и страха. Но никакие суммы взятки не победили боязнь врачей потерять своё место. Ковид...

Непонятно откуда появилась собака. Поджарая, длинноногая, с острой мордой и стоячими ушами, она медленно приблизилась, окинула всех взглядом, обошла гроб, легла под него и приняла позу сфинкса.

Все насторожились, не зная, чего ожидать от этой незваной гостьи. Да и хорошо ли это – присутствие собаки на похоронах? Но так как она мирно и горделиво возлегала под гробом, стоящим на высоком постаменте, все переключились на процедуру прощания.

«Кто ты? – мысленно спрашивала я, – священная собака бога Анубиса – проводник в мир мертвых? Или душа Измаильчика, или одна из душ Полины, Раи или Капы, которые раньше тебя обрели здесь покой, а теперь встречают новопреставленную на правах старожилов?»

Похороны светские, нейтральные. Тебя хоронят в чужом городе на престижном кладбище, всё по высшему разряду. Понимая, что дорогие памятники, пышные церемонии мёртвому не нужны, я всегда говорила, что главное – память. Но как только дело дошло до родного человека, мы, живые, начали изощряться настолько, насколько позволяют возможности. Хотя ещё древний философ Аристипп говорил, что вход в Аид со всех сторон одинаков, нас не исправить.

Твой брат и внучка выбрали лучшее место из возможных. Следующее уже только с разрешения главы города. Всё, как всегда для тебя, самое лучшее. Венки – шедевр ритуального искусства, как по виду, так и по ценам, выбирала я.

Читаю немой вопрос брата: «Не слишком ли шикарно всё и дорого?» Вслух отвечаю для всех:

– Она может себе это позволить.

Нас мало. Пандемия. Чужой город. Она пережила многих младших из своего круга. Ей 92 с половиной года. Прожила бы намного дольше, ведь был потенциал. Ковид...

Все молчат. Думала, что-то скажет сын – но нет. И в этой горестной тишине, неожиданно для всех, раздаётся плач моей дочери, потом слова, обращенные только к её бабуле, просьба о прощении за

то, что не может проводить лично, укор за то, что не дожила до предсказанных ею ещё в детстве 94 лет, рассказ о том, как она ей старалась угодить в последний раз...

Дочери рядом нет, она за полторы тысячи километров, в Москве, едва не опередив свою бабулю, чудом оставшись в живых, теперь под бдительным наблюдением Роспотребнадзора и его электронных сыщиков возвращается к жизни. Ковид...

Зять ведёт онлайн-трансляцию с похорон. Жутко. Виртуальное присутствие моей настрадавшейся девочки, рыдания, которые разносит ветер, замыкая их в круг и создавая стереоэффект, разрывают душу. Могильщики подают знаки – пора.

Беспризорно отпущенный зятем наш мальчик вот-вот перейдёт дорогу покойнице, примета, плохая примета, в которые я верю, ментально возвращает моё сознание в реальность, и я кричу. Забыв о кульминации происходящего, не скрывая своего отношения к никчемному «координатору», пугая малыша, кричу, как последняя халда. Чтобы остановить беду, все средства хороши, мысленно оправдываю я себя.

Моментально перед глазами встаёт картина похорон тёти Поли: мама и Фрида, сёстры-близняшки, переходят дорогу гробу с покойницей. Я кричу, перехватываю их буквально в последний момент, обзывая старыми клушами. Злятся, огрызаются, но послушно застывают и пропускают процессию. Выдыхаю, убеждена, что сейчас продлила им жизнь. Так и случилось.

Стою, будто зависла в другом измерении. Все уже у могилы, на площадке я одна, оглядываюсь, возвращаюсь в реальность, смотрю – всё ли унесли, и сбегая вниз. Успеваю. Малочисленная процессия теснится с одной стороны ямы. Собака тоже здесь, стоит поодаль и внимательно наблюдает за могильщиками. Гроб опускается в могилу, беру влажный глиняный ком, бросаю. Ребёнок, по примеру взрослых, зажимает землю в ручонке. Из-за холмика он старается увидеть яму и не промахнуться. Лезет наверх, отец его не контролирует, меня накрывает паника – вот сейчас он соскользнёт в могилу. Я опять, халда, рычу. Мама точно сейчас мной недовольна. Прости, мама, но сейчас живому – живое.

Как-то очень быстро и неожиданно для меня вырос могильный холм, украшенный венками и цветочными корзинами, 40 бордовых голландских роз для любимой бабули от внучки в огромном вазоне увенчали композицию.

Осталось место ещё для одного венка от сына и его детей. Купить венок или букет для мамы он не сообразил. Наверное, как и многие мужчины, он далёк от соблюдения традиций такого плана. Понимая это, заказала его я. Все, и он в том числе, это одобрили.

Теперь брат стоит у могилы, крепко держит венок двумя руками, все в ожидании смотрят на него. Прошу дядю обратить его внимание на то, что церемония закончена, не понимает, продолжает стоять с венком. Говорю громко:

– Отдай венок.

Он вопрошающе смотрит на меня. В этот момент рядом стоящему удаётся с усилием забрать у него из рук и положить на могилу венок.

Всё... Пытаюсь что-то говорить, чувствую – несу несуразицу. Вспоминаю, что надо раздать конфеты, руки дрожат, обертки разрываются, конфеты падают на холмик. Обувь грязная, бахилы в кармане, собака исчезла, видимо, её миссия окончена. Кто ты, чья душа приходила в твоём обликии?

Идём к машинам. Подходит незнакомый мужчина, протягивает визитку, обращаясь ко мне по имени-отчеству:

– Когда вам понадобятся ритуальные услуги – у нас дешевле.

Верх цинизма и бестактности. Молча беру визитку и кладу её в карман родственника, а вдруг это знак и скоро пригодится?

Хочется кричать: «Не-е-е-т, я больше не выдержу», – но редкий случай – молчу.

Едем в ресторан на поминки.

Сентябрь 2021, Сочи

ДЕД МОРОЗ В ТЮБЕТЕЙКЕ

Празднику Великой Победы посвящается

Уж так получилось, что в моём детстве самый первый, «детсадовский», Дед Мороз был очень необычный! Это был Кар-Бобо – «Снежный Дед» в переводе с узбекского. А дело было так. Мои родители тогда работали специалистами в одном из узбекских кишлаков-колхозов. Я посещала детский сад, где моя мама была заведующей. Помню, как мы любили наших двух молоденьких девушек-воспитательниц из города. Как они всегда были красивы и нарядны, эти две русские девушки. Затеяницы необычные! А ещё в детском саду жил в своей сторожке, отдельно от всех групп, дедушка-узбек. Он был не только сторожем, дворником, истопником, но и мог на своём ослике подвозить продукты из магазина. Во время прогулок на детской площадке самые бойкие ребята даже заглядывали к дедушке-сторожу в каморку, чтоб посидеть на его обшарпанной табуретке или отломить кусок его сухой лепёшки. Бобо (по-узбекски – дедушка) никогда на детишек не сердился и дверь в его сторожке никогда на замок не закрывалась. А ещё наш детсадовский Бобо ходил всегда в чапане и на груди у него была медаль «За отвагу», полученная в годы Великой Отечественной войны. Все знали, что у Бобо были и дом, и дети, и внуки. Только сын его был беспробудным пьяницей, оттого и жил Бобо в детском саду, отдельно от своих, уже долгие годы.

Так вот. Наши молоденькие воспитательницы ближе к зиме начали разучивать с детишками к новогодним праздникам песенки, стишки, танцы. Помню, как в один из вечеров я помогала наряжать ёлку в зале. Дедушка-Бобо и завхоз Сервер устанавливали лесную красавицу. Тогда, в шестидесятые годы, да ещё в далёком уголке Мирза-Чульских вечных азиатских степей, где зимы и снега-то не было, поверьте, всё это выглядело довольно необычно.

Когда начался утренник, все дети, мамы, бабушки, тётушки-гости расселись по детским стульчикам в ожидании. А, надо сказать, что я видела минутами раньше, как молоденькие воспитательницы переоделись, одна – в Деда Мороза, а другая – в Снегурочку. Вот наступает

момент прихода на утренник Дед Мороза. Мы слышим тяжёлые удары посоха, низкий голос за дверью, и входит в шубе, в белой шапке нечто необычное с мешком, с толстой палкой, а рядом – белая девушка, тоже в шубке... Дети – одни притихли, а другие перепугались, стали плакать и разбегаться, прятаться за своих мам, поскольку это выглядело так, как если бы мы с вами на празднике увидели марсиан с палками, мешками и в «дутой» белой одежде... Ведь мороза, снега за окнами в тех краях не было, и мир малышей формировался без этой стороны жизни, для нас, нынешних, очевидной. Потому и перепугались ребятишки – узбекские, татарские, корейские дети – этого «пришествия».

Успокоить детей не удавалось, пока девушки-воспитательницы не удалились в свою «гримёрную». Детский праздник мог сорваться окончательно. Тогда одна из них побежала в сторожку к Бобо. Тот отдыхал на лежанке под треск поленьев в печке-буржуйке. Она уговорила Бобо надеть наряд Деда Мороза, а сверху накинула ему чапан с орденом на груди. Старика загримировали – усы, борода – но вместо шапки оставили тюбетейку. И вот, со словами «Ассаламу аллеюкум!» Кар-Бобо вновь открыл двери в праздничный новогодний зал и вошёл торжественно, представив публике свою Снегурочку-Кизым – тоже без шубки, с косой через плечо и с короной на голове. Всем такое преобразование очень понравилось. Праздник продолжился с песнями и хороводами вокруг ёлки. Кар-Бобо был немногословен, но отличала его одна особенность: каждому ребёнку, когда он вручал конфеты или подарки, он лично пожимал малюсенькую его ладошку, и выглядело это как вручение награды! За стишки и песенки трогательно благодарил детишек: «Рахмат!», что прибавляло нам гордости за полученную похвалу, похвалу от Кар-Бобо с медалью на груди!

Потом в колхозе люди долго рассказывали и смеялись, как детишки перепугались Деда Мороза и воспитателям пришлось посадить под ёлку сторожа, чтобы провести новогодний праздник. А я запомнила своего первого в жизни Деда Мороза именно таким: наполовину Дед Мороз – наполовину Кар-Бобо с медалью «За отвагу» на груди.

МУЛЛА

*Посвящается возвращению моего
родного Крыма в состав России*

Всякий раз, когда смотрю на фотографию семьи последнего в России царя Николая II, мысленно спрашиваю себя: «Какая из его дочерей тогда болела?..»

В жизни каждой семьи, рода есть такие события, о которых рассказывают из поколения в поколение. Это или смешные случаи из жизни дедов, прадедов, или, наоборот, трагические, героические эпизоды жизни предков. Эти рассказы своего рода визитная карточка, «лицо» семьи, фамилии. У нас тоже есть такие истории, о которых бабушки охотно рассказывают внукам, а те – своим детям, внукам, и одну из них я хочу поведать вам.

Произошло это в конце XIX века. Крым тогда был царской окраиной, и крымских татар, как впрочем, и представителей большинства других народов России, призывали на воинскую службу. Мой прадед служил в царской армии рядовым. Правда, ему повезло – попал в Москву, в какую-то часть, связанную с царской охраной. А в остальном служба была нелёгкой...

Дома солдата ждали родители, младшие братья и сёстры, многочисленные родственники и односельчане, которые в мусульманских селениях также являются полноправными представителями родства. Ведь жизнь людей в маленьком селении, как это всегда бывает, связана из поколения в поколение узами землячества...

Писать солдат, а его звали Магомед, не умел, но через грамотных людей время от времени сообщал о себе. Дескать, служу, жив-здоров. Так всё бы и шло своим чередом до истечения срока службы, если б не особенное событие, которое изменило не только всю его дальнейшую жизнь, но и жизнь его детей, внуков, правнуков.

А случилось вот что. Заболела царская дочка. Как-то сразу девочка ослабела, отказалась от пищи, слегла. Вызвали к ней докторов, учёных-профессоров. Те назначили лечение. Но ребёнку ничего не помогало. Везти за границу было рискованно, девочка могла не выдержать дороги. Вызвали к ней знахарей. Священники, не отходя от постели больной, совершали свои службы, церковные таинства, прося у Бога в молитвах «здравия чаду невинному, безгрешному». Но всё было тщетно. Она всё больше слабела.

Тогда Совет святых отцов решается на последнюю меру – идти к царю-батюшке с особым предложением. А предложение было такое: вызвать мусульманского попа – муллу. Бог, дескать, один, но речь разная, так уж получилось – нам не внемлет, может, к мусульманской молитве прислушается. Царю ничего не оставалось, как согласиться на предложение святых мужей. Выбирать не приходилось. Стали думать, где найти муллу. Ведь пока главный мулла прибудет из Казани, пройдёт драгоценное время. Решили поискать среди солдат-иноверцев. Посмотрели по спискам. А у прадеда моего была фамилия – Мулла. Нашли его и спрашивают, знает ли он Коран, умеет ли читать молитвы?

Как истинный мусульманин, Магомед знал несколько сур из священного писания. Поэтому ответил утвердительно. Но муллой насто-

ящим он не был. Фамилия эта ему досталась от отца. Так же, как и у христиан, от предков унаследовавших фамилию «Попов», то есть «сын попа». Но в тот момент такие подробности никого не интересовали.

Магомеда одели в чистую одежду и повели по кремлёвским палатам и бесконечным коридорам. Объяснили, что должен будет читать молитвы над больной царской дочкой. Испугался служивый: не шутят ли? Стал думать-вспоминать, где, когда и как провинился, за что ему такое наказание? Мысленно уже с жизнью прощался: «А ну-ка, к самому царю ведут! Якобы дочку лечить, над ней, дескать, «дуа» читать... А богато царь живёт! Вон какие стены, какая мебель! Везде золотом всё горит. Эх, кабы в живых оставили, рассказал бы у себя в селе, что у самого царя во дворце был».

Но обижать его не собирались. Привели в широкую просторную палату, где лежала больная девочка. Огромная резная кровать. Вдоль стен стоят длинные лавки. Сидят царские вельможи, царь с царицей, церковные служители. Всё чинно, знатно. Солдату говорят: «Читай!» Показывают на девочку. Растерялся служивый. По адату, прежде чем начать намаз, необходимо совершить омовение. Просит Магомед кувшин с водой. Вносят дорогую посуду: таз золочёный, кувшин. Коврик расстилают. Закончено первое таинство – таинство омовения. И начинает солдат читать молитвы, все те, которым когда-то бабушка и деревенский мулла учили. Начинает с «Фатиха» – восхваления Бога, доходит до универсальной «Кулфу». Начал тихо, робко, полушёпотом. Но постепенно голос его набирал силу, уверенность. При каждом повторе появлялась напевность, музыкальность произносимых речей. Солдат читал и читал... В этот момент в его памяти всплывали картины родного селения, родного дома. И с каждым повторением на душе служивого всё теплее и теплее от знакомых с детства родных слов, звуков, ощущений...

В конце, по адату, произносится торжественное: «Аминь!» – завершение молитвы, и священники, находящиеся здесь же, своими басами подхватывали: «А-Аминь!», эхом раскатывавшееся по коридорам, царским палатам. Так Магомед читал день, второй, третий... Читал непрерывно. Теперь уже в молитвах своих, грешным делом, по-татарски, вспоминал крепким словцом и свою нелёгкую солдатскую долю, указывал Всевышнему на своих мучителей. Но всё это было так искренно и эмоционально, произносилось со слезами на глазах, что трогало окружающих своей правдивостью, вызывая ответные слёзы. Не забывал Магомед делать «щуф-ф-ф» в сторону больной. Порой это делалось чаще положенного, но для сидящих здесь наблюдателей это было знаком особого усердия, производило впечатление. И опять: «А-Аминь!», «А-Аминь!» – перекатываясь волнами, было подобно грому за окнами. «А-Аминь!» – эхом отзывалось по кремлёвским палатам...

И, о чудо! Девочка открыла глаза, приподняла голову, чтоб посмотреть – что же происходит? Присутствующие пришли в изумление. Взбодрённые, стали руками показывать, просить: «Читай, солдат! Читай!» Солдат и сам поверил в силу своих слов. На этот раз чтение его было вдохновенным, оптимистичным.

А девочка? Девочка встала... затем робко пошла. Радости окружающих не было предела. Солдат радовался больше всех: наконец его присутствие в обществе чужих людей подходит к концу. «Скорей бы обратно, к своим товарищам!» – думал Магомед.

Прошло время. Однажды, в один из летних крымских дней, когда на море полный штиль, когда волны ласково омыают берег, когда горы освещены ярким палящим солнцем, на дороге, ведущей в Капсихор, показалась вереница повозок. Редко кто посещал капсихорцев, редко кто приезжал сюда в гости. Уж очень высоко нужно было подниматься по серпантинам горных дорог, чтобы выйти к морю и к селению. Само название «Капсихор» говорило уже само за себя. В переводе оно означало «закрытые ворота, закрытые двери».

А тут... Кто бы это мог быть? Первыми телеги увидели дети, разбежавшиеся по домам с криками: «Сол-дат-лар! Сол-дат-лар...». Это у людей сразу вызвало панику, страх. Женщины запричитали, стали прятаться, закрываться. Но когда разглядели приблизившиеся телеги и людей, очень удивились. На первой арбе ехал Магомед и кричал на всю округу: «Адамлар! Джамаятлар! (Люди!) Мен кельдым! (Я вернулся!)»

Теперь уже народ стал выбегать на улицы вслед за телегами. С возгласами: «Магомед вернулся!» – люди вереницей тянулись за обозом. Остановилось это шествие у калитки дома Муллы. Родители и близкие, приветствуя солдата, удивлялись, как это он вернулся раньше положенного срока? И что за пожитки привёз? Откуда этот скот пригнал? Почему под конвоем приехал?..

Вот тут Магомед и рассказал, как он царскую дочь лечил и как за это усердие его сам царь Николай наградил подарками. Первая телега – посуда царская: стеклянная, серебряная, позолоченная... Вторая телега с богатой одеждой, сукном, с подушками да одеялами. Третья телега с домашней птицей в клетках. А на четвёртой ехали сами солдаты, которые дорогой гнали скот: овец, коз, коров. Удивлялся народ. Для бедняков – пастухов, виноградарей, рыбаков такое было в диковинку. И был пир! Гуляло всё селение. Такого праздника в Капсихоре, вероятно, раньше никогда и не бывало. Всем селянам досталось от царских щедрот по подарку: кому отрез для дочери, кому – праздничный кувшин к столу. Ведь в маленьком ауле все друг другу родные и близкие, и обидеть невниманьем – грех.

А Магомед?.. Магомед со временем женился. И детей своих на-

ставлял учиться, чтобы мир дальше своего селения видели, чтобы «большими» людьми стали. Тех из сыновей, кто имел склонность к наукам, выучил. Старший даже был уважаемым человеком в тех краях – руководителем в сельском хозяйстве. Это был мой родной дед, которого я хорошо помню.

Всякий раз, когда я смотрю на фотографию семьи последнего в России царя Николая II, думаю: «Как всё-таки хорошо, что выздоровела тогда одна из его дочерей. Иначе не было бы и этой истории для нас – потомков рода Чолаковых-Муллы». Интересно, какую из царских дочерей лечил Магомед?

НОЧНОЙ ДЕД МОРОЗ

Это было в 1982 году. Под Новый год. 30 декабря. В общежитии института. Я тогда была не просто «студентка», но и «комсомолка-активистка»: член студпрофкома, ответственная за культмассовую работу студсовета. В общем, надо было провести новогодний вечер в общежитии. Но студенты категорически отказывались петь, плясать у ёлки. Всё усложнялось началом зачётной недели и предсессионной сдачей задолженностей, отработкой пропусков. Народ в спешном порядке готовился к зимней сессии. Мне ничего не оставалось, как прибегнуть к помощи извне... Мероприятие-то надо провести! Я знала, что артисты городского академического драмтеатра накануне Нового года работают Дедами Морозами и Снегурочками.

Пришлось пойти в театр и оставить заявку на 30 декабря. Объяснили, что Дед Мороз подойдёт к восьми вечера, так как днём у него утренники в школах и детских садах. Нас, студентов, это время вполне устраивало... И вот 30 декабря. Мы нарядили ёлку в холле, включили на всю громкость «Бони-М», предупредили вахтёршу, чтобы встретила наших гостей, сами сидели на дежурстве. К сожалению, никто не пришёл. Музыка в холле оставили для любителей потанцевать, коих, к сожалению, тоже не оказалось. «Бони-М» голосила в одиночку, ёлка печально мигала, а студенты все сидели по комнатам или суетились с чайниками и сковородками на кухне.

И вдруг, почти в одиннадцать, прибегает ко мне вахтёр тётя Маша и говорит, что пришёл очень странный Дед Мороз. Никого не спросил, ничего не сказал, а сам пошёл по этажам. «Иди и ищи его!» – командовала. Я побежала на второй этаж, где играла музыка. И точно! Настоящий Дед Морозик! Весь грязный, видно, по дороге несколько раз упал, весь обцелованный, в губной помаде, без мешка, без посоха, без Снегурочки и, откровенно «лыка не вязал»! Пьяный вдрызг! Слова сказать не мог. Одно мычанье. Еле ноги волочил. Единственный

его козырь – счастливые глаза и улыбка сквозь обтрёпанные бороду, усы и брови. Да, ещё была реакция на музыку. Любую. Он пытался подтанцовывать. Я скорей достала сценарий, чтобы с ним как-то договориться о концертной программе. Тщетно! Он не воспринимал слова. Улыбался и качался из стороны в сторону. Мы поддерживали его под руки, чтоб не упал. «Бони-М», наконец, был выключен. Я по сценарию начала говорить слова Деда Мороза:

По лесам, по горам, торопился в гости к вам!

Веселись, честной народ! Скоро, скоро Новый год!..

Дед Мороз мычал что-то невнятное, ещё и пытался что-то изобразить руками-ногами. Бедолагу стало жалко, мы хотели посадить его на стульчик. Уроженец Великого Устюга заупрямился. Упёрся ногами, протестует и продолжает мычать!

А надо сказать, что в общежитии жили студенты не только разных факультетов, но и разных национальностей, в том числе было много девчат и ребят из Средней Азии: узбеков, казахов, киргизов, таджиков. И... как спасение, в этот момент послышались звуки узбекского дутара, зазвучала «Андижанская полька», Наш Морозик оживился, воспрял и заплясал «Андижанскую польку». Это было непередаваемо! Публика неистовствовала! Уникальное исполнение собрало зрителей. Со всех этажей «общаги» народ потянулся в праздничный холл. Дутар оказался кстати. За «полькой» пошли лезгинка, цыганочка, «Виновата ли я...» И даже «Бони-М» в исполнении дутара шёл на «ура!». Пляска с Дедом Морозом набирала обороты, молодёжь от души развеселилась! Однако вскоре у музыканта-аккомпаниатора произошла небольшая заминка с настройкой инструмента. Я в этот момент, между музыкальными атаками, попыталась вставить свои сценарные стишки, но не успела! Наш Мороз упал пластом. Окончательно и бесповоротно. Встать, хотя ему усиленно помогали студенты, уже не смог. Лежал на полу и уже даже не мычал. Массы, однако, не желали мириться с конфузом Деда Мороза, старались услужить, и всё норовили поставить страдальца на ноги! В конце концов, самые бойкие парни подняли его четвером и потащили в одну из ближайших комнат, где проживали ребята-узбеки. Народ потянулся следом, всем хотелось протиснуться в эту комнату. На кровати лежал бездыханный Дед Мороз. Публика надеялась на продолжение праздника... И оно не заставило себя ждать. Дед Морозик открыл глаза и показал на своё горло. Это был знак, что надо заправиться. Парни в срочном порядке достали припасённую на завтра бутылку водки. Налили. Морозик выпил, закусил и... ожил! Стал издавать уверенно-утверждающие звуки. Публика взликовала! Опять заиграл дутар...

Теперь Морозика, как героя, под белые ручки, переносили из одной комнаты в другую – к тем, кто успевал его перехватить. И, угощая его,

плясали с Дедом в частном, так сказать, порядке. Я его больше уже не видела...

Во сколько сказочный персонаж ушёл из студенческого общежития, история умалчивает. Вахтёр тётя Маша, и та уже спала, не дождавшись конца этой студенческой гулянки. Единственное, что мне на следующий день сказали, что Дед Мороз перед уходом студпрофкомовские деньги за вызов не взял, а попросил вместо оплаты бутылку водки. И показал, что сам уйти не сможет, попросил вызвать такси. Что и было сделано. Он долго махал всем руками. «Посадили мы его в машину со всеми почестями, не переживай! – успокаивали меня однокурсники. – Дед остался доволен. И где ты такого нашла?» Этот вопрос интересовал всё общежитие в праздничные дни, собственно, и не только в праздничные. Весь год вспоминали ночного Дед Мороза. Как повеселил! Не сказав ни одного слова... Талант!

ДЖИГИТОВКА

К совхозной амбулатории подъехала арба, запряжённая старым, замученным в работах на хлопковых полях ишаком. Привезли роженицу. Две молодые женщины-узбечки помогали спустить с повозки пожилую женщину, именно ту, которая и была на сносях. Дед-возничий нервничал... Спрыгнул. Но – не чтобы помочь. Он окликнул в окошко персонал, и медики появились в дверях. Молодая акушерка, татарочка, увидев пациентку, растерялась, ахнула! Роженице было около шестидесяти лет. В бабушки годилась... Однако медсестра, пожилая кореянка, одёрнула напарницу и кинулась к роженице на помощь. Но акушерка её опять опередила, пытаясь по-русски объяснить, что надо срочно везти в район. Дескать, оставлять бабушку здесь – слишком большой риск. Бабай-возничий недовольно закачал головой. Грозно глянул на молодую медичку из-под своей тубетейки. Так, что подчинилась и восприняла ситуацию с позиций многоопытной медсестры. Общими усилиями роженицу завели в приёмный покой, а затем и в палату. Женщину положили на кровать. Та была очень бледна, не в состоянии ни говорить, ни сделать самостоятельного движения. Акушерка принялась за оформление медицинской карты, а медсестра измеряла пульс, по-узбекски выпрашивая необходимые для заполнения данные. Бабушка едва шевелила губами.

В это время в окошко постучал своей камчой всё тот же дед. Пригрозил жене: «Родишь дочку, забирать не приеду! Останешься здесь!» Медсестра и акушерка накинулись на требовательного супруга, желая его немедленного исчезновения из поля зрения, а молодые женщины-первородки, находящиеся в палате, откровенно хохотали

над всем происходящим. Тем более что у этих стариков уже было восемь сыновей и куча внуков!

Однако медсёстрам было не до смеха. Пациентка теряла сознание. Её периодически приводили в чувство. Иногда пульс роженицы даже не прощупывался. Роды проходили очень тяжело, женщина сильно кричала между схватками. Акушерка постоянно подбегала к телефону и, перекрикивая общий шум в родовом отделении, консультировалась с врачами из района. Медсестра делала уколы, помогала роженице дополнительными действиями и процедурами. Все понимали сложность и особенность ситуации, все были предельно собраны.

Вечер и всю ночь женщины в родовом отделении сельской больницы не сомкнули глаз. Только под утро медики, известными только им способами сохранив жизнь матери и ребёнку, пришли к благополучному разрешению ситуации. Родился прекрасный курчавенький мальчик.

Несколько послеродовых дней пожилая женщина не могла даже подняться с постели. Тяжёлые роды давали о себе знать. Держалась послеродовая температура. Пациентка бредила. Пришедшего навестить её мужа медики в палату не пустили. Однако отцу новорождённого медсестра написала полный список необходимых матери и ребёнку вещей. Объяснила деду, где и что купить. Тот послушно кивал головой, со всем соглашаясь.

В назначенный день, в жаркий азиатский полдень, к сельской амбулатории подкатила арба, запряжённая всё тем же замухрышкой-осликом. Возничий спрыгнул с неё, суетливо заложив в запылённый сапог камчу. Снял с повозки свёрток, перевязанный цветастым платком. Подошёл к амбулатории, робко постучался. Медсестра открыла дверь, пригласив в приёмную. Дед вручил ей свёрток, а сам войти отказался. Скромно вышел на улицу.

Когда медики развернули привезённые стариком вещи, все ахнули от умиления. Кроме всяких пелёнок, распашонок медсестра достала для новорождённого малюсенькую тубетеечку и такой же малюсенький цветной чапанчик для десятидневного ребёночка. Малыша нарядили как настоящего джигита! Так пожелал отец. Маму с ребёнком вывели во двор амбулатории. Поздравили счастливого отца. Женщине помогли сесть на арбу. Дед поблагодарил медиков за сына, приложив руку к груди: «Рахмат! Катта рахмат! – Дал команду ишаку: – Чо-о-о!» И арба медленно тронулась в обратный путь домой по пыльным улочкам кишлака. Впереди сидел счастливый отец, бравый джигит, а рядом с ним – его многолетняя спутница жизни с новорождённым малышом-джигитом на коленках. Ребёночек мирно спал, щурясь от палящего солнца. Прекраснее «джигитовки» человечество вряд ли придумает.

КОЛХОЗНЫЙ «ПАХТАКОР»

Все двory колхоза «Победа» облетела новость: из района приезжает работать «большой ветврач»-«катта мол-дохтур!». Это означало: коровий врач, врач для коров с «большим» дипломом, то есть ветеринарный врач, который долго учился и имеет высшее образование. Для дехкан вопрос серьёзный, поскольку «коровий» фельдшер в колхозе был в ту пору никудышный! Неизвестно, как и сколько он учился в соседнем техникуме, но мало что смыслил в коровьих болезнях. Да и, откровенно, спился за последние годы...

Народ был доволен новостью. В семьях все на этот раз хвалили председателя за хозяйственность: тот ведь «мол-дохтуру» даже колхозный дом выделил с участком и пристройками. Дом в хорошем месте. Рядом с сельским полем, тополиной рощей и большим колхозным арыком.

Приехал «мол-дохтур» с семьёй. И жена – культурная женщина, и сам – непьющий серьёзный человек. С двумя детишками. Это ещё лучше! Значит, надолго обоснуется в хозяйстве. Так рассуждали меж собой хлопкоробы-дехкане.

Первую неделю на новом месте «мол-дохтур» принимал своё неугомонное хозяйство: колхозные гурты скота, ферму, общественный скот. Его никто на дому не тревожил. Пусть обживётся-освоится. А потом, понятное дело, пошло у людей: там телята захворали, там прививки надо сделать домашнему скоту, там лошадь копыто подвернула... «Мол-дохтур» и его помощник были постоянно в работе, за что «большому» доктору колхозники были благодарны. Такого ждали дехкане! Грамотный был человек, не зря долго учился.

Так прошли осень и зима. С наступлением весны «мол-дохтур» затеял ещё одно новое для колхозников дело: обустроить сельское поле – под футбольное. С парнями-бульдозеристами выровняли его по всей длине, придали форму, установили по двум концам большие ворота. Начались вечерние тренировки сельских футболистов. Теперь мальчишки зорко следили, чтобы дворовой скот не обгаживал спортплощадку. Ишаков и телят гнали с территории нещадно! Однако народ понимал: дело-то хорошее. Дети, от мала до велика, вечерами все вокруг своего тренера-«мол-дохтура». Занимаются спортом. Председатель и здесь проявил инициативу: выделил деньги на мячи, спортивную форму и сетку для футбольных ворот. Теперь «мол-дохтур» был ещё и капитаном колхозной футбольной команды. А вскоре должен был состояться и первый дружеский матч с соседним колхозом Ленина. Народ ждал этой игры.

В назначенный день футболисты-запасники вычистили поле, расчертили белильными кистями разметку, натаскали брёвен в ка-

честве скамеек для зрителей. После обеда основной состав команды вышел на «предстартовую» тренировку. Подтянулись и болельщики. Приехали на автобусе соперники. Матч был назначен на вечер. «Мол-дохтур» в этот день управился с работой пораньше. Более того, он пригласил в команду своего зятя из города, тоже спортсмена. Мужчины ужинали, обсуждая тактику предстоящей игры.

В это время к калитке дома ветврача подъехала арба. Ничего не знавший о футбольных делах сторож-бахчевник стал просить «мол-дохтура» в сей же час прийти к его двору и посмотреть издыхающую у него в хлеву корову. «Мол-дохтур» пытался объяснить бахчевнику, что через два часа он подойдёт и осмотрит его животину. Дескать, извини отец, сейчас занят... Но бахчевник был неумолим: корова третий день не может отелиться, думали, что обойдётся, не хотели тревожить уважаемого человека. «Прости, «мол-дохтур», издыхает скотина наша, кровью истекает, вот и приехал к тебе на арбе, чтоб быстрее подвезти к своему двору. Авось успеем ещё помочь корове. Жалко ведь! Да и семья моя без молока-то пропадёт...»

Тут к говорящим вышел родственник ветврача. «Мол-дохтур» в сердцах пнул куст сухой травы. Выбора у него не было. Назначил приехавшего зятя капитаном команды вместо себя, поскольку все остальные члены команды в игре совсем новички, и ушёл на вызов.

Когда перед самой игрой команда узнала, что их капитан ушёл к бахчевнику, все сникли. И уже как бы в ходе игры каждый из членов команды «Пахтакор» ни старался, слаженности в тот вечер не было. Колхозный «Пахтакор» проиграл! И из-за кого? Из-за бахчевника и его коровы, будь она трижды неладна! Народ «покидал трибуны» недовольный, а счастливые соперники весело укатали на своём запылённом «бусике»!

С вызова «мол-дохтур» вернулся поздно. Корову бахчевнику спас. И телёночка тоже. Дома жена успокоила по поводу проигрыша:

– Ну, с кем не бывает! Завтра выиграет! Это же ребячество, а там – семья. Хорошо, что бахчевнику вовремя помог. У него дети...

Только для селян-колхозников это был не праздный вопрос! Все члены футбольной команды, их семьи, родные и близкие в ту ночь долго не могли заснуть. Обсуждали неудавшуюся игру. «Вай-вай, Пахтакор!.. – сокрушались, костерили бахчевника и его несчастную корову. – Вот ведь пришёл со своей “криворогой” в самый важный момент! Не мог подождать!»

Но неприятности начались наутро, когда «криворогая» бахчевника появилась в сельском стаде. Пастухи, молодые ребята, следили зорко за ней. Каждый раз, когда она подходила к арыку напиться, хлестали её ногайкой, добавляя при этом: «На том свете напьёшься, живучая

тварь!» Сторожевые собаки гоняли почём зря и норовили ухватить «преступницу» за вымя.

Да и самому сторожу проходу от селян не было. Со всяким, с кем Аллах уготовил встречу бахчевнику, разговор был об одном и том же: «Из-за тебя, нетерпеливого, наши дети проиграли колхозу Ленина. У тех и команда-то была без названия, а вот как ты им помог со своей воючей шайтанихой!».

Старик совсем сник. Вообще перестал приходить домой: не хотелось показываться людям на глаза. И вот как-то увидел из своего шалаша председательский «УАЗик». Вышел навстречу. Машина остановилась. Поздоровавшись с председателем, бахчевник рассказал «главному» о своей заботе: проходу, мол, не дают ни мне, ни моей корове из-за колхозного «Пахтакора». Заступись, председатель! Что делать?

Тот улыбнулся, обещал помочь.

А наутро был разговор по телефону «в верхах». Председатели решали вопрос ответного матча. Главное, чтоб опять в тот день «молдохтура» на вызов не перехватили «криворогие пациенты». Сам председатель колхоза «Победа» за этим теперь следил. И «Пахтакор» выиграл игру на поле соперника. С большим счётом! Футболисты приехали с игры счастливые. Народ встречал победителей дружной толпой. А на своём футбольном поле организовали той. С пловом и плясками! Пели: «Вах, «Пахтакор», «Пахтакор»! Я тому свидетель...

ПОЧЁМ ЦЫПОЧКИ?

Первые свои уроки по предпринимательству я получила в детстве от бабушки-рааметлы Хатидже-пкана, пусть земля ей будет пухом! Мои знания торгово-рыночных отношений формировались на джума-базаре. Это базар в пятницу, когда народ из окрестных поселений и кишлаков съезжался в район. Кто на пятничную молитву в мечеть, кто по делам в госучреждения. Но при этом обязательным условием было зайти на базар что-либо купить, встретиться с родными или близкими, узнать последние новости, на свою арбу собрать в обратный путь односельчан-соседей, приехавших торговать. Оттого мероприятие обычно затягивалось до вечера.

Мы с бабушкой тоже любили прогуляться после обеда по джума-базару. Особенно если бабушка там встречалась со своими дальними родственниками. Интересно было послушать новости о том, у кого кто родился, кто и где женился, или угоститься всякими восточными вкусностями прямо с прилавков...

Но быть обычным покупателем на джума-базаре неинтересно. Впечатлений мало! Делов-то на час времени: купил необходимое и вер-

нулся домой. Вот и придумала бабушка по пятницам что-нибудь продавать, пока родители мои были на работе до шести часов вечера. Так мы и подторговывали на джума-базаре, имея с бабушкой нашу общую копилку на личные расходы. Это был наш секрет. А поддерживали наш бизнес курочки во дворе. Неслись они исправно, яиц для семьи всегда хватало. Зато на базаре покупатели брали яйца сразу десятками. И цена им всегда была хорошая, не то, что на помидоры или огурцы, или на петрушку какую, которых в Средней Азии на базарах всегда много и продавались они за пять-десять копеек. Это ж сколько надо собрать помидоров, огурцов или перца, чтоб наторговать хоть на рубль! В нашем двореке так много овощей не росло. А вот куриные яйца в самый раз! Тем мы и промышляли.

Обычно накануне вечером бабушка таинственно перемигивалась со мной, что означало: яиц отложила много, завтра можно и на базар съездить, поторговать. Конспирация была жёсткая. Да и то сказать – родители точно не одобрили бы услышанный от кого-то разговор об их пожилой маме, вдове ветерана войны, торгующей яйцами, да ещё и не уступившую в цене ни копейки! К тому же, и я недавно вступила в пионеры. Вдруг кто из учителей увидит меня. Учиться нужно, а я в торговках стою...

Но продавать – страсть как нам нравилось! Это же целый ритуал!

Я за прилавком – как взрослая. Цену, определённую бабушкой, держу твёрдо, не уступаю. Должна быть аргументация цены? Пожалуйста! Бабушка ходила вдоль рядов и успешно находила эту самую аргументацию: у тех яйца инкубаторские, а наши домашние. У тех бледненькие, а наши чистые, беленькие. Вот паренёк одно купил у нас и выпил сырое. Он сказал, что наши – самые свежие на вкус. Да ещё у нас крупнее яйца, чем у всех остальных на рынке, по крайней мере, крупнее, чем у того мужика, который торгует на углу...

Бабушка обычно наблюдала за мной со стороны. Ведь к ребёнку за прилавком народ активнее подходил. В этом также состояла торговая уловка, да и бабушке – жене члена партии – было бы не к лицу быть такой неуступчивой в ценах... Она обычно с кем-нибудь мило беседовала, «общалась» в сторонке, обсуждая джумабазарные новости на двух-трёх языках, как и с кем придётся, и при необходимости корректировала «мою работу». В нужный момент спора «между продавцом и покупателем» бабушка подходила к товару с добавочным веским «аргументом». В таких случаях покупатели сдавались и соглашались, что у нас яйца самые крупные: ведь не зря бабушка заглядывала под каждую курицу в курятнике, отбирая самые крупные яйца для торговли.

Так продолжалось довольно долгое время моего пионерского детства, пока мы со своим совместным предприятием не попались, при-

чём как! С шумом и гамом и неопикуемыми убытками! Долго потом над нами шутили родственники: почём курочки? Бабушка, правда, отвечала, смеясь:

– Не знаю. Давно на джума-базаре не была....

А дело было так. Как-то наши курочки отказались активно нестись. Яиц в доме теперь хватало только на выпечку да на утреннюю яичницу. Бабушке никак не удавалось собрать втихую три-четыре десятка, чтоб отвезти на джума-базар. Так продолжалось месяц, два, три. Наша «совместная наличность», касса, заканчивалась, а прибыли всё не было и не было. С такими нерадивыми курицами её даже не предвиделось!

А душа бабушки требовала площадки для дискуссий и позитивного общения. Если честно – и я надоедала ей своими уговорами поторговать. Хоть чем! Вот мы и решили в самый последний момент перед очередным джума-базаром: нет яиц, будем торговать курами. Благо, отец молоденьких понавёз в курятник. Не сосчитать! От двух-трёх хохлаток не убудет, а нам – радость! Но уже первый вопрос сбора нас озадачил: в чём везти кур на базар? В мешке слишком явно. Да и в автобусе могут мешок наш затоптать. А родители увидят с мешком, что в оправданье скажем?

– Йок! – сказала бабушка. – Чувал не пойдёт! Нужна сумка!

Стали искать сумку, чтоб закрывался верх. Ведь кур, если не продадим, надо привезти назад, да так, чтобы никто их не видел.

Нашли в спальне у родителей хорошую сумку. Закрывалась сверху на молнии, а концы её ещё и застёгивались на маленький замочек, как у чемоданчика. Родители с ней ездили на отдых в санаторий. В общем, недолго думая, мы поймали трёх кур, перевязали им лапы, чтоб не дрыгались. Засунули их в культурную дорожную сумку, осмотрительно проведя акустическую изоляцию полотенцем и застегнув все замки. С тем и тронулись в путь.

Пока доехали на автобусе до джума-базара, прошло время. Потом искали место для торговли в мясном ряду. «Другой профиль продукции и другая бизнес-территория»... Этого оказалось достаточно, чтобы наши куры задохнулись. Открыв на прилавке свой товар, мы обнаружили его полную непригодность. Первая курица едва дышала. Вторая – почти не дышала. А третья, самая нижняя, не дышала вовсе. Бабушка в растерянности выложила их на прилавок, и мы стали делать им искусственное дыхание. Чтобы привести в чувство. Это выглядело так: на прилавке – а где ещё? – мы трясли и теребили наших курочек, прогибая и разгибая от лапок к обвислой шее. Довольно интенсивно. Те грязные, тощенькие, иногда пытались всхлипывать. Проходящий народ останавливался и смотрел, смеясь и предлагая свою помощь в реанимации. Бабушка причитала:

– Ну что ж вы над нашей бедой-то смеётесь? С каждым может такое произойти, что живность издыхать не вовремя начнёт! Им бы уклы какие сделать...

Рядом торгующие мясом бабаи сквозь усы шутили:

– Апа! Вы их из самого Ташкента везли, что они у вас так посинели? Или петух был в курятнике не с тем шприцем?

В это время одна из вяленьких громко всхлипнула. Народ ещё больше распотешился:

– Вай! Как услышала про петуха – ожила!

По торговым рядам прошла волна смеха. Мне тоже стало смешно. Бабушка беспомощно спросила:

– Что домой привезём? Что я твоим родителям скажу?

Тогда один из мужчин достал из ножен мясницкий нож:

– Не надо, апа, из-за глупой птицы так убиваться. Пока две вяленькие ещё живы, давайте зарежем, дома шурпу сварите. Всё польза. Не здесь же их выбросить полуживых! Скорее решайте, апа, пока они ещё дёргаются.

Тут и другие бабаи-мясники стали предлагать каждый свой нож для таких «упрямых красоток».

И впрямь, надежды оживить птицу и, тем более, продать эту экзотику, уже не было никакой. Я утвердительно кивнула бабушке на её вопрошающий взгляд, и мы скромно сняли с прилавка наш товар. Сосед-мясник отошёл к арыку, прочитал дуа и зарезал двух едва трепыхавшихся хохлаток. Бабушка стояла рядом и причитала: «Это ж надо мне такое наказание Всевышнего! Что скажет сын? Привезла на джума-базар дохлых кур продавать...»

На что мясник, улыбаясь сквозь усы, успокоил:

– А вы, апа, ещё мало знаете наш джума-базар. Здесь и дохлого ишака можно продать... Не думайте о плохом, когда будете кушать шурпу из свежей курятины.

До сих пор не знаю – что это было с точки зрения торгового образования... Ликбез? А, может, институт?

АХ, МОСЬКА...

Ездить на занятия в музыкальную школу в парк было всегда интересно. Можно на обратном пути пройти через базарную площадь и зайти на джума-базар. Там вечерами торговки уступали сладких петушков за три копейки, а солёный курт – за две копейки. Ещё у бабая-чеканщика можно было выторговать за десять копеек колечко с красным камушком. В итоге, куча радостей! И всего-то в пятнадцать копеек...

Но в тот день ещё издалека было видно особое движение людей у

базарных ворот. Шум многоголосого смеха доносился до ближайших аллей. Вдвойне интересно было посмотреть, что там происходит? Толпа народа перемещалась то в одну сторону, то в другую. Это перемещение было бессистемно, как движение пчёл у летка улья.

Как оказалось на самом деле, там шло представление. Выступал настоящий дрессированный медведь. Большой, разряженный в коротенький чапанчик-жилетку и яркие шаровары. Держал его за верёвку от намордника дед-узбек. Он громко разговаривал с топтыгиным, подавая команды, и тот сначала приветствовал народ головой, потом земно кланялся честной публике, прыгал на задних лапах, выражая свою радость от встречи с народом, затем – обходил толпу зевак с кепкой, в которую люди охотно кидали медь... Между «душевными разговорами» с медведем, хозяин доставал из своего кармана кусочки сахара и подкармливал «артиста». После заполнения кепки звонкими монетами, Потапыч охотно вручал её дрессировщику и по его команде на узбекском языке неуклюже аплодировал всей честной компании своими огромными лапами. В это время все смеялись. Потом всё повторялось. Дрессировщик начинал:

– Ну-у-у, дорогой! Как ты приветствуешь публику головой? Покажи!

– А как ты кланяешься народу?

Мишка покорно выполнял все команды, в сотысячный раз веселя толпу зевак. Дрессировщик предлагал людям пучок шерсти на память о Хасане – медведя звали Хасан, Хасан-джон. Люди дополнительно протягивали деньги лично в руки хозяину «артиста», и дрессировщик срезал пучки шерсти с медвежьего бока. Там было у косолапого довольно широкое остриженное пятно. Люди, смеясь, заворачивали эти пучки шерсти в газету или в платок и прятали в карманы.

До этого дрессированных медведей я видела только по телевизору. А тут живой, огромный, стоящий на задних лапах. О! Это было непередаваемо! Но самое главное, что меня впечатлило: я не просто так близко видела медведя. Это был медведь, «прекрасно» знающий узбекский язык! В общем, уходить от бродячих артистов не хотелось. В этот день я свои десять копеек положила в кепку Хасан-джона.

Так потихонечку толпа шла вслед за «артистом». Ворота вечернего базара были открыты, и толпа зрителей вошла на почти безлюдную территорию рынка, продолжая смеяться и бросать медажи в кепку выступающих. Косолапый со смиренным достоинством развлекал публику.

Но в это время откуда-то из-под пустых прилавков затявкала базарная шавка, а следом подхватили со всех сторон другие. Сбившись в свору, дворняги подняли лай. Люди разбежались, и круг толпы вокруг артистов разомкнулся. Перепуганный медведь от неожиданности дёрнулся в противоположную от своры сторону. Дрессировщик не удержал верёвку и «косолапыч» сорвался, гонимый стаей расхрабренных псов. Торгующий народ стал хватать свои мешки, кули, корзины, вскакивая

или прячась у прилавков. Медведь бегал по территории рынка с намордником и телепавшейся за ним верёвкой. Следом мчался дрессировщик и кричал:

– Хватайте за верёвку! Не бойтесь его!

Но это же медведь! Как его не бояться?

Апайки, торгующие леденцами, закидывали на спины свои кули и в панике метались:

– Вай дод-вай дод! Бед-а-а! Беда!

Народ не знал, куда разбежаться и где прятаться, поскольку вокруг были одни только навесы и железные стойки. Самые ловкие запрыгнули на деревья. Мастерские и чайханы автоматически закрылись от медведя на все замки. Молодёжь повскакивала на пустые прилавки и, смеясь, наблюдала за разбегающимися людьми, собаками и мечущимся между торговыми рядами медведем. Нарядные шаровары трусливого «артиста» слетели с его мохнатого афедрона и тут же были затоптаны азартно тявкавшими преследователями. Мужчины на чём свет стоит костерили дрессировщика, подсказывая ему, куда бежать. Тот ловил Топтыгина, успевая появляться то из-за одного угла базара, то из-за другого, следуя за разбухавшей собачьей сворой. Благо, медведь сообразил выскочить за ворота рынка, побежал в сторону полей. Дрессировщик мчался следом. Только пятки сверкали!

Народ на джума-базаре стал приходить в чувство. Кто истерично смеялся, а кто рыдал над разбросанными лепёшками, яблоками, картошкой... Никто ж не думал, что медведь окажется таким пугливым. С тощей базарной шавкой не смог справиться!

– И откуда этих двух стриженных шайтанов нам на голову принесло? Будь они трижды неладны, артисты колхозные! – бабаи ругались, вспоминая недобрым словом, как в карманы бережливо припрятывали пучки шерсти с медвежьего бока. Народ в спешном порядке покидал джума-базар.

На второй день на одной из улочек селения я вновь встретила дрессировщика с трусливым Хасан-джоном. Унылый хозяин вёл оконфузившегося накануне и не менее унылого «артиста». Никто их трюки смотреть уже не хотел. Всем хватило вчерашнего концерта. Но вслед им улыбались...

ВАШ КОФЕ, МАДАМ!

Городок облетела печальная весть: ночью скончалась известная в округе гадалка на кофе – Сание-апте. Однако люди почему-то, как оказалось наутро, не так уж и сильно скорбели. Украдкой подсмеивались, хоть это грех-то какой – над усопшим смеяться. Гюнах!

Вопросы, задаваемые друг другу людьми, были следующего порядка:

– Что случилось? Отчего она скончалась? Ещё недавно её на базаре видели. Не болела. Бойкая такая. Бегала с сумками и корзинами!

– Хи-хи-хи..! Точно неизвестно... Говорят, мышью дохлой отравилась.

– Как это мышью дохлой? Что за бред!

– Не бред. Врач накануне по вызову приходил к ним на дом. Она и проговорилась в полусне...

– Надо пойти к Аминовым. Выразить соболезнование. Да и разузнать подробнее, что за мышь такую съела усопшая? Пусть душа её попадёт в рай!

Народ спешил со всех сторон. И не потому, что скончалась известная гадалка. Если честно сказать, и не так чтоб она и правдивая была в этом деле... И не так чтоб потом всё в реальности по сказанному получалось... Ну, да кто теперь на неё в обиде будет? Сами ведь приходили с просьбами погадать, по собственной воле оставляя ей деньги на столе. А где заплачено, там и расчёт произведён!

И, если уж до конца быть откровенными, словом своим за чашечкой кофе Сание-апте могла успокоить тревогу и печаль девушек... Этого уж у неё не отнять было. Пусть земля ей будет пухом!

Ворота дома усопшей были открыты. Вся родня стояла в глубоком трауре. Дочка, зять, две снохи слёз не скрывали. Это ж надо – так скоропостижно скончалась! Зять только постройку дома затеял, на тётчины «дополнительные заработки» надеялся. И снохи мужей своих подгоняли по машине купить. Как чувствовали, что надо бы поторопиться с покупкой, и тоже на мамины приработки рассчитывали. А тут такая нелепость. Все планы сорвались! Стыдно перед людьми. Дура старая, от жадности своей умерла, а не от мыши дохлой!

Но внешне соблюдались все приличия, как и полагается на похоронах. Только людей всё же распирало любопытство, что же стало причиной смерти покойницы? Однако Аминовы стойко держали круговую оборону. Проболтаться нельзя. Людская молва потом на долгие годы на смех поднимет весь их род. «Ха-ха-ха! Не ваша ли тётушка дохлой мышью подавилась и умерла?» Какой уж там дом достроить! От людских насмешек прятаться и правнукам придётся.

Пригласили на отпевание муллу. Тот долго и достойно читал дуу над усопшей. Люди молча скорбели. Завершив обряд, мулла тихо обратился к старшему сыну, стоявшему рядом:

– Что стало причиной смерти уважаемой?

Долгожданный ответ, наконец, прозвучал:

– Болезнь желудка.

Однако это официальное резюме родственников не устроило

внимательных женщин. В их сплочённом стане прошёл лёгкий шумок. Волнение нарастало. Женщины, пряча шепотливые рты уголками платков, на разные лады пропагандировали самую популярную версию: «Брешут! Она кофе себе заварила. А в кофеварке мышь дохлая застряла. Сание от жадности-то мышь выловила и выкинула, а кофе пожалела вылить. Не пропадать ведь добру! Вот и выпила мышиную похлёбку. Интересно, людей она во время своих гаданий тоже такой же баландой поила? О, Аллах! А мы каждую неделю к ней бегали правду о завтрашнем дне узнать».

– О, шайтан! Мы, дуры, приходили к ней её кофе пить, да ещё и деньги за дохлых мышей платили!

– Хи-хи-хи! Кто приходил, а кто и не особо верил в её чудеса. Так вам и надо! Идите теперь, после мышиных её настоек рты свои полощите!

С похорон люди возвращались озадаченные. Кому – да уж, грехи наши тяжкие, и все мы грешны – смех, а кому – неприятный осадок на сердце. Получается, сегодня могли быть похороны любого из тех, кто ещё недавно был у неё на приёме... Да и вообще – кофе любят все, а мышей в городке и сейчас видимо-невидимо.

НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

Рассказ

Только не я, только не я, только не я...

Это было то самое чувство, когда ты с трепетом молишься про себя, чтобы тебя не выбрали, но и, с другой стороны, допускаешь мысль и даже желаешь, чтобы это произошло и ты смог бы показать себя.

Некоторые сейчас подумают, что речь идет о школе, когда учитель смотрит в классный журнал и грозно выбирает – кого бы вызвать к доске. Но

история не про то.

Очень часто наша жизнь бывает похожей на день сурка, когда день ото дня ты делаешь одни и те же вещи и меняются лишь незначительные детали. А иногда случается так, что одно только событие меняет всю твою жизнь.

И этот вечер начинался, казалось бы, весьма спокойно и ничто не предвещало никаких судьбоносных перемен.

Наше начальство – к всеобщему удовольствию – организовало нам новогодний корпоратив. Основной целью прибывших в итоге на мероприятие (а их было сто процентов из ста), было себя показать и на других посмотреть в нарядах, которые сильно отличались от обычной рабочей формы. Небольшой процент наших коллег преследовал и другие цели: вкусно поесть или напиться без памяти. В итоге, самые модные и стильные, как это водится, опоздали на полчаса, а некоторые самые «моднявые» и на все полтора. Несколько девушек пришли в новогодних масках, чтобы хоть как-то отличаться от основной массы. После того как все кое-как расселись и на сцену вышел ведущий, вечер начался по-настоящему.

В сценарий было включено такое развлечение, как караоке, что в принципе не могло быть неожиданностью, так как мы собрались в ресторане-караоке. Однако для всех стало сюрпризом то, что последовало в дальнейшем. Ведущий не спрашивал: «Кто хочет подняться на сцену и порадовать нас песней?» – он просто включал прожектор, который светил на всех по очереди, а потом останавливался на том, кто должен был спеть.

Сначала все подумали, что это не всерьез, и посмеивались. Но потом, наконец, все осознали происходящее. Практически никому в горло не лезла ни еда, ни вода, которую преподносили нам внимательные официанты. После каждой такой пытки, все дружно выдыхали, радуясь, что

их пронесло, и начинали нервно возиться вилкой в салате и делать вид, что они не нервничают. Большинство людей предпочитают оставаться в толпе.

Первая «жертва» сценария поднялась на сцену и весьма тихо пролепетала детскую песенку. При этом никто не упустил возможность посмеяться в процессе и потом (я уверена в этом) припоминать об этом случае в ближайшие пару лет (в лучшем случае). Вторая – Елена Павловна, которой было уже никто и не помнил сколько лет, – не добралась до сцены. Бедной женщине стало плохо, и ее вывели подышать воздухом. Право вывести ее на улицу досталось «счастливчикам» за ее столом, которые, проходя мимо остальных, злорадно улыбались, мол «счастливо оставаться». Это маленькое происшествие не остановило наше «веселье» и прожектор включили вновь.

Я же вела себя до сих пор очень спокойно и отважно, как я думала. Будь это лотерея, мне бы, конечно же, не повезло. Когда же речь идет о малейшем способе опозориться – я всегда в списке «счастливых победителей». Так и произошло.

Итак, вернемся к началу моего повествования. Я сидела, молясь: «Только не я, только не я», – прищурил глаза и при этом умудряясь улыбаться. После того как тревожная музыка закончилась и я посмотрела вокруг, обнаружилось, что я сижу в ореоле света, а все остальные смотрят на меня – кто сочувствующе, а большинство как бы говорили глазами «так тебе и надо» и «хоть бы она сейчас села в лужу». Только моя коллега и добрая подруга сжала мою руку и попыталась подбодрить.

Ведущий вечера заставил всех в очередной раз поаплодировать. Я же, не помню уже как, поднялась на ноги и пошла к сцене. Все мое напускное спокойствие вмиг исчезло. Это были самые страшные в моей жизни сто метров. Мое сердце билось так громко, что у меня закладывало в ушах, и я не слышала никого и ничего вокруг. Свет софитов ослеплял, аплодисменты не смолкали. Помню, я успела тогда подумать о бедных людях, которых в давние времена вели через толпу на эшафот. От этого сравнения я немного улыбнулась себе, и к тому моменту как подошла к ступенькам, ведущим на сцену, у меня, как говорится, отлегло от сердца. Глубоко выдохнув, я поднялась туда уже уверенно, хотя и немного еще с ватными ногами.

«Если тонуть, то красиво», – решила я отважно. Если предыдущие бедняги пели лишь русские песни, то я сразу замахнулась на зарубежные хиты 80-х, от которых все приходят в восторг на свадьбах. Ди-джей вечера сначала немного изумился выбору песни, а потом немного повеселел: «Наконец-то кто-то им всем покажет». – «В крайнем случае, можно выехать на заводной музыке», – подумала я. В моей голове созрел план действий, как и чем можно было с минимальными потерями вывернуться из этой истории. Ди-джей с предвкушением включил выбранную

нами песню. Когда же зазвучали самые первые аккорды, все в зале с недоумением уставились на меня, как бы говоря: «Разве ты осилишь?» и «Вот ведь наглости не занимать!» Удивительно, но считать людей по их первой реакции в глазах мне всегда удавалось очень легко.

Прочистив немного горло и сглотнув в последний раз, я запела... на свое удивление – весьма громко.

Даже дома я начинала петь, лишь убедившись, что никого вокруг нет, отчего и не понимала, насколько сносным можно было считать мой голос.

При первых словах песни, снова проследив за реакцией аудитории, я поняла, что все не так уж и плохо. «Вот молодец!», «Ничего себе голос», «Даже здесь выкрутилась», – вот, что читалось в их глазах. Дальше – больше. Не добралась я еще до припева, как мои коллеги (а именно те несколько девушек в новогодних масках, которых я после этого даже полюбила), уже уставшие от напряженной обстановки на вечере, где им положено было расслабиться и повеселиться, вышли на сцену группками передо мной и начали танцевать. Это было лучшим признанием моих «заслуг». Песню я завершила под громкие овации.

Микрофон тут же передали нашему главному начальнику: «Вот такие таланты, оказывается, скрываются в нашей организации, друзья! Давайте еще раз поблагодарим Оксану Михайловну за то, что спасла в первую очередь наши уши (дружный смех) и многих, многих из нас, давайте признаемся, от инфаркта из страха оказаться в свете прожекторов (снова дружный смех). Оксана Михайловна, порауйте нас еще парочкой песен на ваш выбор. Горячо просим!». Все, конечно же, бурно поддержали это предложение. Раздосадован был только наш ведущий, которого лишили права нас «мучить»:

– Аслан Мухамедович, по Вашему поручению – концерт продолжается!

После этого началось самое что ни на есть сумасшествие. Все настолько расслабились и развеселились, что дружно бросились танцевать. Вино, как говорится, лилось рекой. На второй песне к нам начали стекаться гости из других залов, у которых, очевидно, тоже был сценарий с прожекторами. Меня же отпустили и волнение, и страх, теперь я, напротив, получала удовольствие, испытывая некую эйфорию, как если бы прыгнула с парашютом с самолета. Еще больше подстегивали петь счастливые лица людей, знакомых и нет, которые танцевали и прыгали на сцене. Не обошлось и без заявок в виде тяжелого рока, где была сольная мужская часть, которую, на мое удивление, с радостью взял на себя наш ди-джей.

Сторонний наблюдатель решил бы, что я – приглашенная певица, которая поет живую музыку на новогоднем корпоративе (от этой мысли моя самоирония мне подмигнула). Такие ощущения и эмоции бывают

раз в жизни. Этот вечер превратился для меня в ожившую сказку.

Спев пять песен, я завершила всех, что договорилась с ведущим и никого трогать больше не будут, и вечер продолжился мирно.

Едва успев спуститься со сцены, я оказалась в кабинете директора ресторана, который предложил мне работу и очень неплохую зарплату. Он был в восторге от того, что его сын (коим оказался наш ди-джей) запел, и, во-вторых, от нашего с ним умения «зажечь» толпу.

Вот так, с того корпоратива, у меня появился дополнительный заработок, который на сегодняшний день стал уже основным.

Сначала я пела в том же ресторане, по вечерам, на самых разных мероприятиях. Достаток, который раньше нельзя было назвать более или менее существенным, теперь стал в пять раз больше. В ресторане за три дня я зарабатывала сумму, равную моей прежней месячной зарплате. Работа стала приносить только радость.

Спустя год образовалась группа из моих друзей, которые виртуозно играли на всех инструментах. Нас приглашают теперь на большую сцену с огромной аудиторией.

В общем, жизнь сама расставила все на свои места. Теперь я осуществляю еще одну свою давнюю мечту – путешествую по всему миру и считаю, «что все, что ни делается...».

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ Д. ШОМАХОВОЙ

Поэтические произведения молодой поэтессы Дарьи Шомаховой обращают на себя внимание лаконичностью, но очерчивают самые важные поэтические сферы, о которых должна идти речь в соответствующих циклах: Они (часть первая), Я (часть вторая), Ты (часть третья), Город (часть), Hidden (скрытое).

С первых строк открывается новый неповторимый поэтический мир – как в форме непривычных, «неудобных» для местного читателя верлибров, так и особенностей художественного стиля, который базируется преимущественно на образах обыденной повседневности, наступающей урбанизации.

Обращение к верлибру в настоящее время обусловлено долгой эволюцией процесса стихосложения. «Усталость» рифмы имеет множество причин, среди которых в первую очередь – несоответствие «прекрасных» рифмованных стихов затянувшемуся тотальному кризису, включающему все сферы жизни, ощущение предапокалипсиса, формирующееся в подобные периоды у многих представителей творческой интеллигенции.

Гармоничная форма, которая должна вмещать в себя отнюдь не гармоничное содержания – парадокс, содержащий в себе прямое несоответствие, – одна из важных причин, обусловивших отказ от классической рифмы. Она отчасти уступила место свободе поэтической формы, которая предполагает больший акцент на ассоциативности воображения.

Кризис рифмы уже был отмечен в стихах В. Маяковского, а в 1936 году молодой поэт Л. Коган, погибший на фронте в 1942-м, обосновал уже сформированную эстетическую тенденцию: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал» [Стихи, 2011: электронный ресурс].

Впрочем, фольклорный, устный «предверлибр» в России появился еще до традиции «несвободного» стиха. Он сформировался путем постепенного отказа авторов от тех или иных внешних признаков по мере того, как необходимость в них отпадала как для самих поэтов, так и для читателей, которые становились все более искушенными. «Похожие» на верлибр отдельные произведения появлялись еще в 19 и даже в 18 веке, например, в поэзии А. Сумарокова. Множество стихотворений без метра, рифмы и иных традиционных признаков встречаются у поэтов 19 века, которые переводили французских или немецких авторов и вольно подражали им в манере, свойственной той эпохе. Среди этих авторов можно выделить И. Тургенева, А. Фета, М. Михайлова. Наконец, Нико-

лай Языков в 1840 году в своем шуточном стихотворении под названием «Когда б парнасский повелитель...» осуществил эксперимент, ставший очень популярным как у сторонников свободного стиха, так и (в особенности) у его противников в 20 веке. Он записал в «столбик» ту часть своего поэтического послания, которая была лишена признаков, присущих стиху, то есть представляла собой верлибр [Антология русского верлибра: электронный ресурс].

В XX веке, особенно его второй половине, верлибр получил широкое распространение в англоязычной литературе, что дает некоторые основания полагать, что рифма в какой-то степени затрудняла восприятие деструктивных, теневых, стихийных и прочих кризисных феноменов жизни, определенно превышающих ее «позитив».

Поэтические откровения поэтессы – отражение сложного, противоречивого многогранного сознания современной женщины, личности, которая еще не состоялась, – не в привычном социальном понимании: ее развитие столь динамично и наглядно, что «остывания», «застывания» эволюции не предполагается в принципе. Творчество Ш.Шомаховой – головокружительный процесс напряженного поиска, сомнений, внутренней жизни столь плотной и насыщенной, что она оказывается «неподъемной» для поэтической артикуляции, поэтому остается и ощущается в подтексте (что для нас – признак хорошей литературы); она лишь мерцает, так как огромный пласт внутренних интенций вынесен в невидимую часть поэтического «айсберга». Эта особенность молодого автора, возможно, – одна из самых захватывающих характеристик ее поэтической индивидуальности.

Одним из интересных поэтических методов становится эклектика: ироническое соединение несоединимых элементов. Например, тон «красно-розовых лепестков» автор соединяет с неассоциируемым «хэппи-эндом», но с «мусорным пакетом переполненного контейнера во дворе многоэтажки» [Шомахова, 2021:7].

Стихи Шомаховой – ломка традиционной формы и поэтической идеологии, которая оказывается очень далекой от оптимистической тональности, парадоксальна, драматична, порой бессмысленна. При этом поставить вердикт «постмодернизма» никак нельзя, так как при любых сюжетных перипетиях всегда ощущается открытое окно надежды. В поэзии Д. Шомаховой мы сталкиваемся не с феноменом некоей фатальной надежды, а неизбежным результатом невероятных личных усилий главной героини. Так, в стихотворении «звук за звуком» [Шомахова, 2021:8] автор раскрывает сложный процесс поэтического творчества как подъем на отвесную скалу, когда «буква за буквой» карабкаются наверх «без страховок и инструктора», безуспешно хватаясь за разные слова, которые каждый раз отражают «не то» содержание, с тем, чтобы в конечном итоге сорваться с вершины... Но поэт не разбивается при падении,

а «отряхивается», хотя «парочку найденных случайных комбинаций» навсегда ставит на пыльную полку... При этом читатель понимает, что процесс покорения «вершины» при всей драматичности восхождения не завершен, а только начат...

Происходит сокращение дистанции с некой трансцендентной точкой, ранее недостижимой, возвышенной; десакрализация «верховных поэтических авторитетов» в прямом и переносном смысле. Это касается, в частности, стихотворения «если говорить о боге, то только с его коллегами», (заметим, что автором заглавные буквы игнорируются как в экспозиции стихотворения, так и в слове бог, что также указывает на радикальную смену аксиологических установок).

Панибратский насмешливый тон ничуть не мешает мирной беседе с демиургами: «щуриться, спрашивать у прекрасной Сехмет, как там поживает Амон... Свесившись с Иггдрасиля... кланяться у Одина хотя бы глоточек меда, обсуждать способы заставить Тора читать...» и т.п. [Шомахова, 2021:9].

Героиня на «ты» не только с богами, но и с соседней вселенной, путь к которой для нее открывается через окно собственной квартиры: «пора влезть на подоконник, свесив ноги в соседнюю вселенную, запыленным ботинком задеть светящийся шарик, случайно устроить вспышку сверхновой, такой, чтобы видно днем и ночью...» [Шомахова, 2021:13]. Обыденность, повседневность визуального образа современной молодой девушки, женщины (грубые ботинки, джинсы, майка, рюкзак) сочетаются с ее стремительно выросшей духовной природой, – она намного переросла недавние былые пределы и теперь ощущает невыносимую тесноту в рамках собственной вселенной, в недрах которой постоянно зреют острые неотложные вопросы, касающиеся запредельного... Страстная потребность исследовать мир и себя приводит порой к тупику или разочарованию, которые порой выступают в форме вещицы из современного общества потребления. Таков результат усилий героини стихотворения «Made in China», когда она, «меняя реальность, / перестаралась – / слишком сильно / дернула за край, / и та поползла по шву». Засмотревшись на цветную подкладку, она хочет узнать, как же устроена изнанка мира, но в результате находит лишь «безвкусную, красно-синюю этикетку «Made in China» [Шомахова, 2021:24].

В стихотворении «Indeath» устанавливаются столь же простые, доверительные отношения со смертью, которая знакомит героиню со своим обычным распорядком дня: «в трех кварталах отсюда / чудесная кофейня. / Иногда мне приносят оттуда / эспрессо. Или американо. / А я хочу флэт-уайт. / Или раф с дурацким сиропом» [Шомахова, 2021:35]. Героиня готова внимательно слушать могущественную собеседницу, «кивать, когда надо / возмущенно цокать языком...» Но смерть внезапно перебивает милый диалог: «А тебе / домой надо. / У тебя там ошибку

пора исправлять» [Шомахова, 2021:35]. Читатель понимает эту символику: жизнь оценивается автором через призму смерти, когда становятся видны, в том числе, большие ошибки частной жизни.

Героине Дарьи Шомаховой действительность предстаёт в беспощадном неприкрашенном свете. Так, унылая очередь на прием к врачу постсоветской поликлиники тоже воспринимается через сюрреалистическую призму неизбежной смерти; ожидающие пациенты видятся «пыльными скелетами», которые «расселись вдоль стен», это – спокойная вереница ожидающих пропуска «на тот свет», поэтому «никто не толкается, не лезет вперед» [Шомахова, 2021:14].

Столь же беспощадный, насмешливый взгляд – на себя: «Голова в облаке, / мысли пропахли табаком. / Поведу соломенным плечом, / и они, каркая, разлетятся / к такой-то матери» [Шомахова, 2021:36]. Подобными интонациями окрашено отношение к собственной персоне и своему месту обитания в другом произведении:

«Я – маленькая обезьянка / из маленького городка в горах. / Недостаточно колоритна, / не слишком оригинальна, / погрязла в канцеляризмах, / коих слишком много в наших южных лесах... / [Шомахова, 2021:22]. Автор способен на ироническое видение и самооценку не только изнутри, но и со стороны.

Следует отдельно отметить саркастическое отношение к штампам, устаревшим приемам, неизменным «вечным» темам, формам, к которым оказывается столь чувствительна молодая поэтесса; это особенность достаточно ярко манифестирует себя в юмористически-пародийном стихотворении «Над седьми вершинами»:

«Над седьми вершинами / Ооооооооо / Извечных гор / Ооооооооо / Парят, расправив крылья, / Ооооооооо / Гордые орлы. / Орайда! / Парят и не знают, / Ооооооооо / Что давно / Ооооооооо / Стали грубейшим штампом».

Точно так же «величественные горы» не знают, «что писать о них стихи – моветон» [Шомахова, 2021:19].

Героини Шомаховой тонко чувствуют любые проявления нарастающей дегуманизации, мертвенность и холодное равнодушие системы, движущейся к упадку. Таковы интонации стихотворения «Не возражаю», где целую бурю эмоций униженного человека, заносащего заявление об уходе, начальник встречает с ленивым холодным безразличием и короткой подписью «не возражаю» [Шомахова, 2021:27].

Поэт чувствует неослабевающую, неизбывную связь с природой, стихиями, со всем сущим, но это далеко не всегда взаимно. Такая ущербная, безответная связь становится очевидной в стихотворении «Говорить с ветром», в котором, предельная искренность героини, готовой к любой форме диалога с ветром сталкивается с пустотой: «Я пришла говорить с ветром, / А он – нет» [Шомахова, 2021:23]. Жизнь стихий, природы

органично, физически связана с ее собственной: «По моим жилам давно / не в ту сторону / слишком медленно / растекаются ленивые / сине-фиолетовые / осенние сумерки» [Шомахова, 2021:37]. Все стихи и времена суток: сумерки, ветер, ночь, солнце призываются ею, чтобы они позволили забыть те времена, когда все было иначе...

Ярким, глубоким чувством, особыми личными неповторимыми ощущениями окрашено стихотворение «Иногда мне кажется...», посвященное отцу, причем автор способен донести эту эмотивную гамму считанными скупыми словами.

Цикл стихов в главе Ты следовало бы отнести к любовной лирике, но они перерастают этот жанр, так как вмещают в себя гораздо больше оттенков чувств и мыслей поэтессы. В стихотворении «Ты стоишь под старой липой...» портрет возлюбленного скрыт темнотой парка, силуэт угадывается рисунком зажженной сигареты, которая рисует во мраке ломаные линии, но даже после расставания его остается «так много в этом городе» [Шомахова, 2021:68]. В стихотворении «Солнце» звучит необыкновенная полнота чувств, острое желание продлить миг счастья навсегда: «Зачаруй солнце. / Заморочь ему голову. / Окуни в синюю краску... / Лишь бы завтрашнее утро никогда не наступило» [Шомахова, 2021:69].

Противоположные интонации отражены в стихотворении «Ничего», когда героиня ощущает не только бессмысленность потерянной любви, но и самой жизни [Шомахова, 2021:26]. Пустота, утрата смысла или предчувствие бессмысленности жизни – в одноименном стихотворении, когда нарратор превращается в большую черную птицу, взлетающую над километрами... пустоты [Шомахова, 2021:70]. Тематически близким оказывается стихотворение «Одолжено у небытия»: «Подкожная инъекция / твоих чернильных мыслей / вдруг оказалась / абсолютно не интересна / той форме небытия, / что явилась сегодня / за мной» [Шомахова, 2021:75].

Цикл стихотворений главы «Город» говорит сам за себя; он включает зарисовки городов, рек, относящихся к тем или иным странам и городам. Стихотворения «Тбилиси», в котором нет признания в любви к городу, но оно следует из текста, стихотворение, посвященное реке Мтквари, грузинскому названию Куры, однажды отравившей кровь («Однажды вечно хмурая...»), ностальгия по утраченной любви в своем городе («Еще долго», «Огни крошечного города»), шутивное описание жизни города на горе («Жить в городе»), поездка в троллейбусе без ясного ощущения следования цели на этом или том свете, которая протекает лишь с одним твердым знанием: «куда бы... ни приехала, пора платить за проезд» («Выныривая из виртуальной пустоты») [Шомахова, 2021:87].

Кульминацией цикла становится стихотворение «Уехать в теплый город» как всплеск тоски и надежды на уголок тепла, душевного уюта,

на благодать, которые позволят «наконец-то примириться с собой», – типичный мотив эскапизма как настоятельной потребности в поисках другой, лучшей жизни.

Свежие, парадоксальные художественные образы формируются из привычной, повседневной жизни, они легко сочетаются, например, со сказочными аллюзиями: «Когда радуга нырнет / за неровный горизонт, / очертив идеальным прямоугольником / драконий глаз заката. / Когда луна повиснет в правом верхнем углу неба, / разбросав двойников / во все стороны... / Ты придешь. / Чтобы снова остаться насовсем, / Чтобы снова уйти насовсем. / Чтобы никогда больше не приходиться» [Шомахова, 2021:72].

По мере чтения стихов Дарьи Шомаховой на первый план выступает интерес к личности самого автора с самой противоречивой характеристикой (сложного, неуспокоенного, ищущего, ранимого, мужественного и множество подобных эпитетов), который умеет принимать самые тяжелые, драматичные, непрезентабельные формы жизни лицом к лицу. Отсюда рождается уверенность в счастливом будущем не только творчества, но и жизни талантливой молодой поэтессы, – примерно так же, когда не сомневаешься в моральной победе стойка.

Источники:

1. Антология русского верлибра. Fb.ru 223092-chto-verlibra.
2. stih1.ru 2011/05/10 / 2675.
3. *Шомахова Д. Т.* Цикл стихов «Маркопоне по-флотски». Нальчик, 2021.

Поэт, прозаик, журналист, главный редактор журнала «Солнышко». Участница Советаний молодых писателей Северного Кавказа (2010, 2012, 2014, 2015), координатор 8-го Советания молодых писателей Северного Кавказа, участница Форума молодых писателей в Липках (2011, 2018, 2019, 2021), Школ писательского мастерства (2018, 2019, 2020) и литературной смены форума «Таврида» (2017).

Соавтор проекта и главный редактор электронного литературного журнала «Буква» (notamag.ru), который стал лауреатом Всероссийской интернет-премии «Прометей-2016» в номинации «Искусство и культура». Внештатный корреспондент портала «Это Кавказ» (ТАСС). Член Союза журналистов России, член Союза писателей КБР.

Маленькая обезьянка

Когда все закончилось,
я продолжала бежать.

Старалась оставить тебя
подальше – там, где не увижу.
Впрочем, я тебя и так не видела
с середины осени.

Длинные дистанции
мне никогда не давались.
Мой максимум – метров 400.
А лучше 100. Или два по 100.

Но в этом забеге,
рассчитанном на кого-то другого,
я так и не пришла последней.

Зато, растеряв себя,
соорудила из вещей,
скинутых бегущими впереди,
Франкенштейна,
от которого только и требуется,

что переставлять ноги.
Финишная черта давно позади.

Когда все закончилось,
я не поверила.

Гораздо проще
ничего не говорить
и никого не слушать.
В этой веренице
застывших тел,
разноцветных волос,
бракованных шарниров
так легко найти
иллюзию ответа.
Тихо.
Я уже почти освоилась
в мире пластиковых лиц
с нарисованным блеском
усталых глаз.

(вверх)
Раскачиваясь на эмоциональных качелях,
(вниз)
Все больше погружаюсь в осень.

(вверх)
Цепляю носком старого ботинка
Тяжелое от грязно-синих туч небо.
(вниз)
Теряюсь в сторонах света,
Угодив в разноцветный ураган листьев.

(вверх)
Вопреки законам физики
Проливаются из картонного стаканчика
Густые сумерки в середине дня.
(вниз)
Тянет полами промокшего пальто
Душный ледяной туман и, как всегда,
Вдохновенно врет, обещая зиму.

(вверх)
Прозрачный воздух.
Ментоловая свежесть на коже.
Лучик холодного света
(вниз)
Утонул в клокочущем потоке радости.
Капли дождя смешались с солью.
(вверх)

Боль в ушибленном запястье –
такая понятная и смешная –
возвращает в здесь и сейчас.
Отличный вариант не свихнуться,
когда в голове включили
сотню радиостанций.

Где-то там, на одной из частот,
я продолжаю идти
по селевому руслу,
теряю силы, равновесие, разум,
время, страх, желание двигаться.
Привычно фальшивя,
подпеваю Моррисону и боюсь,
что все, и правда, закончится
здесь и сейчас.
А потом звуки уходят.
И свет, кажется, гаснет.

Какая часть меня –
четверть или вовсе одна семнадцатая –
явилась домой два дня назад?
Впрочем, что изменит
Точная цифра?

Прости, милая,
что не была у тебя
больше года.
Больше чертова года,
вместившего жизнью,
ногтей в бортах Нагльфара,
столько, что хватит...

Хватит...

За окном весна, и рассвет,
и закат,
и вот еще сакура,
которая алыча,
пахнет так, что не открыть окна –
кашляю.

Но тебе душные цветы нипочем.
Ты ткнешься носом
в стекло террариума,
когда я
в следующую субботу
снова приду к тебе.
Асимметричным
раздвоенным языком
просканируешь воздух
и, кажется, узнаешь.
Ты как-то всегда знаешь,
что это я явилась,
чтобы несколько минут
через залапанное стекло
смотреть на тебя.
Вздохнуть,
сказать:
Да, сынок, сетчатый питон,
большая змея,
и ей тесно в этой стекляшке.

Прости, милая,
что не ходила к тебе
больше чертова года,
вместившего горечи –
меда забродившего
(поэзии, прозы и драмы) –
столько, что хватит...
Хватит.

Закат снова спрятался
за деревьями и клочьями облаков.
Ливня не случилось,

хотя нелюбимая гроза
в середине мая
делала все, что могла, —
сверкала, капала водой.
Но бежала на равнину,
так и не сговорившись с ветром.

Конструктор сына,
мои диснеевские принцессы,
бессмысленно дорогие босоножки
на сбитых в кровь (еще вчера) ногах,
вопли сумасшедшей соседки.
Этот вечер логичен,
как маскарпоне по-флотски
в меню придорожной кафешки
в десятке метров
от федерального поста «Урух».

Сегодня впервые
видела Пояс Ориона
не в горах.
Равнинные звезды
ближе и тусклее.
Они висят в немытом небе
мутные и растерянные,
как будто опоздали
на самолет домой,
а денег на новые билеты
нет.
Отскочившие вверх и в стороны
Бетельгейзе и Беллатрикс
презрительно щурятся.
Ригель первым ныряет
за неестественно вытянутый
глухой горизонт.
Равнинные звезды —
затертые копии
самих себя.

О сложностях мифического суицида

Сквозь бури, и град,
И простуды нелепицу,
Сквозь лающий ветер
И горечь побед
Бредет трехголовый
С веревкой в зубах.

И вроде привратник,
Аид охраняющий,
Полшага – на месте.
Но как тут удавишься...
Веревки не хватает,
Харон не везет –
Говорит, протокол,
На роликах, с псиной, едой
Не пускать.

(технически)
Церберу сложно повеситься,
(практически)
Цербер давно уже мертв.

Я маленькая обезьянка
Из маленького городка в горах.
Недостаточно колоритна,
Не слишком оригинальна,
Погрызла в канцеляритах,
Коих слишком много в наших южных лесах.
Мне нельзя писать об орлах и седых вершинах,
Но можно и нужно об одноруких седых стариках,
Грибах, квасящих кефир в баллонах,
Но только не притчу, притчу снова нельзя.
Я маленькая – в сравнении с седым Эльбрусом –
обезьянка,
К тому же не первая
В ряду таких же в меру забавных обезьян.

Алан РАМОНОВ

Живет и работает в Нальчике и Владикавказе. Пишет стихи на русском языке. Участник Совещений молодых писателей Северного Кавказа (2011, 2012, 2014, 2015). Публикации в журнале «Дарьял», сборниках «Новые писатели» и «Вкус айвы».

Слова
миллионным роem
пронесли в голове

побились языком о небо

передали нервный тик
шее
ногам

и замолкли
исчезли
ничего не запомнил

только дрожь по телу
только шум станков
полный народа цех
полный солнца день

кем же мне стать
если человеком не получается

деревом
а меня срубят
пустят на книги
но там
буду смешивать слова
и подтасовывать факты
нехорошо
девяэтажкой

заселятся жильцы
и заживут счастливой жизнью
а я
буду подглядывать в замочные
скважины
и нашептывать
кто кому изменил

но всегда
предупреждать мигрантов о про-
верках
надо же
делать что-то хорошее

Буду горой

единственное
что я люблю делать

смотреть на людей

и удивляться
тихо
без лишних эмоций

поэтому
мне хочется верить
в следующей жизни
буду горой

по ней
пойдут люди
а я
займусь любимым делом

О любви к людям

Эти люди себе позволяют
и ночи и дни
У них
такая легкость
в каждом жесте
слове

Кто вы
и как это вам удалось
Хотя
помнится мне и я
был когда-то не хуже

Настало время
посмотреть на мир со стороны
и разглядеть себя
не этот хаос

снова убедиться
что следующую жизнь
я проживу
не человеком

Закон Ома

Знаешь
это не моя реальность
живу не в своих ощущениях
не с теми людьми общаюсь

их жизнь идёт
подчиняется законам чужим
забита хламом

а я наивен
знаю лишь закон Ома
всё остальное
руки делают сами

когда закончится
вся эта катавасия
с мировым заговором
эпидемией
кризисом
и прочей гадостью

отпущу бороду
на хлеба вольные
и пойду босиком
куда глядят глаза

где-нибудь
куда довел язык
меня найдет старший брат
сломает челюсть
и взвалив на спину
поташит к маме и папе

ведь он знает
как мне лучше
сдохнуть

О счастье

у меня все в порядке
местами жив
стремлюсь
ногами ко дну
пустым желудком к солнцу

дети как обычно кричат за окном
молодцы
нечего спать
просыпаюсь

середина
то ли дня
то ли жизни

не знают
с чем едят верлибры

поход за чаем
межгалактическое путешествие
перекинуться словом с продавцом
а со знакомым двумя

помимо:
обычной жизни
работы электромонтера
бесконечно серых будней
заводских
мата токарей
реальности
что гудит колесами за окном

и что самое интересное
вокруг
посмотрите вокруг
сколько счастливых людей

затеряюсь среди них
оживу среди них
но таким не стану
у меня своё
счастье

я – шаман:
выкрикиваю в пустоту
набор гортанных фраз
раскачиваюсь на месте
закатываю глаза
или тарашусь в одну точку

мы живем
в очень прогрессивное время

и каждый раз
когда обряд доведен до:
экстаза – катарсиса
реальность жизни
врывается
говорит: зачем оно тебе

люди
постигли вселенские тайны
и опустили ниже
тайн

но я не отчаиваюсь
пусть мешает – продолжу
ведь у меня есть то
чего никому не отнять –
мои слова

заглянули
в самые глубокие глубины
а снимки с Хаббла чего стоят

уже почти нигде
не спрятаться от паутины
один приятель
передаривая мне ноутбук
заклеил окошко камеры

мне было достаточно слова
и жизнь словно пух легка
но вместо этого приходили люди
просили помощи

да
люди постигли вселенские тайны
но до сих пор

один
не мог докатить камень в гору
прошла тысяча лет

мытарств вместе с ним
камень и двоим не поддался
стало понятно
это не моя ноша

другой
держал небосвод
и очень захотелось
посмотреть ему на небо с Земли

первую тысячу лет
изучал облака
другие тысячи утонули
в ожидании
когда передавал небосвод
стало понятно
что и это не моя ноша

третий гнал колесницу
выкатывая Солнце миллиарды лет
и захотел на минуту спуститься
увидеть
как люди встречают закаты
и рассветы

зная чем закончится дело
взял кнут и погнал коней

миллиарды лет пролетели
незаметно
каждый раз было волнующе ново
давать людям новый день
и забирать старый

когда же я отдавал кнут
стало понятно
надо давать людям новые-теплые
слова

и забирать старые-злые

придумываю для себя
занятия разной сложности:
сегодня
меня съедает дикий кабан
чтобы мне завтра родиться
просто стать новой звездой
или камнем на дне речном

а ночью
великан из сказки про Джека
закусывает мной
и я переродившись
взбираюсь по хребтам книг
становясь буквами
на последней странице
из них
складывается имя

и долго долго
пока бумага не превратится
в пепел
живу этим
родным именем

знаете что
в желудке вепря-кабана
в тысяче градусах звезды
неизвестного человечеству
созвездия
маленьким камнем
у великана на ладони
буквами разных алфавитов
именем любимой
благодарен

С СОЛНЦЕМ В КРОВИ
К 100-летию со дня рождения
Михаила Лохвицкого (Аджук-Гирея)

Он ушел от нас летом 1989 года. За несколько дней до смерти Михаил Юрьевич Лохвицкий гостил в Нальчике вместе с женой Натальей Павловной Андроникашвили, детьми, родственниками. В Кабардинском государственном драматическом театре имени Али Шогенцукова с аншлагом прошла премьера спектакля, поставленного по его пьесе «Громовый гул» режиссером Русланом Фировым. Три дня мы были рядом, радуясь успеху спектакля. Адыгского зрителя герои пьесы привлекли своей твердостью, незаурядностью, цельностью натуры.

Эти же человеческие качества в Михаиле Юрьевиче ценили коллеги, друзья, родственники...

Родился М. Ю. Лохвицкий 21 февраля 1922 года. Как он выразился однажды, «в самом поэтическом месте на свете – в Детском Селе (ныне город Пушкин), в доме, стоявшем напротив Лицея».

Как туда попали его родители? В год окончания русско-кавказской войны (1864) мальчишку-шапсуга из аула Лакшукай, дедушку будущего писателя, взял к себе поручик Иван Пригара, который через несколько месяцев решил его усыновить. Юнца отвезли в Туапсе, где крестным отцом его стал штабс-капитан Петр Давыдович Лохвицкий. Так Закир Аджук Гирей стал Захарием Петровичем Лохвицким. Он окончил Петербургский институт путей сообщения. Ректор вуза М. Н. Гарсеванов отправил З. Лохвицкого после учебы в Грузию, поближе к родине. Захарий проектировал и строил железнодорожную ветку Боржоми-Бакуриани.

Молодой инженер-путеец женился на дочери Ивана Шадинова и Луизы Вазоли, певицы итальянской оперной труппы, работавшей в те годы в Тифлисе.

Юрий Лохвицкий, отец Михаила, был старшим из пятерых детей, служил в Красной армии, работал на Волховстрое, строительстве оросительного канала в Средней Азии, на ХрамГЭСе. Когда Мише исполнилось семь лет, родители осели в Тбилиси. Будущий писатель увлекался акварелью, запоем читал книги, в четвертом классе вместе с другом Витей Круммом написал... приключенческий роман. Через пять лет ученик 5-й железнодорожной школы Миша Лохвицкий становится чемпионом Грузии по фехтованию.

Потом началась война. Девятнадцатилетний Лохвицкий ушел на

фронт. Вехи его воинской биографии – Черноморский флот, Волга, Азовское море, Керчь, Одесса, Днестровский лиман, Дунай.

Через два года после войны вернулся в Тбилиси. Когда спустя 20 лет встретились моряки части, в составе которой воевал М. Ю. Лохвицкий, выяснилось: из 7500 человек до Дня Победы дошли только 98.

Аджук-Гирей принадлежит поколению писателей, которые вошли в литературу сразу же после окончания Великой Отечественной. Поэтому не случайно,

что с первой книги рассказов («Встречи в пути») и до изданной в 1987 году повести «Час сенокоса» тема войны красной нитью проходит через все его творчество. Большой интерес вызывает роман «Неизвестный», получивший высокую оценку критики. Он издавался и за рубежом – в Польше, Венгрии, Чехословакии, Испании.

Почетное место в творчестве адыгского прозаика, писавшего на русском языке, занимает историческая тема. Образы революционеров Ладо Кецховели и Алеши Джапаридзе воссозданы в романе «Выстрел в Метехи» и повести «С солнцем в крови».

Мотив испытания весьма характерен для творчества Михаила Лохвицкого. Многие его герои на протяжении повествования проходят через такие обстоятельства, которые делают их иными людьми – выдержавшими или не выдержавшими жизненный экзамен. Но в самой высокой степени и по тяжести ситуации, и по ее эстетическому воплощению это относится к Якову Кайсарову, Аджуку, Озермесу – героям исторической повести «Громовый гул», которые проходят через главный экзамен – испытание на человечность. В этом необыкновенно концентрированном и лаконичном произведении писатель поднимает свой голос об одной из величайших трагедий человечества – геноциде адыгов в XIX столетии, и призывает извлечь уроки из русско-кавказской войны 1763-1864 годов. Он призывает нас не оставаться глухими и слепыми к прошлому своего народа. При этом Лохвицкий высоко возносит подлинную человечность. Он воспекает также светлый ум, сближающий во все времена людей, представляющих различные национальности, пробуждающий душу для мира и согласия.

М. М. Хафицэ и М. Ю. Лохвицкий

К. М. Симонов и М. Ю. Лохвицкий

Можно считать эпитафией к повести адыгскую пословицу «Псэр щэи – напэ къэщэху» («Продай душу и купи совесть»), поскольку этой теме и посвящена книга: целый народ погиб, чтобы не продать совесть свою, не покориться врагу; тысячи людей пошли на верную смерть, чтобы не покинуть родину отцов, остаться верными ей...

Народы Северного Кавказа не занимали и такую огромную территорию, чтобы не суметь распорядиться ею. Больше того, тяжким трудом на ней они едва обеспечивали свое существование. Трудились, не жалея ни сил, ни времени. И земля их цвела, радовала плодородием и

красотой. Потому и обуяла жадность русского монарха. Он, конечно, не ведал о том, что не так просто превратить горные места в «земной рай». Но это сразу заметил простой костромской крестьянин Кожевников, которого царь прислал на Кавказ воевать. Вот как делится он с офицером Яковом Кайсаровым своим восприятием адыгов:

«Башковитый народ, они как... подбирают землицу на пологом увале, пологом, чтобы почву водой не сносило. Собирают каменюки, сносят вниз и городят, потом пускают воду из ручья... песок, гравер всякий, и увал выравнивается. Напоследок привозят из долины черную землю, рассыпают и начинают сеять».

А вот так в «Громовом гуле» разговаривают адыгский крестьянин и перешедший к шапсугам русский офицер Яков Кайсаров. Кайсаров рассказывает о трехэтажных постройках Петербурга. Крестьянин, объяснивший эту причину малоземельем, просто отвечает: «Когда мало земли – не остается ничего другого».

Где было знать крестьянину, что родиной того, кому он говорил такое, является Россия с ее просторными полями и степями. Он думает так, что если бы царь имел много земли, то он и не помышлял бы тронуть адыгские...

Дико проливать кровь целой нации из-за пяди земли. Русский офицер, убедившийся в зверствах, творимых царскими войсками, не в силах это стерпеть и уходит к адыгам.

Почему Кайсаров решился предать свой народ, свою страну, свою веру? Потому что он умел различать правых и виноватых. Правда, не сразу пришел он к своему решению, а лишь после того, как запятнал

себя чужой кровью. Кайсаров мучается, страдает от того, что вынужден совершать такой поступок. Ясно понимает, что Отечество творит недостойное, и он, сын своего народа, вынужден принимать участие в преступной войне. Придя к такому выводу, Кайсаров решает покончить жизнь самоубийством, и, видимо, исполнил бы свое намерение, но, приняв сторону шапсугов, остается жить.

В повести рассказывается в основном о несчастьях, постигших Якова Кайсарова. Но эта жестокая война сделала несчастным не его одного. Возненавидев тиранов, потеряв голову, неблагоприятный поступок совершил офицер Попов-Азотов: он не мог больше оставаться в полном несправедливости и грязи мире. Умирая, он произнес: «Мерзость... Всё мерзость».

Позже и Кайсаров понял, что он тоже один из этих насильников, оруженосцев тиранствующего царизма.

К этому пониманию его подтолкнули и смерть Попова-Азотова, и истребление мирных аульчан. Некогда жизнелюбивый адыгский народ погибал на глазах. Целый народ исчезал с лица земли. Творцы этого несправедливого, жестокого дела отмечали гибель адыгов парадным боем барабанов и бодрыми ликующими маршами.

По словам Якова Кайсарова, «все было весело, парадно, а на деле это не парадом являлось, а панихидой по исчезающим шапсугам и убыхам».

...Адыгов гонят со своей земли. Народу, издревле жившему на Кавказе, постановили переселиться или в Турцию, или разрозненными отдельными группами в специально подобранные места.

Такая судьба ожидала адыгов, если бы они покорились. Потому они не послушались приказа русского царя: «Переселяйтесь в указанные места, не нравится, уезжайте в Турцию». И в Оттоманскую империю не имело смысла переселяться, в этом случае они вообще теряли все – и родину, и очаг свой, и родной язык. Это адыги понимали хорошо, понимал это и русский царь.

Шапсуги предпочли умереть на своей родной земле, чем запереть себя в клетке, подобно плененному тигренку, или переселиться в Турцию. И дальнейшая судьба адыгов как нельзя лучше раскрывает их суть и мужество, присущее им. Они были верны поговорке «Прояви мужество и в смерти» и высоко держали свою честь. Над ними витал свет их любви к родине. Вот что писал в то время Карл Маркс: «Черкесы опять одержали победу над царской армией... Народы мира! Берите с них пример, вот на что способен народ, по-настоящему отстаивающий свою свободу».

Велик человек, мужественно боровшийся за свободу своей Отчизны и отдавший жизнь за нее. В нашем случае храбрым оказался не один герой – целый народ погибал, чтобы не покориться другому, что-

бы не поменять родную землю на другую. Тысячи шапсугов увенчали себя венцом мучеников, не желая покинуть родной край и предпочтя чужбине смерть на своей земле. На опушке леса шапсуги лежа ожидали смерть.

«Я разглядывал поляну. На ней были люди, по одежде горцы – мужчины и женщины. Они лежали вповалку, то по одному – по двое, то рядом, ничком, на боку. Скорчившись или раскинувшись. Мне не приходилось видеть вместе столько умирающих», – вспоминал на каторге русский офицер Яков Кайсаров.

Лохвицкий показывает, как расстаются с жизнью те, кто предпочел рабству смерть, – без крика, плача – мужественно и с достоинством. Большой, счастливой жизни был достоин народ, которого не могло сломить проклятие жестокого времени.

Раньше адыги горе и радость свою поверяли песне. Песни их были торжественными и заунывными, мелодии – выразительными. Если же говорить об адыгэ хабзэ, то этот кодекс чести превыше всего ставит справедливость. Даже на войне, помня об этом неписаном законе, горцы никогда не грешили против совести.

В «Громовом гуле» приводится один пример. Как-то жена гарнизонного командира Присыпкина покинула крепость, несмотря на пальбу. Увидев ее, адыги, окружившие местность, поднялись и ушли. Командиру гарнизона они передали: «Мы с женщинами не воюем».

Близилась к концу русско-кавказская война, унесшая жизни как многих горцев, так и русских солдат и офицеров. Оставался только единственный аул, куда не пришли царские войска. Он был защищен горами и потому продержался так долго, но и он был давно окружен и был на грани падения. Адыги собрались на хасэ и решили защищаться до последнего. Аульчане еще только расходились, когда к старейшине подошел один крестьянин и сказал: «Если все обойдется, я попрошу, чтобы мне помогли вспахать и удобрить склон, что за сосняком, хочу яблоки посадить. Я достал чужеземные яблоки – они большие... и пахнут медом, но слабы, как женщина. Я соединю чужеземку с нашим яблоком, и она возьмет у него мужское терпение, привычку к холоду».

Эта наивная мечта свидетельствует о неизбывной жажде жизни адыгского крестьянина, о том, как он мечтает о хорошем, высоко ценит мирную жизнь, придает большое значение соблюдению обычаев и традиций. Он говорит: «ХабзэмышцIэ емыкIухьщ» («Не знающий этикета может опозориться»). Крестьянин искренне верит в то, что каждая нация живет своими традициями. И он прав: тот народ, который не живет по своим обычаям, постепенно исчезает. Вот почему каждый порабититель упорно стремится к тому, чтобы народы от-

казались от своих обычаев. Эта мысль проходит в «Громовом гуле».

Повесть убеждает нас в том, что это непростое дело. У шапсугов не было преимущества одного человека над другим. Они не допускали превосходства какой-то группы людей над остальными. Поэтому Кайсаров наблюдательно отмечает: «Не в том ли и еще одна причина, по которой империя наша так стремилась покончить с шапсугами? Вольный образ их жизни, представлявший соблазн для русского раба-мужика, был, по-видимому, угрозой для монархии».

Эти слова свидетельствуют о том, что война самодержавия на Кавказе была направлена и против самого русского народа.

«Кого погубила эта война?» – если задаться этим вопросом, то напрашивается ответ: спившихся окончательно офицеров, русских солдат, вынужденных в течение двадцати пяти лет находиться вдали от своих семей. Несладкой была их жизнь, заполненная мучительными мыслями о своих близких. Их тоска усиливалась тем, что они не понимали ни целей, ни методов этой войны, тем, что тела многих их однополчан оставались на чужой земле. Единственным утешением было вино, в котором они пытались топить свою тоску.

Кайсаров был не из тех, кто мог утешиться вином. Он говорил: «Не мыслю, какие перемены должны произойти и сколько на это уйдет, чтобы мы стали свободными внутри себя и признали бы такую же свободу в других».

Русский царизм, попирая чужую свободу и уничтожая самобытность уклада жизни горцев, маскировал свои преступления ложной миссией внесения на кавказскую почву просвещения и культуры. Но что могли дать другим народам разорители шапсугских, убыхских, кабардинских, бжедугских, абадзехских, темиргоевских аулов, что могли предложить нашим предкам правители той нации, которая пребывала в то время в невежестве и нищете?!

Произведение, о котором мы говорим, пронизано мыслью: «Пусть не будет на земле больше тиранов, убийц! Пусть никто никогда не испытает то, что пришлось пережить адыгам!»

Можно сказать, что «Громовый гул» – одно из лучших произведений на историческую тему, написанных на русском языке.

Незадолго до смерти М. Лохвицкий закончил работу над историческим романом «Поиски богов» – продолжением повести «Громовый гул». Время и место действия – последняя четверть XIX века, Земля адыгов. В романе раскрыта тема взаимоотношений личности и общества. Михаил Юрьевич, как и в других своих произведениях, не ищет сенсационности, ему чужда парадность. Писатель стремится к правде – основе основ истинной беллетристики. Он кладет в основу своих романов, повестей, рассказов мысль и вдохновение,

которые и делают его творения настоящей литературой.

О М. Ю. Лохвицком, его творчестве я узнал после того, как повесть «Громовый гул» увидела свет. С тех пор мы дружили семьями, часто ездили друг к другу в гости. У нас были общие интересы, общие радости и, к сожалению, огорчения тоже были. Жизнь есть жизнь. В письмах мы делились всем и вся.

Сегодня, когда нет с нами незабвенного Михаила Юрьевича, я часто беру его письма и перечитываю их с трепетом и волнением. Они привели меня к мысли, что Кабардино-Балкария для М. Лохвицкого – это то райское место, где снисходят мир и покой, это живой родник, наиболее близкий ему уголок земли, стоя на котором, он лучше любил то, что выражало душу родного народа.

Впрочем, дорогие читатели, прочтите выдержки из писем Аджук Гирея, и вы сами убедитесь в сказанном выше.

ИЗ ПИСЕМ МИХАИЛА ЛОХВИЦКОГО

9 октября 1979 года

«Здесь, в Тбилиси, намечают широкое обсуждение «Громового гула». Я писал Володе Гетегеву в Нальчик, просил сообщить, кому посылать приглашение, кто мог бы выступить... Киримизе Жанэ (адыгейский поэт. – М. Х.) не сообщил еще, кто из критиков сумеет приехать. Жаль будет, если адыгейские, кабардинские писатели не примут участия в обсуждении, которое проводят Музей дружбы народов, Союз писателей Грузии и Главная коллегия по переводам.

Сейчас решается вопрос с публикацией «Громового гула» на грузинском языке.

...Первые в моей жизни дни в Нальчике вспоминаю часто и с огромным удовольствием. Спасибо вам за это!»

13 июля 1980 года

«Закончил роман об Алеше Джапаридзе, работал, не покладая рук с февраля, уезжал в Гагры и в деревню, сидел за столом по 10-12 часов. В романе, кстати, есть несколько страниц о ссыльном адыге (на основе материалов Красноярского архива, но персонаж вымышлен).

В Тбилиси я виделся с Кайсыном Кулиевым, он тоже приглашал к себе, сказал, что по повести моей у него есть какие-то замечания, но какие именно, обещал сказать в Нальчике.

...Год этот какой-то тяжелый, однако я уверен, что мы его перенесем с обычным адыгским терпением и еще сильнее окрепнем духом».

22 ноября 1980 года

«Книгу М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» я прочитал, пока лежал больным. Считаю ее удачей автора и достижением не только кабардинской, но и всей адыгской литературы; насколько мне известно, такого романа (и такого жанра прозы) в адыгской литературе не было. А сходные оттенки с некоторыми европейскими «рыцарскими» историческими повествованиями впечатления не ослабляют, потому что в «Ошхамахо» много народного, в книге адыгский дух. Не знаю, когда по состоянию здоровья могу написать о своих впечатлениях (пока я ничего не пишу, даже письмо это первое), но высказать свои впечатления мне хочется. Передайте, пожалуйста, Эльберду мои наилучшие пожелания и поздравления!

...Получил я очень полезную книгу Джамалдина Кокова по адыгской этнонимике. Понемногу нахожу ответы на вопросы, возникшие у меня перед работой над новой повестью об адыгах».

12 ноября 1981 года

«Дни на родине моих предков, вернувшей меня к себе, были для меня благотворны, и я уже скучаю без Нальчика и друзей-кабардинцев. Спасибо всем вам за это! Дома меня заставили выступить с подробным отчетом, обо всех расспрашивали, и я стал подумывать о том, не попробовать ли построить небольшую саклю в Нальчике с тем, чтобы часть времени и мне, и семье моей проводить в Кабардино-Балкарии».

19 ноября 1981 года

«Вчера с удовольствием смотрел передачу из Москвы о днях литературы и искусства Кабардино-Балкарии и пожалел, что я не в Москве».

23 декабря 1981 года

«Была у меня несколько дней тому назад большая радость – построили, наконец, мост через Куру, которым я занимался несколько лет. Было торжественное открытие. На мосту повесили надпись: «Мост имени Михаила Лохвицкого». И вся деревня (Кортанети – М. Х.) устроила большое застолье, все пили за мое здоровье и благодарили. Прослезился даже управделами Совета Министров Грузинской ССР, приехавший на открытие моста. Я был тронут вниманием и благодарностью простых людей – тоже до слез».

27 февраля 1982 года

«Я, придя к вам в гостиницу «Аджария», плохо себя почувствовал, поэтому, чтобы не расстраивать Вас, Германа (Паштова) и Нихата (Биданого), решил поскорее вернуться домой. Хорош был бы

хозяин, которого гости относят на руках домой. Наталье Павловне я тоже ничего не сказал, просто прилег и проглотил лекарство. Сказал: «Устал». Виною всему сила инерции... Надо, видимо, вбить себе в голову цифру «60» и жить по новому календарю – в застолие, конечно, а в работе по календарю двадцатилетнего.

Я вам всем очень благодарен за приезд на мой юбилей, За ту радость, которую вы доставили и мне, и семье моей, и друзьям моим... Я еще и еще раз убедился в том, что в сердцах адыгов много любви и тепла, много солнца, много света!»

К месту будет сказано, на юбилейном вечере М. Ю. Лохвицкого в Музее дружбы народов города Тбилиси мною было зачитано поздравление кабардинской поэтессы Инны Кашежевой:

К 60-летию М. Ю. Лохвицкого

Михаил Юрьевич Аджук Гирей,
Мы любим Вас и любим Ваши книги.
Вам шлют на праздник Ваш, на юбилей
Салам все благодарные адыги!
Сегодня поздравляют Вас друзья,
А их, Вы знаете, у нас в стране немало.
Прекрасная грузинская земля
Для Вас, черкеса, родиною стала.
По-юношески сердце Ваше бьется –
Об этом позаботился Кавказ.
Пусть вдохновенье осеняет Вас,
Пусть никогда в крови не гаснет солнце!

9 сентября 1983 года

«Возился в архиве, нашел два дела своего деда, в них есть кое-какие интересные детали. Что же до аула, в котором он именно родился, в делах он не указан. Дед пишет «Кубанская область», без указания названия аула. Скорее всего, у него были на это какие-то причины, название-то ему было известно...

По словам моего дяди, Аджук Гирей родом из Лакшукая, что находится недалеко от аула Тлюстенхабль. В основном там жили бжедуги, но рядом и вперемежку с ними жили и шапсуги. Сейчас аул Тлюстенхабль под водой Кубанского моря, так что увидеть селение и наше родовое кладбище невозможно. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь. Что же до шапсугов, то ведь по одной старой версии шапсуги – это кабардинцы, получившие название племени от реки Шапсухо. Кажется, все пути древние ведут в Кабарду».

9 февраля 1984 года

«Получил от тебя экземпляр «Громового гула» на арабском языке. Очень рад, спасибо за содействие в издании книги, весьма благодарен за перевод сирийским адыгам Дине Дапчан и Мамдуху Кумыку.

Любопытно было бы узнать о восприятии повести адыгами, живущими в Сирии, Иордании, Ливане и Египте. Восприятие это может быть и неожиданным и своеобразным, ибо психология людей, живущих в других странах, зачастую сильно отличается от нашей. У адыгов, живущих на родной земле, может быть совершенно иное мироощущение по сравнению с восприятием мира, истории адыгами, родившимися в других странах».

1 июля 1985 года

«У меня были кое-какие осложнения в Союзе писателей, поцарапались с Георгием Цицишвили (первый секретарь Союза писателей Грузии – М. Х.), но после беседы с Эдуардом Шеварднадзе все сразу изменилось к лучшему. Теперь это уже в прошлом.

...Был огорчен узнать о смерти талантливого Кайсына Кулиева, телеграмму послал, а выехать не мог, мучил радикулит, еле ходил.

По слухам, намечается резкая перестройка и улучшение идеологической работы. Если так, то перемены коснутся и вас в Нальчике. Хорошо, если это повлечет за собой и улучшение деятельности Союзов писателей, которые превратились в казенные, бюрократические учреждения и мешают нормальному развитию литературы».

4 июня 1986 года

«Я закончил трудную, сложную и интересную работу – перевод романа Г. Гегешидзе, сдал рукопись в издательство, отредактировал книгу избранной прозы В. Шкловского... Сильно устал, чувствую себя, как выжатый лимон. Надо передохнуть дней 20-30 и потом в полную силу взяться за адыгский роман. Одну из глав недавно пересказал товарищу (писателю), он считает, что одна эта глава уже роман. Но у меня требования к себе и роману этому куда больше».

26 июня 1987 года

«Из Сухуми сообщили, что там была выставка художников Кабардино-Балкарии и Гид Бжеумыхов выставил мой бюст. Одного моего товарища, живущего в 18 км от Сухуми (в Гульрипше) разыграли, ска-

зали, что я хочу его видеть и жду на художественной выставке. Он и поехал срочно в Сухуми, потом все над ним подшучивали».

15 июля 1988 года

«Рукопись романа «Поиски богов» сдал в издательство «Мерани» и отправил в Ленинград, в редакцию журнала «Звезда». В «Литературной Грузии», может быть, напечатают сокращенный журнальный вариант или отдельные главы, но мне в урезанном виде печатать роман об адыгах не очень хочется. Те, кто читал рукопись, хвалят, но мне очень важно узнать оценку адыгскую, твою, других друзей. Я убежден в вашей объективности».

7 августа 1988 года

«Очень хорошо, что в Нальчик был приглашен для постановки «Собачьего сердца» Касей Хачегогу (адыгейский режиссер – М. Х.). Задача сближения народа (Адыгея, Кабарда, Черкесия), на мой взгляд, одна из важнейших! Это очень сложно все, трудно и болезненно, но необходимо. В романе «Поиски богов» эта тема затронута. К цели этой надо идти медленно, умно, последовательно, целеустремленно и без ослабления. Поспешность – вредна, может привести к Карабаху и Сумгаиту, погубит первые шаги, но я уверен в том, что обстоятельства в будущем сложатся так, что условия станут реальными».

5 августа 1989 года

«Еще раз поздравляю тебя с появлением на свет нашего общего детища! [Переводчик пьесы – М. Хафицэ]. Спектакль получился новаторским, стилистическим. Мы все под его впечатлением. Даже цветы с премьеры стоят до сих пор в вазе!»

Это было последнее письмо Михаила Юрьевича Лохвицкого. 7 августа 1989 года его не стало. Букеты цветов, преподнесенных великому сыну адыгского народа благодарными кабардинцами в те три вечера премьеры спектакля «Громовый гул», были возложены на его могилу в пантеоне города Тбилиси.

ПОИСКИ БОГОВ

Глава из романа

В одну из последних сорока холодных ночей несчетного года от порождения адыгов Солнцем, Чебахан произвела на свет двух мальчиков. Озермес, и без того не находивший себе места, впал в полную растерянность, когда после появления ребенка услышал шепот Чебахан: – Муж мой, я рожаю еще. – Если бы она не указывала, что надо делать, Озермес бросился бы на пол и, заткнув уши и закрыв глаза, ждал бы, чем кончатся роды. Но все обошлось благополучно, пуповины были перерезаны, завязаны, и младенцы выкупаны. Оба они, получив души, тут же принялись орать, требуя еды. По одному передав их Чебахан, Озермес снял с колышка ружье, выбежал из жарко натопленной сакли и выстрелил в дымарь. Эхо от выстрела раскатилось над спящими горами. Нечистая сила, превратившись в снежное облако, бессильно осыпалась с крыш. Самыр и Хабек выскочили из вырытой в сугробе норы, Самыр стал с лаем бегать вокруг сакли, отыскивая подстреленную Озермесом добычу, а Хабек, оскалившись, с опущенным хвостом, неслышной тенью носился от сакли к оврагу, потом к Мухарбеку и обратно. Озермес засмеялся, вернулся в саклю и вынес им два куска вяленой оленины, потом подошел к Мухарбеку и сообщил ему, что у его племянницы родились дети. У старика от радости упала с головы снежная шапка, и он перестал быть побывавшим в Мекке хаджи, но морщинистое лицо его осталось таким же задумчивым и мудрым, как обычно.

Озермес посмотрел на ясное небо, усеянное ласково подмигивающими ему звездами, на голубую папаху, венчающую шлем Богатырь-горы, на деревья, одетые в праздничные белые одежды, и глубоко, с облегчением вздохнул. Только теперь он ощутил, с каким напряжением и надеждой, может быть, с не меньшими, чем Чебахан, он ждал этой ночи, когда в их сакле народится новая жизнь, которой предназначено продлить жизнь и Чебахан, и его, и их родителей, и тех далеких предков, чьи останки покоятся в степных курганах. И если после восхождения на Ошхамахо и встречи с Духом гор, Озермес, думая о состарившемся Тха, ощущал к нему почтительное сострадание, то теперь, став отцом, он на миг почувствовал нечто вроде превосходства над ним. Устыдившись своих мыслей, Озермес пожелал добра Мухарбеку и пошел к сакле.

Время спустя Озермес устроил в честь рождения сыновей празднество. Мазитха пригнал под его стрелу козла, и они всей семьей вкусно поели. Потом Озермес играл на камыле, Самыр и Хабек вразной подвывали ему, а когда Чебахан и Озермес стали плясать, весело прыгали

возле них. После этого Чебахан выкупала младенцев, накормила их, уложила в корзины и запела колыбельную, которую ей и Озермесу пели их матери.

Когда дети заснули, Чебахан уложила их в стоявшие у очага корзины, накрыла заячьими покрывалами и тихо рассмеялась.

– Кто мог знать, что нужна будет одна широкая корзина. Ты заметил, как старший похож на тебя?

Озермес, подойдя к корзинам, посмотрел на розовые, безбровые личики младенцев.

– А кто из них старший?

– Тот, кто слева, родился первым. Неужели ты не отличаешь их друг от друга?

– Наверно, им надо немного подрасти, – сказал Озермес, – тогда я разберусь. А имена ты им уже придумала?

– А разве ты не знаешь, что имена дает отец?

– Тому, кого ты считаешь старшим, дадим имя моего отца – Тлиф, а брата его назовем в честь твоего отца – Хешхо.

– Да благословит тебя Тха! – обрадовалась Чебахан. – Ты угадал мои мысли.

– Ты, моя гуаше, мудрая женщина, и я горжусь, что угадал, о чем ты думаешь.

Чебахан выпятила нижнюю губу и, смеясь, пробормотала: – Шапсуг будет не шапсуг, если не подшутит над своей бедной женой.

Озермес снова посмотрел на причмокивающих во сне сыновей и в негодовании поднял руки.

– Тлиф, Хешхо, вы слышите, что говорит ваша мать? Ни одна жена пши, ни одна из жен султана не обладает таким богатством, как ваша мать. Она хозяйка всех этих гор и лесов и мать таких славных джигитов, как вы, и уверяет, что она бедная!

– Ты прав, муж мой, – просияв, сказала Чебахан, – и в самом деле самая богатая и счастливая женщина на земле!..

Самыр твякнул, чтобы его выпустили. Озермес открыл дверь и заодно выпроводил и Хабека.

Однажды, когда народилась новая луна последнего месяца весны, Озермес, сидевший на мертвом яворе, увидел, как пятнышки лунного света, проскользнувшие сквозь листву клена, мягко легли на могилу Абазехи и услышал ее жалобный голос: – Мой ребенок, он маленький, ему холодно... – Тут же вспомнилось, как Чебахан не хотела, чтобы он, хороня абрека Меджида, поминал его добрым словом, и, как раньше, в ауле, он искал и мог найти руку погибшего джигита, и как еще раньше, на берегу моря, отец говорил, что Озермес должен не уезжать с ним, а остаться, ибо других джегуако, наверно, нет уже в живых...

И с Озермесом произошло то, что бывало, когда, сочиняя новую песню, он не мог подобрать ее начала и мучился, искал, пока неожиданно, подобно вдруг вернувшейся к умирающему человеку душе, зачин песни сам собой не вспыхивал у него в голове. Но то, что давно уже зрело в нем и теперь высветилось, было куда пронзительнее и важнее. Он снова услышал, как вдали переговариваются люди, кого-то зовет женщина, блеют овцы и мычит корова...

Поднявшись с мертвого явора, Озермес подошел к хлопотавшей у летнего очага Чебахан и сказал ей:

– Мне надо поговорить с тобой, белорукая.

Чебахан, выпрямившись, внимательно посмотрела на него:

– Слушаю тебя.

– Надо уйти отсюда. Я давно подумывал об этом. Да и Тлиф и Хешхо были слишком малы. А теперь они окрепли, и начинается лето. Нам необходимо вернуться к людям.

Чебахан помешала деревянной ложкой в котле, посмотрела на сакно, в которой спали дети, окинула медленным взглядом поляну, хачеш, Мухарбека, кладбище и спросила:

– К каким людям, муж мой? Ведь нашего народа нет больше.

– Народ бесследно не исчезает. Кто-то, кроме нас, должен был остаться. И ты, и я посчитали умершими тех, кто, как рассказывал абрек Меджид, встали на колени перед русским царем, но они, наверно, живы. И другие могли, как ты и я, уйти куда-то в горы или в степи. Ничего не знаем мы о кабардинцах, о других племенах, живущих далеко от нас. Духу гор понравилось, что мы с тобой ушли от людей, но у меня от воспоминаний о его словах во рту становится горько, словно от прогнившего яблока. Ведь я не Дух гор, во мне нет ненависти ни к людям, ни к кому-нибудь еще из живущих на земле. Вспоминая прощальные слова отца, я теперь сгибаюсь под тяжестью греха, лежащего на мне. Мне нельзя было думать только о себе. Кому, кроме меня, внука и сына джегуако, рассказывать уцелевшим о навсегда ушедших племенах и петь живым песни о будущем?

– А куда мы пойдем, муж мой? – в тревоге спросила Чебахан. И сколько времени мы будем искать?

– Я уже думал об этом. Спустившись на равнину, повернем к восходящей стороне, в Кабарду. Если там никого не найдем, отправимся к заходящей и дойдем до моря... Помнишь, я рассказывал тебе о братании аулов, на которое водил меня отец?

Чебахан кивнула, сняла с очага котел с кипящим ляпсом и попросила:

– Давай, сядем.

Усевшись рядом с ней, Озермес продолжил:

– Побратавшихся аулов у нас было мало. Мне об этом говорил отец.

И сели мы найдем аул, родом из которого был Меджид, я постараюсь уговорить живущих там побрататься между собой.

– А если отец Меджида изгонит тебя из аула? Он, наверно, может послать к тебе убийцу.

– Он побоится покрыть позором свое имя и имена своих сыновей и внуков. А если у кого-то поднимется рука на безоружного джегуако, значит, адыги перестали быть адыгами, и я, умирая, крикну Духу гор, что он прав в своей ненависти к людям.

– Я спросила, потому что подумала о наших сыновьях, – объяснила Чебахан.

– Мой отец, уходя с адыгами за море, тоже думал обо мне, но все-таки ушел. А мы уйдем отсюда вместе.

Самыр, лежавший у двери в саклю, призывно тявкнул. Чебахан вскочила:

– Я скоро, муж мой!

Она убежала в саклю и, вернувшись, объяснила:

– Оба были мокрые по горло, наверно, захныкали, и Самыр их услышал. Ты говорил, мой муж, я тебя перебила, прости меня.

– Я говорил, что джегуако должен быть джегуако, а те адыги, которых не покинула душа, должны быть вместе, как братья. Пусть абхазские женщины дадут грудь кабардинцам, а бжедугские усыновят шапсугов, пусть темирговец, когда его спросят, кто он, – ответит: я адыг!..

На опушке леса закуковал самец кукушки. Послушав его, Чебахан сказала:

– Я согласна с тобой. И мне хочется, чтобы наши сыновья жили среди своего народа. Но так жалко оставлять нашу саклю, поляну, Мухарбека и его сына, и желтоносого дрозда тоже, ты заметил, он прилетал днем и сидел на голове Мухарбека?

– Да, желтоносый дружит с ним, и когда нас не будет, станет развлекать его песнями. Кроме того, возле Мухарбека растет сын, он быстро перерастет отца и в жаркие дни прикроет его своими листьями.

– Что ж, пусть будет так, как решил ты и как надо, – сказала Чебахан. – А теперь дай мне твой ножичек, я подровняю тебе бороду и усы и побрею голову.

Он кивнул:

– Хорошо. Ножичек я наточил еще с утра, он стал острым, как кинжал нарта.

Пришел день, и они собрали все, что могли унести на себе, а то, что оставляли, занесли в пещеру и завалили камнями. Озермес закрепил колышками дверь сакли. В хачеше положили на столик мясо и поставили миску с водой. Постояв немного у могил на кладбище, попрощались с Мухарбеком и его сыном и, перейдя через шафрановый луг, двинулись в путь.

Следов человека, коней или быков им все еще не попадалось. На одном из холмов, мимо которых они проходили, темнели полуразрушенные, сложенные в седые времена стены из плоского замшелого кирпича. Озермес поднялся на холм и, вернувшись, сказал, что там когда-то стояла мечеть.

Потом на берегу быстрой реки они набрали на давнее, заросшее травой, пожарище. Озермес молча отвернулся от пожарища, и Чебахан тоже ничего не сказала.

Найдя брод, Озермес перешел на другой берег, оставил там свою поклажу, вернулся к Чебахан, взял у нее детей, перенес их, уложил на бурку и помог перебраться Чебахан. Самыр и Хабек, повизгивая, суетились у реки. Озермес пошел за ними, но они, не дождавшись его, бросились в воду, и она понесла их.

– Муж мой! – вскрикнула Чебахан, глядя на быстро удаляющиеся морды Самыра и Хабека.

– Выплывут, – успокоил ее Озермес, – сами виноваты, что не дождались меня.

Вскоре Самыр и Хабек выскочили из прибрежных кустов и, отряхиваясь, высунув языки, со всех ног помчались к Озермесу и Чебахан.

Выйдя из усыпанной белыми камнями поймы, снова увидели перед собой зеленовато-желтую, затянутую сизым маревом равнину. Над степью низко носился одинокий ястреб. Нигде на этой, ровно дышащей, заросшей травами земле по-прежнему не было видно признаков жизни человека.

– Может, вернемся? – грустно спросила Чебахан.

– Нет, – сжав зубы, ответил Озермес. – Не может быть, чтобы мы не добрались до людей.

Он оказался прав. Пришло время, когда на исходе дня, обойдя пологий холм, они увидели поднимающиеся к небу желтые дымки. Пройдя еще немного, заметили на помятой траве полоски от колес и вмятины от бычьих копыт. С того мгновения, когда показались дымки, Озермес и Чебахан словно обмерли и только молча поглядывали друг на друга. Дорога вывела их к вспаханному полю, возле которого стоял старый дуб, к ветвям которого были привязаны разноцветные тряпочки.

– Видишь? – прервал молчание Озермес. – Это священное дерево.

– Знаю, маленькой я бегала с подружками к такому дубу и дарила ему лоскутки, – прошептала Чебахан.

Издали послышалось ржание лошади.

– Слышишь, муж мой? – вскрикнула Чебахан.

– И слышу, и вижу.

Снова заржала лошадь. Потом замычали коровы.

– Помнишь, как ветер донес до нашей поляны голоса аула? – захлебываясь воздухом, спросила Чебахан. – Может, их принесло отсюда?

– Нет, белорукая, мы тогда слышали голоса ушедших.
– Давай передохнем немножко, а то у меня ослабли ноги.
– Пойдем в тень, под деревья, – сказал Озермес, – разве ты не хочешь переодеться?

Чебахан слабо улыбнулась и кивнула.

Они вошли в ольховую рощу, расположились в тени, умылись в глубокой дождевой луже и, по очереди зайдя в кусты ежевики, переоделись. Озермес – в свою старую, потертую черкеску, а Чебахан, сняв с себя неуклюжее платье, сшитое ею из шкур, надела то, в котором уходила из аула. Хабек, удивившись, подошел к ним и принялся к их одежде.

– Не узнаешь? – спросил Озермес. – Самыра и Хабек надо будет держать поблизости, на них обязательно налетят собаки.

– Они себя в обиду не дадут, – сказала Чебахан, – вот чужим собакам может достаться. У-у, даже не верится!

Прижав руки к груди, она долго смотрела на дымки, поднимающиеся над аулом, потом улыбнулась и нагнулась над лежащими на траве Тлифом и Хешхо. Тлиф сосал кулачок, а Хешхо что-то оживленно бубнил брату.

– Братья, – сказала она, – должны вырасти дружными. Слышишь, как лепечет Хешхо? О, муж мой, как у меня бьется сердце! Неужели я, наконец, почувствую вкус пасты, коровьего молока!.. – Оглядев себя, она с досадой пробормотала: – На кого я похожа в этом драном платье.

– На себя, – усмехнувшись, отзвался Озермес, всмотрелся в видневшиеся среди деревьев сакли и ощутил, что глаза его повлажнели. Отвернувшись от Чебахан, он поглядел на священный дуб и понял, что еще ему необходимо сделать.

– Постой здесь, – сказал он, – я тут же вернусь...

Взяв ружье и лук со стрелами, Озермес направился к дубу, повесил на нижние ветви ружье и лук и воткнул стрелы в ствол дерева. Когда он вернулся, Чебахан с недоумением спросила:

– Для чего ты это сделал? Чтобы мужчины в ауле увидели, что ты пришел к ним безоружным?

– Чтобы в ауле увидели, что к ним пришел джегуако.

– Я не знала, что священному дубу жертвуют не только тряпочки, но и ружья, и луки со стрелами.

– Редко, но жертвуют. Бродя с отцом, я видел дуб, на котором висели древние проржавевшие кольчуга и меч.

– А почему ты не снял с себя кинжал?

Озермес укоризненно покачал головой.

– Кинжал – память о твоём отце, нам надо хранить его.

– Да простит ушедший отец мою глупость, – виновато пробормотала Чебахан.

Озермес достал шичепшин и камыль, снял с себя пояс с кинжалом, засунул их в мешок и вытряхнул из казанка на землю тлеющие угольки.

– Пусть растают с душой здесь. В ауле разожжем новый костер. Чебахан снова посмотрела на дуб.

– А если кто-нибудь возьмет твоё оружие? Оно ведь не ржавое.

Озермес покачал головой.

– Ни один истый адыг не прикаснется к оружию, которое кто-то, отказавшись убивать, навсегда оставил на священном дубе.

Самыр, не понимая, почему они стоят, вопросительно поглядывал на них, а Хабек, подняв нос, беспокойно принохивался к доносящимся до него незнакомым запахам.

Чебахан подняла детей и прижала их к себе.

– Кто-то встретит нас там?

Позади и справа, согнутым луком охватывая равнину и сливаясь с небом, привычно для глаза синели горы. Где-то там осталась поляна с саклей, которую теперь сторожит Мухарбек. Возможно, и Дух гор сидит на какой-нибудь скале, мрачно поглядывая на степи и долины.

Озермес посмотрел на шурящихся от солнца сыновей и подумал, что сколько бы лет ни было Тха, пусть он существует даже вечность, когда-то же он должен был родиться. Кто мог породить Тха и в чем оказалось его предназначение? Судя по словам Духа гор, род Тха на нем и кончается, ибо потомков у него нет. Русские, правда, рассказывали, будто их Бог породил однажды доброго сына, но люди убили его. Да и изменится ли что-нибудь на земле, если там, вверху, вместо старого, не откликающегося на зов человека Тха, появится новый, молодой? Вряд ли. Нет, человек, родившись и обретя душу, должен быть сам себе и конем, и всадником, и верующим, и Тха. Каждый должен верить в то, что он не исчезает бесследно, ибо жизнь человека продолжается и в потомках, и в тех зверях, птицах, деревьях, в которых поселяется его душа, после того как он завершит свой трудный, извилистый путь...

Снова поглядев на далекие горы, Озермес окончательно убедился, что то, к чему он пришел в мыслях своих, верно, улыбнулся Чебахан и сказал:

– Белорукая, а ведь мы войдем, никого не спрашивая, в первый же хачеш!

На оленьем лице Чебахан задрожала ответная улыбка. Кивнув, она ушла вперед. Озермес завернул одежды из шкур в бурку, взвалил ее на плечо, сунул за пазуху камыль, взял шичепшин и мешок с едой и пошел догонять Чебахан. Самыр и Хабек затрусили рядом с ним.

Сдерживаясь, чтобы не побежать, они приближались к аулу, из которого доносились почти забытые ими запахи хлеба, овечьего и козьего помета, просыхающего сена и давно не слышанные голоса людей. Прислушавшись к ним, Озермес подумал, что он и Чебахан идут теперь к тому общему со своим народом, затянутому туманом неизвестности будущему, которого не было у них с того дня, как они покинули погибший аул.

Виталий ЕРШОВ,
доктор исторических наук,
профессор РГГУ, академик АМАН
г. Москва

ЧЕРКЕССКИЙ МИР М. М. ХАФИЦЭ

Рецензия на книгу «Адыги: один из древнейших народов мира»: Черкесская иллюстрированная энциклопедия-хрестоматия с литературным обозрением / под ред. М. М. Хафицэ. Редакторы-составители М. М. Хафицэ и М. А. Керимова. Адыгская (Черкесская) академия наук (АМАН), Институт адыгской энциклопедии. – Нальчик, 2021. 652 с.

*«И мысль невольюно улетает
Бродить средь милых дальних скал».*
Михаил Лермонтов

Замечательные книги вышли в свет в Нальчике благодаря неустанным трудам Мухамеда Мусабиевича Хафицэ – кабардинского ученого-историка, журналиста, коллекционера и Просветителя с большой буквы, который в этом году встретил свой 75-летний Юбилей. Первая из двух книг, которым посвящен этот очерк, – «Адыги: один из древнейших народов мира» является великолепным подарком не только для самого юбиляра, но и для всего читательского сообщества России. Она представляет собой богато иллюстрированный (1500 репродукций и фотографий) фолиант, содержащий массу информации, как визуальной, так и текстовой, – по истории, этнографии, современной жизни, культуре и искусству адыгских народов. Это уже десятый том из серии «Черкеси́ка» («Адыгская энциклопедия»), задуманной М. М. Хафицэ более десяти лет назад и воплощенной в серии публикаций историко-документального и художественного жанра, среди которых была книга, посвященная Юрию Калмыкову – известному правоведу, государственному и общественному деятелю Кабардино-Балкарии, перевод на адыгский язык кавказских поэм М. Ю. Лермонтова, повесть советского писателя Михаила Лохвицкого «Громовый гул» и др.

Новый выпуск «Черкеси́ки» можно считать одним из главных событий уходящего года в культурной жизни Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии¹. Не сомневаюсь, что здесь книга уже получила известность. Но очень хотелось бы, чтобы о ней узнали и в других областях и регионах нашей страны, поскольку,

по сути, она адресована всем, кто любит Северный Кавказ или еще только стремится узнать этот удивительный горный край, абсолютно уникальный по красоте и величию природы, древней и яркой истории, живой традиции народных обычаев. Полагаю, что такое познание невозможно без понимания судеб и души народов, живущих на этой земле. А книга «Адыги: один из древнейших народов мира», изданная М. М. Хафицэ, прекрасно отвечает этой задаче.

Издателями точно найдено определение жанра книги: энциклопедия-хрестоматия: это калейдоскоп фрагментов произведений представителей интеллектуального сообщества разных столетий, стран и народов – от упоминаний о Кавказских горах в трудах Аристотеля и венецианского дипломата 14 столетия Иосафата Барбаро до работ современных ученых-востоковедов и историков, цитат из писем и заметок государственных деятелей – Петра I, Наполеона, Шамиля и др., а также генералов, путешественников, литераторов из России и Европы, включая, например, Александра Дюма, британского разведчика 19 века Джеймса Бёлла, российского наместника на Кавказе при Николае I князя М. С. Воронцова и др. Здесь много старинных адыгских и казачьих песен, стихов Алима Кешокова, Исхака Машбаша, Михаила Дудина и других современных адыгских и русских поэтов, а также цитат из произведений В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. Д. Бальмонта, литературной публицистики и художественной прозы 19-20 веков. Весь этот разнообразный материал структурирован по тематическим разделам: «Черкесия – страна адыгов», «Исторические упоминания и теория происхождения», «Хаты – древние предки черкесов», «Черкесские мамлюки», «Воспитание и образование»,

¹ Следует пояснить, что этноним «адыги» – это самоназвание предков многочисленной этноязыковой семьи северокавказских народов, прежде всего, адыгейцев, кабардинцев, черкесов (жителей Карачаево-Черкесии), шапсугов и ряда других родственных этносов. В русском языке исторически утвердилось наименование «черкесы», распространявшееся в 17 – начале 20 веков на всех адыгов, так что эти слова и сегодня используются как синонимы.

«Семья и гостеприимство», «Внешность и одежда», «Язык и письменность», «Адыгская кухня», «Кабардинская порода лошадей» и др.

Иллюстративный ряд книги включает гравюры, картины, литографии, афиши, раскрывающие образ Черкесского мира в искусстве и культурно-информационном пространстве различных стран и эпох. Почти все они предоставлены М. М. Хафицэ из его личного собрания. Значительное место в новом томе «Черкесики» занимает портретная живопись, графика и фотография, благодаря которой читатель видит лица ученых, военных, художников, артистов, спортсменов – известных деятелей России и черкесской международной диаспоры. Отдельная тема книги – красота и мудрость черкесских женщин, которая отражена во множестве иллюстраций и представляет нам не только принцесс и королев стран Востока, но и современных черкешенок – дипломатов, ученых, кинорежиссеров, артисток, журналисток, спортсменок XX – XXI веков (все они также необыкновенно красивы).

«Адыги: один из древнейших народов мира» – книга с ярко выраженным просветительским посылом, позволяющая в доступной и увлекательной форме получить целостное представление о вкладе адыгских народов в мировую историю и культуру. В то же время, энциклопедия подталкивает читателя и к самостоятельному поиску, погружению в самобытный Черкесский мир. Этому способствует, помимо собственно её содержания, множество изображений обложек книг различных жанров о Кавказе и его народах. Тем самым составители демонстрируют богатство адыгского интеллектуального пространства и, одновременно, ненавязчиво советуют нам прочесть хотя бы некоторые из этих книг.

Еще один важный аспект, о котором хочется сказать особо, это любимая, главная линия творчества М. М. Хафицэ – адыгское (черкесское) зарубежье. Его первые книги и очерки на эту тему, родившиеся из впечатлений от поездок по странам черкесского рассеяния – Иордании, Сирии, Турции, начали выходить в свет еще в 1980-е годы. Материалы об адыгском зарубежье не выделяются специально в «Черкесику», но органично вливаются в содержание текстов и иллюстративный ряд, подчеркивая глубинное единство глобального Черкесского мира. Так, в завершающей части книги помещены научные статьи Б. М. Керефова, К. Х. Унежева, М. М. Хафицэ, Самира Хотко и В. Ф. Ершова, посвященные важнейшим вехам истории и современности Черкесского мира, включая тему адыгского (черкесского зарубежья) и его диалога с исторической Родиной – Северным Кавказом.

В 2020 году под редакцией М. М. Хафицэ была издана книга «Черкесская диаспора. Панорама культурной жизни», специально

посвященная зарубежному черкесскому сообществу. Это издание, также богато иллюстрированное, включает исследования и заметки по истории и культуре адыгских общин в различных странах, биографии и изображения известных представителей международного Черкесского мира и т.п., а также интересную подборку («дайджест») материалов прессы о современной жизни адыгских общин².

Страницы произведений М. М. Хафицэ, посвященных черкесским соотечественникам, хотя и написаны в прозе, очень поэтичны и даже как будто пронизаны незримой музыкой, мелодиями утраты и обретения, чужбины и родины. Не только потому, что он много писал о зарубежных деятелях литературы и искусства черкесского происхождения – «эмире арабских поэтов» египтянине А. Шаукие, иорданской певице А. Бженниковой, о вернувшемся на родину из Сирии «замечательном старце» и народном поэте Рамазане Махотле. Но и благодаря авторской стилистике М. М. Хафицэ, который дал своей работе «Разбросаны адыги по белу свету» подзаголовок «Этнографические этюды», а один из вошедших в неё очерков назвал «Иорданская рапсодия».

Завершается книга кратким послесловием о любви к родине – России, о многообразии этносов, языков и традиций народов Кавказа, о достоинстве и чести, о мире и благополучии, уважении к старшим и памяти предков. Простые истины, простые слова, вплетенные в лирическую прозу Мухамеда Хафицэ, обретают большой нравственный смысл, становятся ориентиром для новых литературных произведений.

² Черкесская диаспора. Панорама культурной жизни / Сост. М. М. Хафицэ. Серия «Международная Черкесская Ассоциация». – Нальчик: МЧА, 2020. 228 с.

*Фатима ОЗОВА,
академик АМАН, доктор исторических наук, доцент,
заведующий Отделом истории народов КЧР
Карачаево-Черкесского ИГИ*

Рецензия на книгу: «Адыги: один из древнейших народов мира. Черкесская иллюстрированная энциклопедия-хрестоматия» / Сост. М. М. Хафицэ, М. А. Керимова. (Нальчик: АМАН, 2021. – 652 с. ISBN 978-5-907150-77-5)

Иллюстрированная энциклопедия-хрестоматия «Адыги: один из древнейших народов мира», являясь результатом длительного и трудоемкого процесса, прежде всего, по выявлению и фиксации сведений первоисточников по истории черкесского народа, стала заметным событием в черкесском мире и настоящим подарком для любителей отечественной истории. В ней представлены важнейшие аспекты истории черкесского народа, наиболее значимые достижения его традиционной культуры и выдающиеся личности.

Настоящая энциклопедия-хрестоматия составлена двумя профессиональными журналистами, писателями, публицистами, литературными критиками – главным редактором газеты «Адыгэ псалъэ» (1997–2021), вице-президентом Адыгской Международной Академии наук, председателем (тхъэмэдэ) общественной организации «Адыгэ Хасэ» КБР М. М. Хафицэ и корреспондентом газеты «Адыгэ псалъэ» М. А. Керимовой. Будучи директором института «Адыгская энциклопедия» при АМАН М. М. Хафицэ участвовал ранее и в издании «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (М., 2006), ставшей в свое время результатом кропотливого труда большого коллектива историков, филологов, фольклористов под руководством таких крупных ученых как М. А. Кумахов и В. Х. Кажаров.

Рецензируемое издание вышло в серии «Черкесика» под эгидой Адыгской (Черкесской) международной академии наук (АМАН). Его предваряет предисловие президента АМАН, доктора экономических наук А. Б. Канокова, ясно определяющее его предназначение: «Эта книга высказываний для любознательного читателя, которому не всегда доступны многотомные фолианты и редкие издания, когда литературу трудно отобрать ввиду узкой специализированности источников» (стр. 6). Именно в этом и состоит уникальность этого издания: оно делает доступным для широкого круга читателей важные, знаковые для черкесской истории и культуры сведения.

Профессиональный опыт составителей энциклопедии-хрестоматии предопределил ее структуру. Хотя в ней присутствует характерная для научных исторических трудов систематичность (может быть и не

такая строгая, как хотелось бы историку), но все же в первую очередь ее отличает яркость, эффектность подачи материала, свойственная журналистскому подходу.

Семь из двадцати разделов посвящены таким значимым для истории черкесов историческим явлениям и процессам, как этногенез, территория расселения и этнонимия, история правившей в Египте / Мамлюкском султанате династии Бурджи (1382–1517), Канжальская битва 1708 г., Кавказская война (1763–1864), депортация черкесов на последнем этапе Кавказской войны (1856–1864). Конечно, спектр исторических сюжетов из богатого исторического прошлого черкесского этноса в данном случае мог бы быть гораздо шире, но так как рецензируемое издание не является академическим трудом, можно понять выбор составителей, остановившихся на наиболее интересных для них эпохах черкесской истории.

Помещенные в этих разделах фрагменты исторических источников принадлежат посетившим Кавказ в период с Античности и Средневековья до эпохи Нового времени включительно географам, историкам, государственным деятелям, миссионерам, резидентам, купцам, путешественникам. В некоторых разделах эти древнегреческие, древнеримские, арабские, итальянские, немецкие, французские, русские нарративы дополняются наиболее значимыми фрагментами исторических исследований. Исключением является раздел «Хатты – древние предки черкесов» (стр. 47–68), состоящий преимущественно из сведений, почерпнутых из научно-популярной книги А. В. Волкова и Н. Н. Непомнящего «Хетты. Неизвестная империя Малой Азии» (М., 2004). Оно и понятно, ведь хатто-хеттская проблематика, возникшая в современной науке только в конце XIX в., довольно сложная в силу характера имеющихся по ней источников. К наиболее важным из них можно отнести Библию и тексты хаттской и хеттской клинописи и иероглифики. Одно из упоминаний хеттов в Ветхом завете приводится и в хрестоматии-энциклопедии (стр. 49–50), жаль, что ни один из переводов расшифрованных текстов хаттской и хеттской клинописи и иероглифики не нашел места в настоящем издании. С нашей точки зрения, читателю было бы интересно ознакомиться, к примеру, с египетско-хеттским (Кадешским) договором (1259 г. до н.э.) между правителями древнего Египта Рамзесом II и страны Хатти Хаттусили III. Хотя фотография глиняной таблички, на которой запечатлен первый исторически документированный мирный договор, хранящийся ныне в Археологическом музее Стамбула, присутствует в рассматриваемой хрестоматии-энциклопедии среди иллюстраций (стр. 63), перевод этого договора здесь не помещен.

Очевидно, что основной упор составители сделали на наиболее полное представление достижений черкесской культуры. Краеуголь-

ные для ее развития явления освещаются в тринадцати разделах. В них, как и в предыдущих семи, помещены систематически подобранные по хронологии (за некоторыми исключениями) выдержки из исторических источников, а также важные для понимания тех или иных проблем фрагменты исторических исследований. Хотя с точки зрения историка принцип формирования разделов, а также порядок их расположения, выглядит в некоторых случаях спорным, тем не менее он в полной мере ярко и наглядно представляет лучшие стороны национальной культуры и национального характера черкесов. Здесь имеются разделы, посвященные истории традиционной системы воспитания и образования подрастающего поколения (стр. 163–224), системе семейных отношений (стр. 235–282), антропологии черкесов и истории национального костюма (стр. 283–314), истории сословно-классового развития традиционного черкесского общества и его ментальности (315–326), истории традиционной системы государственности (327–344), воинской культуре (345–360), хорошо развитым у черкесов танцевальному, песенному и музыкальному искусствам (стр. 361–434), истории языка и письменности (стр. 435–440), религиозным верованиям (стр. 441–452), традиционной бытовой культуре и системе хозяйствования (стр. 452–464), истории торговли (стр. 465–468), национальной кухне (стр. 481–498) и развитию черкесской / кабардинской породы лошадей (стр. 499–522).

Важной частью концептуального подхода составителей стала обеспеченность энциклопедии-хрестоматии богатым изобразительным материалом. Значительная часть более чем полутора тысяч иллюстраций извлечена из известной всему Кавказу коллекции М. М. Хафицэ «Черкесское зарубежье», формировавшейся более полувека и насчитывающей порядка 20 тыс. единиц хранения. В первые два десятилетия XXI в. ее экспонаты выставлялись в Национальных музеях КБР и КЧР семь раз (на одной из первых выставок побывала в 2003 г. и автор этих строк). Именно эта грандиозная коллекционная работа, аккумулировавшая исторические документы, книги, карты, живописные полотна, гравюры, рисунки, записи старинных черкесских песен и музыки, свидетельствовавшие о немалых достижениях черкесской культуры на протяжении нескольких столетий, стала фундаментом многочисленных книг и публицистических статей М. М. Хафицэ, посвященных проблемам истории черкесского этноса, сделавших известными на исторической родине имена многих государственных, политических и общественных деятелей, ученых, военачальников, писателей, поэтов, художников, актеров, спортсменов черкесского зарубежья. Энциклопедия-хрестоматия «Адыги: один из древнейших народов мира» в какой-то мере подводит некоторый итог этой деятельности и популяризирует ее.

Помещенные в настоящем издании иллюстрации, в том числе и из

уникального частного музея М. М. Хафицэ, подобраны по разделам, принцип их комплектации отражает, прежде всего, художественное осмысление составителями проблем черкесской истории. Значительная часть иллюстраций – это портреты черкесской аристократии, черкесских государственных деятелей различных исторических эпох, сцены со старинных гравюр и живописных полотен, передающие образ жизни черкесской феодальной знати, а также фотографии последнего столетия представителей науки, искусства и различных сфер хозяйственно-политической деятельности, а также результатов их трудов, прежде всего книг и живописных работ. Иллюстративный материал, давая наглядное представление о наиболее значимых событиях в жизни народа на родине и за рубежом, помогает сформировать довольно цельную картину длительного исторического пути черкесов – разделенного народа, подавляющая часть которого живет в настоящее время вне исторической родины, Кавказа, в более чем 50-ти странах мира. В этом отношении это замечательный опыт.

Несмотря на все достоинства рецензируемого труда, в нем, как и в любой работе, имеются некоторые недочеты и недостатки. К таковым, на наш взгляд, можно отнести замечания, касающиеся компоновки материала в некоторых разделах (например, «Исторические памятники. Культура и искусство. Обычай и обряды»), а также наименований некоторых разделов. К примеру, один из наиболее интересных разделов этой работы «Черкесские мамлюки» было бы точнее назвать: «Черкесская династия Бурджи в Египте (1382–1517)». Также обращает внимание, что часть иллюстраций не проаннотирована, восполнение этого пробела было бы весьма ценным с научной точки зрения.

В 21-м разделе (Приложения) помещены тексты, на мой взгляд, компенсирующие отсутствие научного комментария для приведенных источниковых материалов. Это статьи: «Адыги. Историко-этнологический очерк» Б. М. Керефова, К. Х. Унежева, М. М. Хафицэ; «Была такая страна – Черкесия» С. Х. Хотко, «Разбросаны адыги по белому свету» М. М. Хафицэ. В них анализируются наиболее яркие и значимые вехи исторического пути черкесов не только на исторической родине, но и в диаспоре. В очерке В. Ф. Ершова «Россия и черкесский мир: путь в будущее» (стр. 573–599) и заключении к энциклопедии-хрестоматии М. М. Хафицэ «Для дружбы просторы тесны» (619–620) дан анализ современного состояния и перспектив развития многосторонних связей между черкесской диаспорой и черкесами Кавказа, а также взаимоотношений последних с другими кавказскими этносами.

Один из важных выводов, сделанных в хрестоматии-энциклопедии состоит в том, что расширение сотрудничества между черкесами на исторической родине и в диаспорах для воссоединения культурного наследия народов Северного Кавказа на родине и за рубежом может

«внести дополнительный вклад в реализацию программ социально-экономической модернизации России и в решение важных общегосударственных задач в сфере межэтнического и межконфессионального диалога, в укрепление международных позиций нашей страны» (стр. 583). Нет сомнения, что рецензируемая энциклопедия-хрестоматия в решение этой задачи может внести свой немалый вклад. При отсутствии единого для черкесских регионов учебного пособия это издание в значительной степени может восполнить этот пробел, предоставив богатейший исторический материал, освещающий историю черкесов (адыгов) с периода этногенеза до современности. Прежде всего, это издание может занять важное место в системе среднего и высшего образования в республиках и районах компактного проживания черкесов (адыгов) Российской Федерации, став капитальным подспорьем как для преподавателей истории, так и для студентов и учащихся средних школ в изучении истории черкесов (адыгов). При переводе на языки стран, где проживает многочисленная черкесская диаспора (турецкий, арабский, английский) эта энциклопедия-хрестоматия могла бы служить учебным пособием для школ и вузов диаспоры, где изучается история черкесов. Конечно, ее перевод на черкесский язык и включение в систему образования именно на родном языке дали бы значительный импульс и его развитию. Есть надежда, что настоящая энциклопедия-хрестоматия станет отправной точкой для формирования всего портфеля для преподавания истории черкесов и прежде всего учебников, учебных и методических пособий. Скорейшее появление энциклопедии-хрестоматии «Адыги: один из древнейших народов мира» в сфере внимания школьных учителей, преподавателей вузов, учеников и студентов станет большим шагом на пути исторического просвещения подрастающих поколений черкесов как на исторической родине, так и в диаспоре.

РАССКАЗ ЕГЕРЯ

После нескольких дождливых дней установилась ясная погода. Теперь, собрав всё необходимое, можно отправляться в путь. Маршруты выбирать не приходится, так как к урочищу дороги, всё равно, нет. Добраться до него можно только по горным тропам. Они берут своё начало далеко от основной дороги, едва заметной, протоптанной животными и человеком полоской на траве. И до неё ещё далеко. А пока перед тобой – крутой склон, который ты должен преодолеть. Подниматься прямо вверх по такой крутизне нет смысла. Поэтому ты выбираешь лёгкий путь – идёшь зигзагообразно. Поворачиваешь то влево, то вправо, упрощая себе задачу, но удлиняя, тем самым, путь к вершине, и от этих бесконечных переходов наискось ты быстро устаёшь, особенно ноги. Они становятся тяжёлыми, словно наливаются свинцом, подкашиваются и часто скользят по траве. При этом чувствуешь, что перехватывает дыхание, не хватает кислорода, ты дышишь ртом и носом одновременно. Руками хватаешься за низкие космы травы, но это не очень-то помогает, наоборот, устаёшь ещё больше. С тебя льётся обильный пот, ты весь мокрый. Этот солёный пот течёт по лицу, режет глаза. Сердце работает с удвоенной силой, бьётся учащённо, готово в любую минуту вырваться из грудной клетки. К тому же мучает жажда – сухой язык трудно ворочается во рту, кажется даже, что он карябает небо. Невыносимо жарко печёт солнце и, как назло, в воздухе – ни дуновения. Тяжёлый рюкзак с крупными кусками соли прилип к спине. От бессилия и безысходности опускаешься на землю прямо там, где стоишь. И лишь тогда смотришь вверх по склону и видишь, что прошёл и не очень-то большое расстояние, а до основной вершины ещё далеко. Внизу, словно змея, извивается и течёт река, неся с собой холодную, кристально чистую, ледниковую воду. Ты с завистью смотришь на неё, а она всё течёт и течёт, сверкая на солнце, безмятежно отливая синим.

В данный момент у тебя одно единственное желание – бросить всё, подойти к реке, лечь лицом вниз и пить эту воду. Долго, бесконечно долго. Сладкая мечта улетучивается вмиг, когда осознаёшь, что первая твоя цель – вершина, лишь потом идут сброшенная ноша, вода и всё остальное. А чтобы добраться до вершины, надо преодо-

леть ещё несколько возвышенностей, одна круче другой. Времени на отдых нет, до темноты надо успеть посетить и другое урочище.

Нет. Таким способом передвигаться бесполезно. Надо искать удобный путь. Твоё спасение – тропинка, и она, в конце концов, приведёт тебя к отдыху, к небольшой горной поляне. Они, как оазисы в пустыне, где можно отдохнуть и прийти в себя. Эти поляны на покатых боках хребтов бывают большие и маленькие, широкие и узкие. После долгого подъёма по крутому склону, перед тобой открывается совершенно ровное пространство с разноцветным, пёстрым травостоем. И ещё ты слышишь какое-то журчание, чувствуешь запах воды – это родник. У подножья маленького пригорка, из небольшого углубления выходит прозрачная, живительная вода. И здесь же первый зверь, встреченный в пути. Как ни удивительно, но это королева осторожности – рысь. В высоких, густых зарослях травы мелькают её треугольной формы уши.

Поляна, прерываясь в некоторых местах на неширокие, сухие балки и ложась на небольшой подъём по пологому склону, упирается в подножье высокой, отвесной скалы. На этот раз путь лежит по узкой тропинке, в некоторых местах вырубленной в скале человеком. В отдельных местах она настолько узкая, что приходится передвигаться боком, взяв рюкзак в руки – он мешает плотнее прижиматься к скальной стене. Смотришь вниз, и дух перехватывает. От пронзительной высоты может закружиться голова, а внизу – узкое, глубокое ущелье, заросшее кустарниками и низкорослой берёзой, по дну течёт речка. Её не видно из зарослей, только слышно журчание, иногда приносимое порывами ветра. Передвигаешься с трудом, судорожно держась за высохшие остатки кустарника, торчащие из расщелин и трещин камня. Сверху на голову и за ворот рубашки сыпется земля, вперемежку с песком и мелкими камушками. Через некоторое время слышен стук камней обо что-то твёрдое. Это несколько раз, ударяясь о скалу и отскакивая от неё, как мяч, описывая полукруг над головой, летят вниз камни округлой формы. Часто приходится хвататься за острые, как нож, обломки, и руки уже разодраны в кровь. Иногда из-под ног срывается угловатый осколок, летит вниз, отдаваясь громким эхом. В такие моменты молниеносно хватаешься за скальный выступ и висишь, не имея возможности опереться на что-либо. В таком положении долго находиться невозможно. Надо найти силы, отжаться на руках и подняться вверх на маленькую площадку, усыпанную мелкими камушками. Схватиться не за что, и поэтому равновесие терять нельзя – бездонная пропасть напряжённо и внимательно ждёт тебя. Падающий сверху камень, едва не задев тебя, пролетает мимо, как пуля. И ударяясь о ветку дерева, исчезает в густых зарослях орешника.

И здесь, на вертикали, солнце снова горячо. Печёт невероятно. Камень лишён даже подобья прохлады, и скуп на уступы и карнизы, пригодные для передышки. Дальше впереди крутой склон, весь в шрамах обвалов и проплешинах осыпей, скудная крутая поверхность, лишённая растительности, за исключением пары-тройки низкорослых корявых кустов, растущих прямо на тропе. Движение вперёд осложняется горбами затвердевшей на узком проходе песчано-гравийной смеси, серой и шершавой, как бетон. Держа равновесие на карнизе шириной в две ладони, приседаешь на корточки и крошишь наросты руками, кровь течёт из-под ногтей, запекается на чёрных ладонях. Наступать на окаменевшие волны осыпи нельзя – если они небольшие, то достаточно легко сбиваются вниз толчком ноги.

Часто на пути встречаются большие камни, которые приходится с трудом, а порой и с риском, сдвигать, и они, теряя своё привычное местообитание, с шумом и со скрежетом направляются вниз, круша всё на своём пути, разлетаясь при встрече с другими камнями на мелкие куски. Этот участок отнимает много сил и времени. Ветер с высотой усиливается, дует с силой, стараясь сорвать тебя с трассы, то и дело бросая откуда-то сверху столбы пыли. Глаза слезятся, на зубах скрепит песок. Опять мучает жажда. Кажется, силы на исходе, дальше идти нет возможности и желания, путь к вершине всё труднее и труднее, и нет конца и края этому пути. Завершение подъёма – там, наверху – превращается в мечту, но повернуть назад невозможно, обратный путь подобен смерти! По этой тропинке можно подняться только вверх, спуск за пределами труден. Только вперёд и вверх.

Расправляя свои огромные крылья, словно чуя скорую добычу, опускаясь всё ниже и ниже, над тобой кружат горные орлы. И вдруг, здесь, над линией возможного падения, под уходящим ввысь отвесом, вспоминается, как однажды я был свидетелем охоты пернатого хищника. Лиса на пригорке вынюхивала, рыскала и что-то явно искала. И паривший над ней орёл уже начал приноравливаться к атаке, начал менять высоты, несколько раз поднимаясь и опускаясь над рыжей. Наконец, охотничьи инстинкты дали сигнал – птица, взмыв высоко вверх, сложила крылья и стрелой спикировала на добычу. Но лиса, меняя направления, несколько раз уходила от нападения, и, в конце концов, даже ранив зверька, орёл остался ни с чем. Почему я вспомнил? Да, я вспомнил именно тот момент, когда царь небес, легко взмахнул огромными крыльями и во мгновение ока поднялся над хребтами.

... А ты здесь поднимаешь голову и с надеждой смотришь на вершину. Как младенец на мать, думая, что она своими руками поднимет тебя, и ты окажешься в её объятиях. На вершине дерева, раска-

чиваясь на ветру, словно флаги на башнях, зовут тебя к себе. Силу и уверенность придаёт лишь цель, уже бездумная цель без оправдания и мотивации – дойти до маленькой площадки на самом пике, дойти просто так, чтобы дойти. Думая об этом, сам не замечаешь, что делаешь шаг вперёд – правильный и верный. Остался один рывок.

Скала кончилась, тропинка резко расширяется. Свежий, прохладный ветерок бьёт в лицо. Слева у подножья скалы видны заросли малины. Несколько куропаток, испугавшись неожиданной встречи с человеком, медленно, с трудом взлетев, садятся на вершину соседнего холма. Всё громче и громче слышно журчание быстрого горного ручья. Справа, напоминая островок среди безбрежного зелёного моря, блестя на солнце своим синим горбом, лежит ледник, который образовался в углублении крутого горного склона. Где-то, у самого дна ледника, шумит талая вода и, собираясь в ручеёк, незаметно исчезает среди камней. Дальнейший путь лежит по ноздреватому льду. Чтобы подняться до его выгнутой спины, приходится ставить плоские камни друг на друга и карабкаться по ним.

Надев на ботинки кошки, идёшь, точнее, ползёшь вверх по синей подтаявшей массе, делая ножом углубления для рук и вонзая металл в рыхлый лёд. Скользя и падая, едва не срываясь, продвигаешься всё выше и выше, доходишь до середины ледника, куда не падают солнечные лучи, а лёд твёрдый и очень скользкий. Здесь надо хорошо обдумать дальнейший ход действий. Но на размышления нет времени, ледник – не то место, где можно медлить, его округлое тело коварно, может в любой миг дать трещину, расколоться, рухнуть вниз, в пропасть. Карабкаешься, вырезая ножом ступеньки, ожесточённо вгрызаясь кошками. И ты почти преодолел коварную гладь. Но это горы. Это лёд! В какой-то момент происходит непредвиденное, ты срываешься и скользишь по гладкому и ровному, как стекло, скосу. Вонзаешь нож, но от этого лишь разлетаются в разные стороны кусочки льда. Зацепившись обеими руками за нож, пытаешься остановиться, но нож скользит, оставляя на поверхности узкий, рваный шрам, да и рюкзак предательски тянет вниз. На этот раз тебе никто и ничто не поможет.

Но чья-то невидимая рука останавливает тебя – ты упёрся ногой в единственный каменный выступ на всём пространстве ледника – край скалы, торчащий из полупрозрачной толщи. С удвоенной силой, но очень осторожно, верными и энергичными движениями взбираешься на верхнюю площадку ледника. Здесь место ровное, можно твёрдо стоять на ногах.

Дальше надо подниматься уже другим способом. Закидывая вверх верёвку, чтобы зацепиться за ствол наклонившейся берёзы, замечаешь, что не только руки в крови, она, медленно, но беспрерывно

сочится и из-под ногтей. Закинув верёвку на дерево и убедившись, что она держится крепко, поднимаешься вверх, упиравшись ногами в стенку скалы. И слышишь справа от себя сухой треск. Это льдина, приросшая к скале, не выдержав своей тяжести, чуть задев за локоть, ударяясь при этом о выступы скалы, летит вниз и падает прямо на ледник. От этого удара от ледника откалывается огромная глыба, которая, медленно набирая скорость, поворачиваясь то влево, то вправо, при этом издавая своеобразный звук при скольжении по льду и камням, устремляется вниз. Встретив на своём пути ледяной трамплин, отрывается от земли и всем своим весом ударяется об острые углы большого камня, и разбивается вдребезги. При этом над камнем образуется пыль из мельчайших кусочков льда, которая, преломляясь в лучах солнца, образует подобие радуги. На месте отколовшейся льдины появляется открытое место с засохшими и приплюснутыми к земле остатками растений каких-то цветов жёлтого цвета. Привет от прошлой весны! Этот переход был самым коротким и опасным. До вершины осталось преодолеть небольшой подъём по лесу.

Ты, как победитель, смотришь вниз и мысленно проходишь свой путь от подножья до вершины. Всё произошло так быстро, что почти не ощутил и не запомнил трудности и опасности пути. Так кажется на первый взгляд. На самом деле путь был тяжёлым, долгим и изнурительным. Но какое теперь дело до препятствий – цель достигнута, островерхий пик покорён. Далеко-далеко, как на ладони, видно село, похожее на географический школьный план местности, с расчерченными улицами и переулками. Баксан, со своими многочисленными притоками, течёт и бурлит внизу. Перед глазами стоит марево. От этого кажется, что всё вокруг – дороги, горные тропы, соседние останцы, напоминающие замок, остроконечные, саблевидные скалы, поляны, непрерывная, бесконечная, уходящая вдаль горная цепь с вечными снегами и ледниками, реки, леса – всё в природе находится в движении. Как-то бессвязно и неожиданно понимаешь, что в горы вновь пришла весна.

Небольшой спуск по ровной, цветущей, усыпанной сосновыми шишками поляне. По обеим её сторонам, выстроившись в ряд, как в почётном карауле, стоят высокие, оранжевые стволы. Белка берёт то одну, то другую шишку, услышав шаги, быстро взбирается на дерево. Подождав немного, виляя пушистым хвостом, ловко прыгает с ветки на ветку и исчезает из виду. Впереди горная ложбина, сплошь покрытая лесом, посередине которой вытянулся небольшой гребень. У его подножья – водопад и неглубокая котловина, небольшое проточное озеро. К воде, окружённой камнями и зарослями борщевика, спустились с гор кавказские туры, с характерными дугообразными, ребристыми рогами. Козы с турятами, и среди них выделяется боль-

шой, с рыжеватой бородой самец-вожак. Так везёт лишь один раз в жизни – даже человеку, проводящему большую часть своей жизни в горах – это целый парад. Братья наши меньшие словно поджидали тебя. Немного отстав от туров, неторопливо идут пугливые, настороженные серны, и даже лиса с пушистыми, но не до конца пролинявшими боками и хвостом. Жажда сближает животных, но не человека. Лиса смотрит испуганными глазами, пятится назад, резко поворачивается и быстро исчезает в густых зарослях барбариса. Увидев незнакомца, серны быстро, в несколько прыжков, покидают водоём и оказываются на опушке леса. Туры не очень-то боятся, может, сталкивались с людьми, утолив жажду, покидают водопой.

Разложив куски соли по удобным для четвероногих местам, отправляюсь в другое урочище – в верхнем течении Гестенти. Путь лежит по тропинке, которая прорезает небольшую ложбину почти поперёк. Сразу за рекой открывается широкое ущелье, ведущее к сенокосам. Слева от дороги – высокие отвесные скалы, с неглубокими пещерами у подножий. Справа крутой склон, лес ближе к вершине. Прямо, далеко впереди, простирается высокий хребет, похожий на крепостную стену. Вот такая небольшая экскурсия, повседневная работа егеря – если он, конечно, настоящий егеря.

И сегодня, как всегда: в горах не обходится без приключений. И на этот раз, как вчера, как завтра, как, надеюсь, будет ещё много лет. Остаток дня проводишь в другом урочище, под вечер выходишь из лесу. Навстречу дует прохладный ветерок. Луна один раз появилась, затем вовсе исчезла. Занятый своими мыслями, не сразу замечаешь, что следом идут, хотя не очень близко, шакалы. Вначале они не выдают себя. Через некоторое время нерешительно, но понемногу начинают выть. Ускоряешь шаг, но хищники всё равно держатся рядом, в темноте слышны их визги. И видны их зрачки, которые светятся в темноте ярко-жёлтым. Интересно, сколько должно быть шакалов, чтобы они осмелились напасть на взрослого мужчину? Но эти реально проявляют агрессию: рычат, оказываясь поближе ко мне, огрызаются и даже палки и камни, летящие в их сторону, только злят животных. Да ну их к чёрту! Справа, у скалы, тропинка сужается – место не для стаи. Сворачиваешь туда и переходишь на бег. Там, в конце тропы, ты оказываешься на широкой поляне, заканчивающейся уступом, на котором жуёт траву, дышит теплом, топчет и блеет овцеводческая ферма. Отсюда видны многочисленные огни села и свет автомобильных фар, бегущих по трассе. Шакалы исчезают. Ты выходишь на основную дорогу, из-за облаков появляется полная луна, и уже совсем не хочется сравнивать мелких псов леса и ямковатый неверный лёд на скальном хребте.

ТЕМБОТ КИМОВ – ПОЛКОВНИК, ПОЭТ, ДРАМАТУРГ

Великая Отечественная война с каждым годом открывает все новые и новые страницы невысказанных трагедий, подвигов и неожиданных поворотов судьбы. Одним из таких примеров является жизненный путь «первого полковника-адыга» – Тембота Эльмурзовича Кимова, который, если бы не война, наверно, стал бы не менее талантливым поэтом и драматургом, чем военным. Но судьба распорядилась иначе. Родственники поэта-полковника представили нам несколько страниц непростой биографии разведчика-артиллериста.

Т. Э. Кимов

Автобиография

Я, Кимов Тембот Эльмурзович, родился в 1911 году в семье крестьянина-батрака в селении Анзорей Лескенского района КБАО.

Отец мой, будучи сиротой, с малых лет батрачил у кулаков и помещиков. В 1910 году с помощью двоюродных братьев построил дом и женился, но, не имея земли и средств для ее обработки, продолжал работать в наймах до установления Советской власти в Кабарде.

После свержения власти помещиков и капиталистов мой отец, с помощью комитетов крестьянской взаимопомощи и Советского государства, приобрел тягловую силу, получил землю (она уже распределялась по душам) и начал вести крестьянское хозяйство самостоятельно. Хозяйство наше считалось бедняцким и от сельскохозяйственного налога было освобождено. В 1924 г. наша семья вместе с другими хозяйствами переселилась в Псыкод (тогда происходило расселение больших населенных пунктов для удобства обработки массивов посевной площади, ранее принадлежавших помещикам). До 1930 года отец продолжал вести крестьянское единоличное хозяйство. В 1930 году, когда началось колхозное движение, отец вступил в колхоз.

Сам я до 1926 года учился в сельской школе, в 1927 году учился в станице Ново-Ивановской Прималкинского района, куда меня определил отец для изучения русского языка и культуры. В сентябре я вступил в комсомол, после чего меня отправили в

Баксанский интернат, где я проучился 13 месяцев. До ноября 1932 г. я учился в педтехникуме ЛУГа города Нальчика (это был учебный комбинат интернатного типа, куда принимались дети бедняков, батраков, сироты). После его окончания добровольно поступил в Красную Армию.

После годичной подготовки в 28-м артполку в сентябре 1933 года я поступил в Первую Киевскую артиллерийскую школу, которую окончил в ноябре 1936 года по первому разряду. На должностях командного состава служил в разных подразделениях:

– с марта 1937 г. по август 1933 г. – в Кавалерийском полку в Нальчике;

– в ноябре-феврале 1937 г. – в 22 артиллерийском полку (АП) в Краснодаре;

– с августа 1938 г. по декабрь 1939 г. – в городе Овруч на должности командира батареи, и в составе этого полка освобождал Западную Украину;

– с января 1940 г. по декабрь 1941 г. – в 119-й стрелковой дивизии командиром батареи, начальником штаба дивизиона, позже – помощником начальника штаба артиллерии дивизии. В ее составе участвовал в борьбе с белофиннами. С этой же дивизией вступил в Отечественную войну;

– с января по май 1942 г. служил в штабе артиллерии 31-й армии в должности помощника начальника Разведывательного управления;

– с мая 1942 г. по декабрь 1943 г. – начальник разведотдела;

– с декабря 1943 г. по август 1944 г. – начальник штаба артиллерии 71-го Стрелкового корпуса 31-й армии;

– август 1944 г. – январь 1945 г. – командующий артиллерией 62 стрелковой дивизии; начальник штаба артиллерии 71 СК;

– январь – февраль 1945 г. – начальник штаба артиллерии 44 СК;

– июнь 1945 г. – ноябрь 1946 г. – начальник оперативного отдела штаба артиллерии Центральной группы войск (ЦГВ);

– декабрь 1946 г. – март 1947 г. – командир 179 Противотанкового артиллерийского полка (ПАП) 328 КАБр;

– март – июнь 1947 г. – начальник РО штаба артиллерии ЦГВ;

– июнь 1947 г. – ноябрь 1949 г. – командир 331 артиллерийского полка 128 горно-стрелковой дивизии в городе Ужгород;

– с декабря 1949 г. – зам. командира 329 КАБр 34 СК и исполняющий обязанности командира бригады с момента прибытия в бригаду.

Мои родители с 1930 по 1932 год работали в колхозе, в 1932 г. отец, по выдвижению местных организаций, был послан на работу

– строительство спиртового завода в пос. Докшукино нашего же района, где проработал на разных должностях до 1941 года. В июне 1941 года отец умер.

Мать моя находится на моем иждивении. Два моих брата участвовали в Отечественной войне – один погиб, а другой после тяжелого ранения в 1943 году уволен из армии. Третий брат – 1929 г. рождения учится в Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова.

Из моих родителей и родителей жены за границей никто не проживал и не проживает. Сестры (две) одна замужем в Докшукино, другая вдова в Баксане.

Сам я под судом и следствием не был, в окружении не был. В Отечественной войне с июня 1941 г. до ее окончания.

Я член ВКП (б) с февраля 1943 года. Участвовал в работе партийных органов – в течение 1948-1949 гг. был членом окружной партийной ревизионной комиссии Ужгородского окружкома ВКП (б).

*Тембот Кимов,
зам. командира корпусной артиллерийской комиссии
Ужгородского окружкома ВКП (б). 30 августа 1950 г.
Собственноручную подпись полковника Кимова удостоверяю:
помощник начальника по учету 34 гвардейского стрелкового
корпуса майор Гезин, сентября 1950 г.*

На литературном поприще

Тембот Эльмурзович Кимов (1911-1980) – кабардинский поэт, драматург. После окончания ЛУГа в 1932 году вступил добровольцем в Красную Армию. Окончив Киевскую артиллерийскую школу, служил на разных командных должностях, участвовал в боях с белофиннами. С первого дня Великой Отечественной войны Кимов был на фронте. Вступив в войну в звании старшего лейтенанта, завершил ее в звании полковника и в должности начальника штаба стрелкового корпуса. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны первой степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. В послевоенные годы Кимов много сил и энергии отдал делу воспитания и боевой выучки воинов Вооруженных Сил на должностях командира бригады, начальника курсов усовершенствования офицерского состава. Будучи в отставке, несколько лет работал в республиканском штабе гражданской обороны.

При отсутствии в довоенные годы профессионального театрального искусства, Кимов был одним из первых самодеятельных драматургов, режиссеров и актеров. Будучи курсантом ЛУГа, Кимов написал несколько пьес, которые ставились тут же, своими силами,

а также в селах Кабардино-Балкарии. Одна из них – пьеса «Старики» (в соавт. с А. Березговым) была показана на олимпиаде, проходившей в Нальчике в 1932 г.

Драматургическая коллизия пьесы была построена на приеме возвращения с «того света» старика-горца, попавшего в советскую действительность. Не зная о ликвидации старого режима и победе советского строя, находясь во власти старых представлений, он попадал в неловкие и смешные положения. Пьеса носила острый комедийный характер и имела большой успех.

Кимов писал и стихи. В стихотворениях «Горянка», «Кооперация», «Коллективно пахать – получать богатый урожай», «Дети, внимание!» и др. воспевал созидательную жизнь тех лет, показывал преимущества нового общественного строя перед старым, призывал к активному участию в происходящих переменах.

Разведчик-артиллерист

Когда в 1911 году в семье крестьянина-батрака Эльмурзы Кимова родился сын, отец и не предполагал, что он станет первым полковником в республике, и, несмотря на испытания, жизнь его сложится намного лучше, чем его собственная.

Отучившись в Ленинском учебном городке, в 1932 году Тембот добровольцем ушел в Красную Армию, затем окончил Киевскую артиллерийскую школу, участвовал в войне с белофиннами. В начале июня 1941 года молодой офицер Кимов ехал домой. Несколько лет назад он сдал экзамены в артиллерийскую академию им. Дзержинского. Впереди его ждала учеба в Москве. Но грянувшая война изменила всю жизнь.

Едва погостив в родном доме в Псыкоде, старший лейтенант Кимов снова отправился в путь. Не в академию – в часть. Неподалеку от Свердловска он догнал свой эшелон, направлявшийся на фронт. А уже 6 июля 11-я стрелковая дивизия, в которой он был помощником начальника штаба артиллерии, начала боевые действия.

Как только дивизия высадилась в районе станции Земцы Калининской области, командующий артиллерией полковник Найденов поручил группе разведчиков во главе с Кимовым установить местонахождение противника, направление удара, уточнить его огневые средства.

...Всю ночь разведчики шли лесом. Фашисты, расположившись за тихой речушкой, по всей видимости, пока не собирались наступать, а только стягивали силы. Узнать, сколько времени так будет продолжаться, какие намерения у врага, было непросто. Однако задание они выполнили. По добытым сведениям в штабе армии был разработан план действий.

...Сорок первый год. В трудные дни отступления 119-я стрелковая дивизия 31-й армии предприняла контрнаступление западнее г. Калинина, в результате чего немцы были отброшены на несколько километров, захвачен штаб немецкой дивизии. Во время операции наша артиллерия не только блокировала все попытки противника прорвать фронт на флангах, но и надежно прикрыла тех, кто уже успел овладеть передним рубежом обороны гитлеровцев. Разведчики накануне добыли все необходимые сведения, а в ходе боев оперативно и точно корректировали артиллерийский огонь.

Вскоре Кимов с тремя разведчиками ушел на новое задание: перейти линию фронта и уточнить данные о местах скопления вражеских подразделений. Смелчаки скрытно пробрались в тыл противника, прошли более восьми километров. Пока все складывалось благополучно. Возвращаясь домой, разведчики внезапно наткнулись в лесу на группу фашистов. По команде Кимова бойцы открыли огонь. Пятеро немцев упали, остальные разбежались. Среди убитых оказался унтер-офицер. Прихватив его полевую сумку, разведчики скрылись. За этот рейд и добытые сведения все были награждены медалями «За отвагу».

В первых числах января 1942 года капитана Кимова перевели в штаб артиллерии армии. В дальнейшем он участвовал в наступательных операциях на Калининском, 3-м Белорусском, 1-м Украинском фронтах.

В августе 1943 года Тембота Эльмурзовича назначили начальником штаба артиллерии стрелкового корпуса. Вот что сказано о нем в боевой характеристике: «Кимов ... в боях показал себя мужественным и бесстрашным командиром. Дисциплинирован, требователен к себе, к своим подчиненным. Решителен и настойчив, грамотный командир-артиллерист. Умело и правильно может организовать артиллерийское обеспечение любой операции во всех видах боя».

При наступлении в районе городов Ярцево и Смоленск Кимов умело руководил системой организации разведки и наблюдения за противником. При его непосредственном участии вся артиллерия врага подавлялась артиллерийской группой дальнобойного действия. Он отлично командовал 329-м отдельным армейским разведывательным дивизионом, работа которого отличалась точностью по определению координат артиллерийской позиции противника. За проявленные мужество и отвагу при освобождении этих городов он удостоен ордена Отечественной войны первой степени.

В декабре 1944 года командующий артиллерией 62-й стрелковой Борисовской Краснознаменной дивизии Кимов удостоился ордена Красного Знамени за умелую подготовку артиллерийского наступления, в результате чего их часть быстро продвинулись вперед.

И еще один эпизод из фронтовой биографии нашего земляка. В январе 1945 года в районе города Голдапа немцы задумали ночную контратаку. Около двухсот танков с зажженными фарами двинулись на позиции, рассчитывая прорвать фронт на узком участке. Утром, когда бой затих, на поле сражения насчитали десятки подбитых танков. За мужество, проявленное в этом бою, Т. Э. Кимов удостоился еще одной награды.

На его счету участие в прорыве глубоко эшелонированной обороны противника на Оршанском направлении, в форсировании Березины и овладении городами Борисовом, Минском, Лидой, в успешном форсировании Немана и прорыве обороны противника на западном берегу, овладении городом Хайлигенбайль и при разгроме восточно-прусской группировки немецких войск юго-западнее Кенигсберга. О его боевых делах убедительно говорят 6 орденов и 12 медалей, многочисленные благодарности Верховного командования.

Великую Отечественную Тембот Кимов окончил в звании полковника и должности начальника штаба стрелковой дивизии. Будучи в отставке с 1957 года, он несколько лет работал в республиканском штабе гражданской обороны, был членом комитета содействия при Нальчикском горвоенкомате.

Доблестный воин ушел из жизни в феврале 1980 года, оставив о себе добрую память.

БЕСКОРЫСТНОЕ СЛУЖЕНИЕ ЛЮДЯМ

Мустафа Камалович Абдулаев хорошо известен не только в Кабардино-Балкарии, но и далеко за ее пределами. Своей активной и благотворной деятельностью он заслужил непререкаемый авторитет как на официальном уровне, так и у простых людей. Такие качества его характера как ответственность, надежность снискали ему всеобщее уважение, потому не удивительно, что жизнь и деятельность М. Абдулаева привлекали и привлекают внимание многих журналистов, которые писали о нем не только в республиканских, но и федеральных СМИ.

Характер, моральные принципы Мустафы Камаловича сложились еще в детстве, в первую очередь под влиянием родителей, которые воспитывали в своих шести детях лучшие нравственные качества горцев. Главными ценностями в семье считались трудолюбие и честность, уважение и любовь к людям. Эти свойства его натуры со служили ему в жизни добрую службу. Где бы он ни был, чем бы ни занимался, но полученное воспитание, мужской кавказский характер, сочетающий в себе твердость и убежденность, большая внутренняя культура, чувство ответственности снискали ему всеобщее уважение. С Мустафой Камаловичем легко общаться, он контактен, искренен, умеет выслушать собеседника и сам четко и ясно излагает свои мысли. У него никогда не было желания произвести на человека внешнее впечатление. Энергичный, доброжелательный, он всегда ответственно относился к своей работе и в нужный час оказывался в нужном месте. Эти свойства его характера помогли ему завоевать уважение и авторитет у окружающих.

С детства Мустафа Абдулаев мечтал о карьере военного, но начинать трудовую биографию пришлось в кенделенском колхозе, попутно обучаясь в местной семилетке. Еще в юном возрасте, точнее, с двенадцати лет он уже официально числился в колхозе и полноценно выполнял работу колхозника, а это был тяжелый мужской труд: косил траву, заготавливал сено, пас коров и овец. Правда, юноша не собирался всю жизнь оставаться в селе. Хотя он уважал труд сельчан, все же избрал для себя иную стезю, решив поступить в военное училище, чтобы стать военным летчиком. Родители же хотели, чтобы после семилетки он стал портным, как и они сами. Однако вопреки воле родителей сын продолжил учебу в средней школе Баксангэса, успешно окончив ее в 1951 году. Судьба была к нему благосклонна: он сразу поступил в престижное Училище войск противоздушной

*Мустафа Камалович
Абдулаев*

обороны в Гомеле, которое окончил досрочно, получив назначение командиром радиолокационной роты, специальности в то время новой и чрезвычайно сложной и интересной.

Военному делу курсант Абдулаев обучался старательно, со всей серьезностью, прилежно изучая все тонкости своей профессии, отлично усваивая опыт ведения боевых действий. Имея истинное призвание к военному делу, помноженное на терпение и усидчивость в обучении ратному делу, стал бойцом-отличником и талантливым организатором. Его профес-

сиональные и личные качества сослуживцы и военное руководство оценили в должной мере еще в годы учебы.

Хотя на службе дела шли прекрасно, Мустафа Камалович решил продолжить учебу и в 1971 году поступил в Военно-командную академию противовоздушной обороны имени Г. К. Жукова, которую, как и предыдущее учебное заведение, окончил досрочно, за три года и семь месяцев вместо пяти. Годы его военной службы прошли в разных регионах Советского Союза. Ему пришлось сменить «места дислокации» двенадцать раз: Саратов, Красноярск, Пермь, Куйбышев, Пенза, Йошкар-Ола, Свердловск и другие города страны. Он дослужился до полковника, его ратный труд увенчался многими высокими государственными и ведомственными наградами. За годы армейской службы М. Абдулаев подготовил к службе сотни молодых курсантов, причем не ограничивался лишь боевой подготовкой, а постоянно акцентировал внимание своих подопечных на нравственном, патриотическом воспитании, учил самоотверженности, преданности своему делу. Он обучал не только военному делу, но и воспитывал морально-волевые качества молодых офицеров, требуя от них соблюдения норм поведения военного человека в самых разных ситуациях. Придерживаясь твердых морально-нравственных принципов в любом деле, как наставник он обучал этим качествам и своих курсантов и подчиненных. Возглавляемые им подразделения неоднократно выходили в лидеры в соревнованиях и состязаниях специалистов, проходивших в разных военных округах. За высокие достижения в боевой подготовке Мустафа Камалович Абдулаев удостоился орденов Красной Звезды, «За службу», «Слава Нации. Серебряная звезда», шестью государственными медалями и тридцатью шестью ведомственными и юбилейными медалями. Он награжден также орденом «За заслуги перед Кабардино-Балкарской

Республикой». М. К. Абдулаеву присвоено также звание «Почетный гражданин города Нальчика».

Дела на службе шли отлично, Мустафа Камалович не собирався расставаться с армией, но, попав в серьезную аварию, был вынужден выйти в отставку. Оценив сложившуюся ситуацию, решил вернуться на малую родину – Нальчик. Переход к «мирной жизни» для него стал нелегким испытанием. Он ведь оставлял не только любимую военную службу, но и расставался с товарищами, с которыми так сдружился, что и до сих пор с многими из них поддерживает тесные контакты.

И после выхода в отставку в чине полковника Мустафа Камалович не остался без дела, работал на ответственных постах в нескольких организациях Нальчика. Но поскольку с самого детства испытывал непреодолимую тягу к общественной деятельности, решил поработать на этом поприще. Как человека активного, энергичного, инициативного его пригласил в Совет ветеранов войны и труда города Нальчика тогдашний руководитель этой общественной организации Шамиль Шахангериевич Чеченов.

Особенно бурную деятельность М. Абдулаев развернул после своего избрания на пост председателя Совета. С первых дней он стал заниматься совершенствованием деятельности Совета, всегда держал руку на пульсе времени, глубоко вникал в суть перемен в жизни и политике, умел влиять на ситуацию. Руководитель общественной организации сохранил традиции, сложившиеся при Шамиле Чеченове, но актуализировал их, синхронизировал с вызовами времени, чтобы деятельность Совета максимально отвечала сиюминутным запросам жизни. Мустафа Камалович никогда не занимался самопиаром, демагогией, пустыми обещаниями, а стремясь быть максимально полезным для ветеранов и пенсионеров, брался за конкретные дела, взваливал на себя хлопоты по решению чьих-то проблем. Он вникал во все тонкости дела, владел всей полнотой информации, касавшейся и многочисленных подведомственных организаций, а сегодня их 79. Причем сведения получал не из чьих-то уст, а изучал положение дел на местах. А поскольку не всякое дело решается быстро, он следил за его исполнением, строго контролируя людей, на кого возложил ответственность за его выполнение. Главной задачей Мустафа Камалович считает заботу о ветеранах и пенсионерах (а сегодня их под началом М. Абдулаева около двадцати тысяч), к материальному и душевному благополучию которых всегда относится трепетно, стремится облегчить тяготы их бытовых и житейских проблем. Это снискало ему уважение со стороны пенсионеров, число которых в организации неуклонно растет. Не случайно возглавляемый им Совет признан самой эффективной организацией в республике, до конца выполняющей свои задачи.

Одной из самых важных обязанностей Совета его руководитель считает выполнение священного долга перед погибшими в Великой Отечественной войне, а также ныне живущими участниками войны, которые в полной мере чувствуют заботу о себе и своих близких. Огромное значение он придает и воспитанию подрастающего поколения, организовывая мероприятия, носящие военно-патриотический характер, проводя уроки мужества в средних и высших учебных заведениях республики.

Попасть к М. К. Абдулаеву можно в любое время, а его телефоны связаны с ним напрямую, без посредничества секретаря. Он всегда готов выслушать любого посетителя и помочь ему. Чаще всего к нему обращаются по вопросам ЖКХ или связанным с лечением на курорте. Будучи обязательным человеком, обладая трезвым взглядом на жизнь, он никогда не обещает золотые горы, но всегда выполняет по максимуму то, что возможно в данных условиях, не оставляя без внимания ни одно обращение просителей. Он успешно разрешает конфликты, «разруливает» сложные ситуации, защищает тех, чьи права ущемляются.

Всю жизнь Мустафа Камалович следует самым высоким нравственным принципам, потому пользуется доверием людей, интересы которых отстаивает на разных уровнях и в разных инстанциях. Он сумел добиться высочайшего авторитета, к его мнению прислушиваются руководители республики, парламентарии, представители властных структур. М. Абдулаеву приходилось выступать на высоких форумах, в частности, перед президентом РФ В. В. Путиным, премьер-министром Д. А. Медведевым, другими высокопоставленными официальными лицами, и всегда он находил у них понимание и поддержку. Он никогда не прикрывался трудностями времени, не сваливал вину на конкретных людей, а делал все возможное для решения проблем. В этом помогал его колоссальный опыт работы с людьми. Мустафа Камалович часто выступает с трибуны, поднимая острые вопросы, принимает активное участие в подготовке разного рода мероприятий, входит в состав множества официальных делегаций и комиссий. Его встречи с первыми лицами страны и республики также благотворно сказались на деятельности Нальчикского совета ветеранов. Его волнует не только судьба конкретных людей, высшей целью своей жизни он считает укрепление мира, дружбы, согласия и взаимопонимания между народами и вообще людьми.

Народ признал его заслуги, инициативность, социальную активность, и это позволило ему неоднократно быть избранным депутатом городского совета Нальчика. Полномочия депутата он использует также на благо Совета ветеранов и пенсионеров г. Нальчика, поскольку они позволяют решать многие серьезные задачи, стоящие

перед организацией. Причем в выигрыше остаются обе стороны. Люди благодарны ему за оказанную помощь, М. Абдулаев же получает от этого глубокое удовлетворение, поскольку природа его такова, что он не может жить без заботы о ближних.

Энергичный, доброжелательный, с репутацией глубоко порядочного человека, Мустафа Камалович Абдулаев служит своего рода катализатором, активизирующим и других людей на гражданские поступки. Его здоровый оптимизм благотворно влияет на окружающих, поскольку им всегда движет позитивная энергия. Председатель Совета сумел окружить себя единомышленниками, надежными, преданными товарищами, с которыми давно работает и, хорошо зная по деловым и моральным качествам, может на них положиться. А это – главные слагаемые характера общественного деятеля, лидера. Руководитель Нальчикского совета ветеранов всегда поддерживает позитивную инициативу своих соратников, а они, в свою очередь, стараются оправдать его ожидания. Он с большим удовольствием перечисляет имена тех, кто помогает в его нелегком деле. Это актив общественной организации: Совет, Бюро и аппарат, люди с большим жизненным опытом, отличающиеся высоким профессионализмом и человеческими, душевными качествами. Список этот немаленький, среди них: Шурдумов Хасан Исмаилович, Тешев Анатолий Шахбанович, Давыденко Лидия Александровна, Эфендиев Феликс Батиевич, Гончаров Сергей Борисович, Пшихачева Лейла Хасановна, Карданова Эмма Павловна и многие другие.

Мустафа Камалович получает глубокое удовлетворение, когда решается очередная проблема, стоящая перед Нальчикским советом ветеранов войны и труда, воспринимая это как выполнение своего долга перед людьми, которые доверили ему защиту своих прав и интересов.

*Пишкан ТАОВ,
академик РАЕН,
заслуженный деятель науки РФ*

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ – НА СЛУЖБУ ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ

Сегодня наука впервые в стране вышла в ранг ключевых национальных приоритетов. Для ее развития создан отдельный национальный проект. Как заявили его разработчики, «важно активное участие всех субъектов РФ, которые на своем уровне подхватят федеральные форматы и будут развивать их на местах». Прорыв в технологиях, экономике и достижении социального прогресса возможен лишь при высокой востребованности науки в обществе. И год Науки и технологий должен

был способствовать изменению ситуации в данной сфере, и обязывает более пристально ее проанализировать, чтобы по-новому оценить развитие научной мысли и технологический прогресс в КБР.

Экспертно-аналитический совет при Главе КБР за время своей деятельности не однажды обращался к вопросам состояния науки в Кабардино-Балкарской Республике и перспективам ее развития. Так как его задача – грамотно и аргументированно, именно на научной основе, искать пути решения всего спектра проблем, затрагивающих разные сферы жизни нашей республики. В его состав, наряду с ведущими учеными НИИ и вузов республики, входят практические специалисты и представители бизнес-сообщества. По существу, Совет – это площадка по разрешению задач с учетом мнения ученых, представителей общественности, законодательной и исполнительной власти, профессионалов в различных сферах деятельности.

К сожалению, реформирование российской науки в последние годы привело к отрыву ее от реального сектора экономики, что отчетливо видно и на примере КБР. Наука в Кабардино-Балкарии не является драйвером ее социально-экономического развития. Ее престиж находится на невысоком уровне. Обладая уникальными природными ресурсами и достаточным научным потенциалом, республика отстает от других субъектов РФ по уровню социально-экономического развития. Только те регионы, которые уделяют серьезное внимание научным исследованиям, успешно осваивают новейшие наукоемкие технологии, предоставляя для этого достаточные финансовые, производствен-

ные, интеллектуальные средства, занимают ведущие позиции в стране. Это очевидно, что уровень науки и технологий тесно связан с общим состоянием экономики и качеством жизни населения в регионе.

Анализируя тенденции научного и инновационного развития нашей республики в региональном контексте, приходим к выводу, что наука у нас остается преимущественно бюджетной, и доля бюджетных вложений, по сравнению с другими регионами, невелика. Хотя по данным статистического наблюдения внутренние затраты на научные исследования и разработки возросли, Кабардино-Балкария, как и большинство регионов Северного Кавказа, сохраняет бюджетную зависимость финансирования НИР более, чем на 70%.

Особо следует остановиться на вопросе перевода нашей экономики на инновационные рельсы. Сегодня имеются базовые условия для перехода экономики КБР на инновационный путь развития. Принят Закон «Об инновационной деятельности в КБР» от 29.06.2002 № 39-РЗ, работает 18 организаций, занимающихся научной деятельностью, образован Общественный Совет при Правительстве КБР по научно-технологическому развитию. Однако по-прежнему наблюдается неэффективность инновационной системы КБР, в том числе и законодательства, инфраструктуры трансферта технологий из науки в производство. Наука ориентирована на инновационное развитие лишь декларативно и по-прежнему не имеет механизмов интеграции с бизнесом, что свидетельствует о ее низкой востребованности экономикой республики. А ведь одной из главных функций науки является производственная. Поэтому реальному сектору экономики нужны стимулы, чтобы вкладывать средства в науку. Сейчас доля бизнеса в финансировании науки в России в целом не превышает одной трети, остальное дает бюджет, в то время как в ведущих странах мира, наоборот, около двух третей вкладывает бизнес. Научные учреждения КБР практически не включают в свои исследовательские разработки темы, необходимые для инновационного развития отраслей промышленности и сельского хозяйства региона. Нет и серьезных разработок или изысканий, направленных на решение ряда проблемных вопросов, поставленных в Ежегодном послании Главы республики Парламенту КБР и отраженных в плане работы Экспертно-аналитического Совета. Серьезным научным экспертизам не подвергаются целевые программы, что сказывается на качестве их реализации. И хотя модернизация промышленного комплекса по заявлению Минпромторга КБР идет по пути перестройки структуры промышленности в сторону увеличения удельного веса наукоемких, высокотехнологичных производств, наши НИИ и университеты пока не обеспечивают значимый вклад в инновационную деятельность предприятий. Наиболее заметный канал по предложениям в инновационной сфере в виде идей и технологий для производителей представляют зарубежные разра-

ботчики или крупные НИИ России. Совместные проекты с научными организациями реализуют лишь некоторые промышленные предприятия КБР. К тому же соотношение общего числа ученых и числа занятых в экономике КБР практически в два раза ниже, чем в среднем по России. А согласно данным Агентства «РИА – Рейтинг» республика по развитию научно-технического прогресса занимает место лишь в шестом десятке рейтинга регионов РФ.

Между тем, Кабардино-Балкария обладает необходимыми возможностями, чтобы быть в сфере науки на достойном месте. Сегодня нужно думать не только о преодолении кризиса, вызванного пандемией, но и о будущем развитии, о стратегии этого развития, которая воплощена в системе национальных проектов. Как отметил президент РФ В. Путин, «знания, технологии, компетентные кадры – это основа для реализации наших национальных проектов, для достижения стратегических целей». Значимая роль науки может состоять и в разработке социальных стандартов устойчивого развития территорий. А развитие научного пространства позволит по-новому взглянуть и на регион, и на его потенциал в целом. Надо признать, что у ученых КБР есть интересные разработки в самых разных сферах, но, к сожалению, на них нет спроса в республике. Имеется проблема и с доведением результатов научных исследований до реализации их на практике. Как пример можно привести тот факт, что ряд проектов, ставших победителями недавней 14-й выставки инновационных проектов в КБГУ, не удостоился внимания со стороны наших предприятий и фирм.

А ведь перестройка структуры экономического комплекса республики в сторону увеличения веса наукоемких, высокотехнологичных производств существенно повлияет на увеличение темпов роста производства. Сегодня во всем мире идет четвертая промышленная революция. Взамен традиционных технологий появляются все новые, основу которых составляют системы искусственного интеллекта. И открытие в республике аналогичного института, несомненно, послужит скорейшему решению ее актуальных проблем.

Вместе с тем дальнейшее экономическое развитие всех отраслей КБР без существенного вклада науки представляется затруднительным. Сегодня требуются принципиально новые, абсолютно нестандартные подходы, которые может дать только развитие науки, технологий, инноваций. Модернизация экономики и развитие конкурентоспособного наукоемкого производства по-прежнему остается основной задачей.

Особенно это касается разработки современных конкурентных агротехнологий в АПК, который является отраслевым флагманом республики. Сохранить хорошую динамику в аграрном секторе, которая наметилась в последнее время, можно только при наличии современной научной базы. На первый план выдвигается проблема качества сельхозпродукции,

а не простое увеличение урожайности культур. Необходимы и новые технологии переработки и хранения сельхозпродукции, что позволит выйти на перспективные аграрные рынки. Сегодня мало дать сельхозпроизводителям хорошие сорта, нужно еще реализовать этот потенциал на практике. Однако сельскохозяйственная наука республики еще не стала производительной силой агропромышленного комплекса. Говоря о полноценной инфраструктуре отрасли, в первую очередь следует подразумевать возрождение современных станций семеноводства, плодопитомников, племстанций, которые напрямую могут влиять на повышение культуры земледелия и животноводства, на сельскохозяйственную продуктивность. По данным Минсельхоза КБР, в республике 17 хозяйств занимаются племенной работой. Однако достигнуть впечатляющих результатов в этой отрасли пока не получается, так как по своим финансовым, технологическим и инфраструктурным возможностям все они уступают системообразующему крупному предприятию племстанции с современным научным потенциалом, способным привести инновационный механизм в действие. На сегодняшний день основным вектором развития сельского хозяйства республики, как и всей страны, является цифровизация. Цифровые технологии позволят АПК совершить мощный прорыв. К сожалению, процесс идет очень медленно. Своих научных разработок практически совсем немного, не хватает IT-специалистов, да и мелкие фермерские хозяйства не могут позволить себе применение цифровых технологий. Но спрос на них растет. Для цифровизации сельского хозяйства необходима серьезная кадровая переподготовка. Необходимы и специалисты, те, что будут внедрять новые технологии в сельскохозяйственное производство. Поэтому следует сформировать государственный заказ нашему аграрному вузу. Его научные исследования и образовательные программы должны учитывать не только нынешние запросы рынка и республики, но и перспективу. Поэтому Минсельхозу КБР совместно с Министерством образования, науки и по делам молодежи и Министерством цифрового развития республики целесообразно создать отраслевую платформу для обеспечения обсуждения задач по развитию цифровизации АПК. Ученые Кабардино-Балкарии должны принять самое активное участие в переходе сельскохозяйственной отрасли на «цифру».

С 2020 года в Кабардино-Балкарии действует государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», которая является социальным ориентиром и призвана улучшить качество жизни сельчан. Сегодня эта сфера также нуждается в новом инновационном подходе к решению поставленных задач. Отсюда следует, что с/х наука должна стать комплексной. Если достижения науки и техники используются комплексно, то они способствуют переводу сельскохозяйственной отрасли на индустриальную основу и при этом материально-де-

нежные расходы значительно ниже, чем при внедрении отдельных элементов. К тому же недавно принятое решение о продлении реализации Государственной программы по научно-техническому прогрессу развития сельского хозяйства до 2030 года также должно оказать существенное влияние на социально-экономическое состояние региона. Особо следует уделить внимание ее новым номинациям. Участие в подпрограммах по развитию виноградарства и семеноводства масличных культур весьма предпочтительно для республики. Актуальным остается вопрос кадрового пополнения науки республики. Как экономист отношу к проблеме недофинансирования научных исследований и научной инфраструктуры. Как следствие – невысокие реальные зарплаты научных сотрудников. Вкупе с неявными карьерными возможностями это влечет низкую привлекательность республиканской науки для молодых людей. К тому же основная часть талантливой молодежи с большей отдачей реализует себя в столице и крупных городах России. Весьма показателен тот факт, что три новых научно-инновационных центра, открытых Кабардино-Балкарским отделением Российской Академии наук, испытывают трудности с укомплектованием научными кадрами, особенно молодыми. Что касается заинтересованности студентов в научных исследованиях, то она скорее держится на энтузиазме, а не на материальном интересе, а энтузиастов в наше время не так уж много. Молодые люди должны видеть, что они могут быть успешными в республике. И сплав вузовской науки и производства может принести очевидную выгоду. Молодым ученым необходимо предоставлять доступ к новейшему оборудованию, а в образовательных учреждениях создавать комфортную среду для технологического предпринимательства. К тому же необходимо серьезно заниматься популяризацией науки. Тем более, что у ученых республики есть важные научные достижения, о которых сегодня мало говоря и знают. Поднятию престижа республиканской науки, несомненно, послужит и учреждение ежегодной премии Главы КБР лучшим молодым ученым. Безусловно, приоритетом развития экономики республики на нынешнем этапе выступает активизация научного потенциала территории, заявленная одной из главных целей в стратегии социально-экономического развития КБР. Сегодня наметились перспективы для успешного инновационно-технологического прорыва в экономике КБР. И упустить этот шанс, конечно же, нельзя. Тем более что на федеральном уровне в этом году утверждена программа фундаментальных научных исследований, ориентированная на развитие всех направлений научных знаний с целью повышения значимости и востребованности их для экономики страны и ее регионов.

Коллективный интерес к народному фольклору со временем не ослабевает, – рискнем предположить, что он даже усиливается. Это обстоятельство вполне объяснимо: ведь Нартский эпос – культурный код черкесского народа. Он осмысливается и переосмысливается на разных уровнях сознания: начиная с детского, эмпирического, заканчивая индивидуальным художественным, столь искушенным, что может декодировать различные образы и сюжеты Нартиады в контексте истории и мировой культуры.

К интересным начинающим художникам слова можно отнести Фатиму Тхагапсову, которая на свой оригинальный лад создает художественный текст на основе Нартского эпоса. Один из ее сюжетов может начинаться в эпоху Нартов и заканчиваться в наши дни, не утрачивая актуальности и современного звучания. Автор прибегает к приемам фэнтези, смело перемешивая архаические и нынешние времена, события, нарекая своих персонажей именами героев и героинь, заимствованных из Нартского эпоса, с тем, чтобы углубить, сделать «выпуклой» важную художественную проблему, которая чаще всего носит морально-этический характер. Таким образом, Ф. Тхагапсова стихийно оказывается в рамках одного из типичных направлений современной черкесской русскоязычной литературы, которое во многом формируется на основах мифо-фольклорного наследия.

Характерно, что Фатима Тхагапсова не только художник слова, но и художник-график, декоратор и оформитель, тонко воспринимающий действительность через удивительно яркую тонкую призму национального, формируя свой неповторимый стиль, который можно было бы назвать наивный символизм.

Мадина Хакуашева

Как и все сказки на свете, повесть-сказка «Золотой Ян» о любви, дружбе, терпении и верности. Иными словами, о том, ради чего стоит жить.

ЗОЛОТОЙ ЯН

Повесть-сказка

Первая история родилась как подарок Яне на день рождения. Вторая – родилась специально для всех наших мальчиков. Затем стало очень обидно за Еву и Симону, и родилось продолжение. Но прежде... Родились мы, в белом доме на горе, Там, где белые собаки на дворе...¹

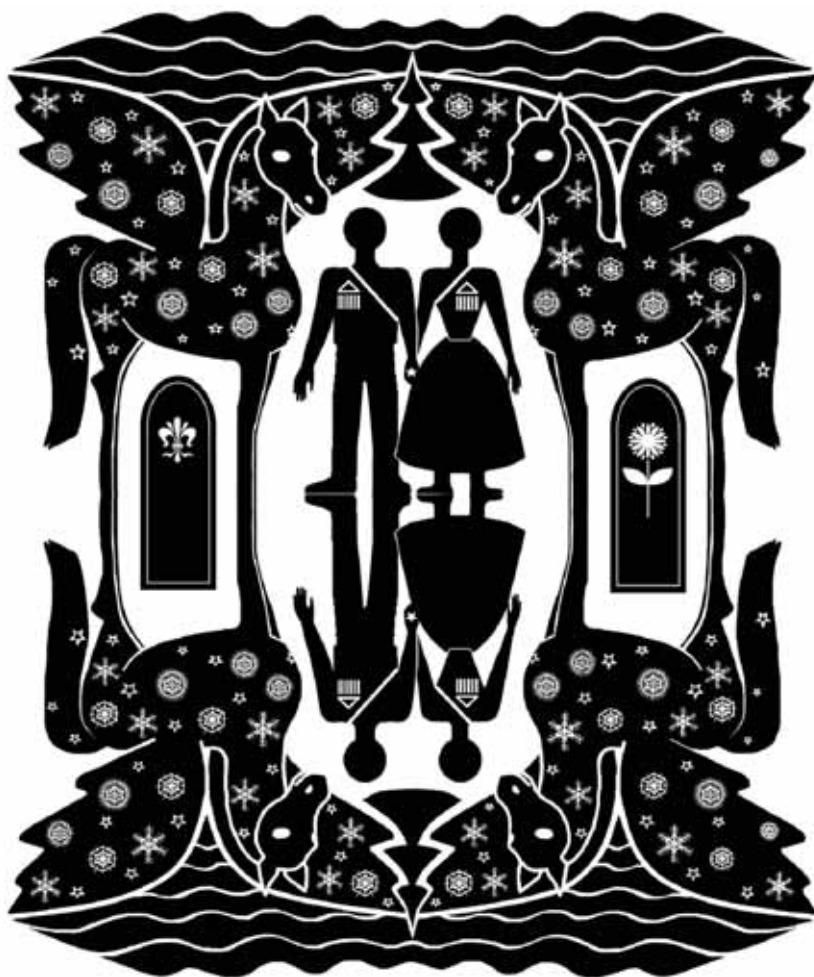

Рисунок автора

¹ По мотивам Наргского эпоса адыгов.

История первая. Про папу, маму и весь мир

Давным-давно в Северном Королевстве жила-была большая семья: папа Папочка, мама Мамочка и дети – Ян и Яна, Дин, Дан, Соня, Роза и Давид.

Семья жила на самой опушке дремучего леса, в красивом деревянном доме. И в семье, и в доме царил идеальный порядок. А все потому, что каждый трудился и учился, учился и трудился с раннего утра до самого позднего вечера. И никто не уставал, потому что занимался любимым делом. Каким таким любимым делом, спросите вы? У каждого оно было свое. Папа Папочка, например, любил творить и работать экскурсоводом, а мама Мамочка любила рожать и воспитывать детей, рукодельничать и изучать туркужинский язык ².

Как-то раз двурогий великан Иныж, живший в дремучем лесу, увидел счастливое семейство и тоже захотел жену и детей.

Однажды, когда Папочка с детьми отправились в город по делам, а Мамочка осталась одна, Иныж ворвался в дом и похитил её.

Вернувшись, Папочка с детьми увидели, что Мамочки дома нет, а на полу лежит окровавленная кружевная салфетка – мамино рукоделие. Поняли они, что случилась беда, и очень сильно опечалились. Дети плакали. Папочка тоже плакал, только никому не показал: он взял Мамочкину кружевную салфетку, вышел из дома и, присев на завалинке, долго орошал её слезами.

Так семья горевала до вечера. Вечером же решили, что папа пойдет искать маму, а дети останутся дома одни и будут хорошо себя вести.

Дети у Папочки с Мамочкой получились все прекрасно-разными и по характеру, и по способностям, и, хотя они вели себя как взрослые, на самом деле ещё никогда не оставались одни.

Поэтому, чтобы защитить их в своё отсутствие, Папочка применил так называемое снежное колдовство, после которого дом круглый год оставался запорошен снегом. Потом он взял немного еды в дорогу и ушел.

Совсем рядом с дремучим лесом и домом счастливого, но опечаленного семейства были и город, и деревня, в которых жило полно народу, однако после папиного снежного колдовства дом перестали замечать.

Зимой его не замечали, потому что все дома – что в городе, что в деревне – тоже стояли в снегу. А летом, взглянув в его сторону, люди

² Туркужинский язык – принятый в Королевстве язык межвидового общения. Туркужинский язык действует успокаивающе даже на тех, кто его не понимает. Иногда его называют языком мира, любви и согласия.

тут же отворачивались в испуге, полагая, что им мерещится: среди солнечного лета – дом в снегу. Это же невозможно!

И вот наступило первое после-мамино, без-папино лето, а дом, как и задумано по волшебному плану, остался укутанным в горы холодного снега. К вечеру снег подтаивал, а к утру снова нарастал. Снега нарастало много, поэтому утро начиналось с того, что кто-то из старших мальчиков расчищал дорожку перед дверью, чтобы остальные дети могли выйти из дома.

Как же выбирался из дома старший мальчик, спросит внимательный читатель, ведь дверь к утру заваливало снегом? Очень даже просто – он залезал в печь, затем по трубе выбирался на крышу, а оттуда скатывался, как с горки, прямо во двор! Поскольку кататься со снежной горки очень приятно, старшие мальчики устраивали между собой соревнования – кто первый проснется, тот и скатывается расчищать дорожку. К слову, обычно соревнования выигрывал Ян...

На самом деле заснеженный дом, двор и усадьба немного огорчали детей – кругом лето, им хотелось тепла. Но так складывались обстоятельства – приходилось терпеть. Зато они вволю играли в снежки.

Соседи и случайные прохожие, не верившие своим глазам и обходившие заснеженный дом стороной, тоже ничуть не страдали и не ущемлялись в своих правах.

Хуже обстояло дело с жаворонками и скворцами, бабочками и мотыльками, оленятами, альпятами и глупыми ящерками, которые влетали, вползали, влипали в снег и оставались в нем кто раненый, кто простуженный, а кто навек замерзший.

С раннего утра до позднего вечера дети метались с одного конца усадьбы к другому, влезали то на крышу, то на забор, вытаскивая из снега бабочек и жуков, и всех-всех, кто совал свои любопытные носики, хоботки и рыльца в папин волшебный снег.

Уже в первый волшебно-снежный летний вечер в доме был открыт настоящий лазарет, в котором дети лечили бедных зверушек.

– Так не пойдёт, – не выдержав, сказала Яна после очередного напряжённого спасательного дня, – надо найти папу, пусть отменит свое волшебство. Мы не можем допустить, чтобы из-за нас кто-то страдал.

– Но как же мы найдем папу? – отвечали дети. – Он ушёл в дремучий лес за мамой. Лес большой, а мы маленькие, и папу не найдем, и сами заблудимся.

– Да, вы правы. Ходить в дремучий лес очень опасно, но что делать? Мы не можем позволить им всем погибнуть, – ответила Яна, показывая на лежащих в кроватях раненых животных, – скоро обмороженных и простуженных бабочек и котят станет так много, что в доме просто не хватит для них места. Надо рискнуть.

– Тогда в лес пойду я, – заговорил самый старший мальчик Ян. Ян

был храбрым, сильным и всегда спокойным. Говорил Ян мало, но каждое его слово ценилось на вес золота. Это потому, что он сначала думал, потом говорил, а затем обязательно делал, что сказал.

Ян таким не родился, это со временем он выработал в себе новую черту характера. А когда привычка думать, а потом говорить в нем укрепилась и проявилась на деле, все стали звать Яна Золотым.

– Хорошо, – согласилась Яна, – только возьми с собой Розу, она знает туркужинский язык. В лесу без него не обойтись.

Этот разговор слышали больные зверушки, и они решили последовать за детьми в дремучий лес, чтобы помочь разыскать Папочку с Мамочкой и вернуть их домой.

Решили – сделали.

Бабочка, Пчелка и Ящерка спрятались в котомке Розы. Наутро, с восходом солнца, вся компания отправилась в страшный и опасный дремучий лес. Там с незапамятных времён жили малоизученные и совсем неприрученные двурогие великаны и драконы, злобные пещерные пинты и гномы, феи и еще множество представителей не только волшебных, но и волшебного диких, разумных и безумно неразумных существ. Среди них нам хочется выделить альпов³ и единорогов, плотоядных бабочек, мотыльков и людоморов⁴. А еще языкастый плющ, смеющуюся плетущуюся розу, плачущую глицинию и жутко кусачий мох.

Чем дальше заходили дети в лес, тем темнее в нем становилось, тем выше поднимались деревья, плотнее и гуще рос кустарник, все чаще под ногами попадался кусачий мох, обходить его становилось всё сложнее.

К вечеру дети вконец выбились из сил, но ни папы, ни мамы, ни подходящего места для ночлега так и не нашли. Роза начала хныкать. Тогда Ян усадил сестрёнку на спину, сказал «потерпи» и пошел дальше.

Всю ночь и ещё день шёл Ян по дебрям дремучего леса, пока к вечеру второго дня не вышел на поляну. На поляне дети увидели шалаш. Из шалаша вышла старая женщина. Ян с Розой поздоровались и попросились переночевать.

Старуха нехотя согласилась, но велела прежде наколоть дров, развести огонь, вымыть котел, натаскать воды, приготовить ужин, постирать и прибрать в шалаше.

Несмотря на усталость, дети выполнили все повеления старухи, не замечая ни ее грозных окриков, ни больших белых клыков, свирепо выглядывавших изо рта всякий раз, когда она что-то говорила.

³Альпы – вид крылатых коней, отличается от других видов крылатых коней редким умом и силой. Все альпы прекрасно говорят на туркужинском языке.

⁴Людоморы – особый вид комаров, обладает сварливым нравом и патологической склонностью к баловству. Понимает туркужинский язык, но из вредности не говорит на нем.

Пока Ян и Роза трудились на злую ведьму, а это была именно злая ведьма, от которой никто никогда живым не уходил, Бабочка, Пчёлка и Ящерка, никем не замеченные, вылезли из котомки девочки.

Друзья сразу поняли, что детям грозит опасность. Немного пошептавшись, Пчёлка улетела, а Бабочка и Ящерка, подкрепившись цветочным нектаром и ягодами, спрятались в траве недалеко от шалаша.

Выполнив повеления старухи, Ян и Роза поужинали и легли спать. Когда дети уснули, злая ведьма пробралась в шалаш, чтобы тоже подкрепиться – съесть доверчивых детей!

Но не тут-то было. Откуда ни возьмись, налетел огромный рой пчёл – это наша Пчёлка его привела. Чтобы не разбудить и не напугать детей, пчёлы потихоньку влетели в шалаш, залепили ведьме рот, вынесли ее на поляну и там с неистовым жужжанием набросились на жестокую старуху: сначала покусали её, а затем подхватили и унесли с собой в небо.

Когда пчёлы с ведьмой скрылись в вышине, Пчёлка отделилась от роя и вновь присоединилась к своим друзьям – Бабочке и Ящерке.

Наступило утро. Дети проснулись и вышли из шалаша. Не подозревая, от какой беды спасены, Ян и Роза позавтракали, радуясь, что злой старухи нигде нет. Отдохнув, они с новыми силами направились дальше, вглубь дремучего леса.

Но не прошли дети и половины дня пешего пути, как их ноги стали утопать в кусачем мху: сначала по щиколотку, затем до колен, потом и по пояс. Дети увязли во мху, словно в трясине. Мох кусал и жёг ноги, руки, всё, чего касался. Ян и Роза стали кричать и звать на помощь.

Все, кто слышал зов детей – птицы и звери дремучего леса, – бросились на помощь. Новые друзья тянули детей за руки, а внизу подо мхом трудились сородичи нашей Ящерки. Они освободили ноги Яна и Розы от пут кусачего мха и вскоре дети снова стали свободны.

Но порадоваться освобождению они не успели, на их крик из пещер вышли злобные пинты⁵, и если бы альпы не усадили детей на свои спины и не ускакали, им бы здорово досталось.

Злобные пинты жили в бесчисленных пещерах и катакомбах под дремучим лесом. Поговаривали, что на их рудниках день и ночь трудятся тысячи мальчиков и девочек, которых они то и дело похищают то тут, то там. Еще ходили слухи, что пинты похищают не только детей, но и альпов, заставляя их возить тяжелые вагонетки с рудой.

Правда это или нет, но страх попасть в плен к пинтам придал силы и альпам, и детям – они мчались прочь без усталости семь дней и ночей, пока не прибыли на Скалу двурогих великанов.

⁵Пинты – самоназвание древнего народа, произошедшего от гномов. Выносливы и трудолюбивы, не знают ни жалости, ни сострадания.

Но ни папы, ни мамы, ни даже великанов там не оказалось. То есть великаны-то были, но мёртвые. Они лежали вокруг догорающих островов. Огромные, с мохнатыми телами и рогами, великаны даже мёртвыми выглядели устрашающе. Вдруг из пещеры, расположенной прямо в скале, донёсся плач. Дети пошли на звук, и нашли детёныша великанов.

– Как тебя зовут? – спросила Роза, доставая из котомки кусочек сахара.

– Великанчик, – ответил малыш, который на самом деле по размеру в десять раз превосходил Яна.

Однако большой вовсе не значит – взрослый. Великанчик всего боялся. Но Роза заговорила с ним на туркужинском языке и погладила по шерсти. Великаний детёныш успокоился, подкрепился сахарком и рассказал, что произошло.

Так Ян и Роза узнали, что их мама жива, но тяжело ранена. И папа тоже жив. Родители находились в плену у великанов, когда на лагерь напал дракон. Дракон убил всех двурогих великанов, включая Иныжа, а Папочку и Мамочку унес с собой за тридевять земель.

– Это осталось от ваших родителей, – заключил свой рассказ Великанчик, доставая из угла пещеры окровавленную вязаную салфетку.

Дети расстроились и обрадовались одновременно. Расстроились от того, что мама с папой в плену, а обрадовались, потому что они живы и вместе.

– Мы их найдем и вернем домой, – сказал Ян.

Роза с благодарностью взглянула на своего брата. Она сказала Великанчику «узыншэуушыт», что означало на туркужинском «будь здоров, до свидания», на миг, глубоко вздохнув, обняла Золотого Яна, и дети тронулись дальше, на поиски своих родителей. Бесценное сокровище – мамину салфетку – Роза положила в свою котомку.

Долго ли коротко шли дети, а все же пришли за тридевять земель, туда, где жил дракон, и сразу увидели огромную яму.

Эта яма и была домом дракона. Когда дети заглянули в нее, дракон спал. Время от времени он изрыгал огонь, и дети разглядели в его свете, что папа с мамой тоже в этой яме.

Призадумались Ян и Роза: что делать, как спасти родителей?

Папочка, который сидел в яме, держа на руках раненую Мамочку, сразу увидел своих детей и тоже задумался.

Между тем, так и не замеченные детьми, Бабочка, Пчелка и Ящерка вылезли из котомки и стали размышлять о том, как помочь детям. Они недолго пошептались и Пчелка вновь улетела.

Ян и Роза еще думали, когда на горизонте появилось почти черное облако. Оно нарастало, приближаясь к яме дракона. Когда облако оказалось совсем близко, сначала Ян, а затем и Роза увидели, что это не облако вовсе, а пчелиный рой и внутри его... да! Это же та самая

старуха, злая ведьма, которая хотела съесть наших отважных, но доверчивых детей!

На миг рой завис над ямой. Наступила тишина. Затем пчелы, как по команде, разлетелись в разные стороны, и старуха с воплем упала прямо на голову дракона. Злая ведьма тут же стала бить, царапать и кусать его. Дракон так испугался, что сразу выскочил из ямы.

Наш Папочка, чтобы вы знали, дорогой читатель, был не только экскурсоводом и волшебником, но и большим специалистом по старым ведьмам. Увидев пчел и падающую в яму старуху, он сразу все понял. Ухватившись одной рукой за хвост дракона, другой рукой Папочка крепко прижал к себе Мамочку и тоже выскочил из ямы.

Дракон, обрадованный чудесному спасению от злой ведьмы, рассказал детям, как оживить Мамочку.

– Сердце вашей мамы пробито рогом великана, но ее можно спасти, – сказал он.

– Как это сделать? – спросила Роза, – что для этого нужно?

– Нужна вся кровь, которую она пролила при ранении и вся любовь, которую может дать ей ее муж – ваш папа. Смешав эти ингредиенты, смочите ими платок и приложите к ране. Если все сделано правильно, она оживет, – закончил свой рассказ дракон как раз в тот момент, когда Роза передавала своему папе окровавленную и омытую слезами кружевную салфетку.

Дети увидели, как Папочка нежно обнял свою дорогую супругу и приложил салфетку к ее ране.

Через минуту Мамочка глубоко вздохнула и открыла глаза.

– Папа, нам пора возвращаться, там Яна совсем одна с детьми, и дом надо расколдовать, – объяснил родителям Ян.

Все с удивлением посмотрели на него – так много Ян еще никогда не говорил.

И папа, и мама, и дети хотели как можно скорее вернуться домой, но не знали, как это сделать. Вдруг Пчелка подлетела к дракону и что-то шепнула ему на ухо. Дракон поднял к небу глаза и увидел над собой пчелиный рой. Он весь затрясся от страха, сказал:

– Нет, я не хочу снова в яму! – и вызвался отвезти счастливое семейство домой.

Дракон посадил всех на спину, взмахнул крыльями и уже совсем скоро папа Папочка, мама Мамочка и все дети – Ян и Яна, Дин, Дан, Соня, Роза и, конечно, Давид – снова были вместе.

Дом расколдовали, зверушек вылечили и отпустили. А большая семья снова зажила в любви и согласии, то есть счастливо. Чего и вам желаем.

История вторая. Как Ян стал Золотым

Папа Папочка и мама Мамочка не всегда были родителями и даже мужем и женой. Сначала они были детьми, жившими по соседству. Затем они выросли, став юношей и девушкой. Все это время их звали просто – Адам и Ева.

Адам и Ева всегда, сколько себя помнят, любили друг друга и потому хотели стать папой и мамой для кучи мальчиков и девочек. Хотели год, хотели два, а на третий поженились и зажили счастливо в красивом деревянном доме на опушке дремучего леса.

Неподалеку от их дома были город с королевским замком и деревня с большой площадью. Адам работал в городе волшебником и экскурсоводом, а Ева продавала на деревенской ярмарке свое рукоделие: расписных матрешек и кукол-невалышек, вязаные шапочки и варежки.

Так жили они и жили день за днем, год за годом, а детей все нет и нет. Затосковала Ева. Опечалился, приуныл Адам. Однажды, в канун Рождества, в дверь постучала горбатая старуха-бродяжка. Она попросилась в дом переночевать.

Всем известно, нельзя отказывать усталому путнику в зимнюю ночь, тем более перед Рождеством. Пустили в дом бродяжку.

Зашла она внутрь, и хозяева увидели, что не горб за спиной у бродяжки, а плетеная корзина с крышечкой. Взял Адам корзину старухи и поставил тут же, в сенях. А старуха тем временем сняла с головы большой мокрый платок.

– Почему ее платок мокрый? На улице мороз и снега по самую крышу, – подумала Ева, но промолчала.

Бродяжка между тем уже сняла тулупчик, затем кофточку, потом юбку и еще платье. Следом сняла жилетку, потом еще много всяких вещей и еще один платок.

– Сколько же на ней надето и все мокрое! – удивлялась Ева, молча складывая одежду ночной гостьи в углу сеней, рядом с корзиной.

Когда раздевания закончились, предстала бродяжка перед Адамом и Евой в одной белой сорочке. Оказалось, это вовсе не старуха, а молодая смуглянка с длинными косами. Да такая худенькая и глазастая!

А волосы не только длинные-предлинные и прекрасные-распрекрасные, но и мокрые-премокрые. И вода с них все бежит и бежит.

Ева с Адамом стали выжимать волосы смуглянки: крутят как белье, когда стирают вместе у реки, но вода все стекает и не заканчивается. Подставила Ева таз. Когда таз наполнился, Адам вынес его во двор, вылил воду. Вернулся в дом и снова подставил таз и тот снова наполнился. Снова и снова Адам выносил таз, а вода с волос все лилась и лилась.

Устала стоять, измучилась бедная бродяжка. Усадили ее на табурет и продолжили волосы выжимать, а не выжимаются – вода уже начала заливать пол.

– Что делать, дорогая, как нам справиться с этой бедой?– спрашивает Адам Еву, – так и нас совсем зальет, и девушке не поможем.

Приздумалась Ева, затем взяла ножницы и отрезала волосы бедняжке бродяжке под самый корень. Отрезала да и вышвырнула поскорее вон за дверь.

– Оххх, – не то облегченно, не то устало вымолвила ночная гостья и лишилась чувств.

Поднял ее на руки Адам – легкую, как пушинка – и уложил в постель. А наутро гостья умерла. Только испустила бедняжка дух, как в сених, где лежали ее вещи, раздался писк.

Ева с Адамом не успели опомниться от случившегося несчастья, а дом наполнился детским плачем – да таким звонким и призывным!

Адам и Ева сняли с корзины крышечку и открыли рты от удивления. Оказалось, в корзине бродяжки лежит малыш. Увидел мальчик их изумленные лица – а это был мальчик, карапуз, со складочками на ручках и ножках – заулыбался, засиял так, что вместе с ним засиял новыми красками весь мир. Сени, горница, весь дом, рождественская ёлка и цветы на подоконнике, Адам и Ева, кошка и собака, курочка, козочка и даже мыши – всё вдруг оживилось и засияло.

– С Рождеством, дорогая, – только и сказал Адам.

– С Рождеством, дорогая, – повторил, смеясь, карапуз.

Удивились Адам и Ева и обрадовались, что волшебства в Северном Королевстве прибавилось.

Не знали они, что волшебное время только начиналось.

Вот открыла Ева дверь, чтобы выйти во двор, и ахнула. Зимняя стужа сменилась летним теплом, а волосы ночной гостьи, выброшенные ночью за дверь, превратились в невиданное в Северном Королевстве растение. Оплели двор живой изгородью дивные лозы с завитками, лепестками и гроздьями диковинных ягод. Назвала Ева растение Живая Изгородь. Но позже, когда научилась делать из него вино, переименовала в виноград.

Едва Адам и Ева опомнились от увиденного, пошли в комнату, где лежала мёртвая бродяжка. Но в кровати её не оказалось. Только голубая роза, прекрасней которой не было в целом свете, сияла на белых простынях.

Шло время. Специальным указом Королевства малышу дали имя Ян. Адама и Еву тем же указом назначили родителями, а миссис Карлсон – опекуной.

Да, мы ещё не успели сообщить – Северное Королевство славилось особым отношением к детям. С незапамятных времён считалось, что в детях будущее Королевства. Король и подданные Королевства так и говорили: дети – наше будущее, дети – наше богатство, дети – цветы жизни.

Вот почему у каждого ребенка обязательно имелись опекун или опекунша. Мало ли какие родители попадутся – родителей-то не выбирают. Но, как мы убедимся позже, и с опекунами не всё так просто.

Ох, и сложная же эта жизнь – нет единых правил на все случаи.

Итак, после появления в доме маленького Яна жизнь семьи вошла в новую колею. И хотя забот у Адама с Евой прибавилось, они были счастливы. Адам много трудился в городе, Ева дома, с Яном и миссис Карлсон.

Опекунша Яна миссис Карлсон оказалась большой, толстой и амбициозной. Она считала себя умной, а сама не знала туркужинский язык – язык мира, любви и согласия. Не знала туркужинский и, тем не менее, всё время, без умолку, говорила. А Ян всё время слушал и повторял её слова. Думать он пока не умел, только повторять.

Повторять чужие слова легко – Ян умел это с рождения.

Как и положено, в приличной сказке, Ян рос не по дням, а по часам. Вот он уже ходит, вот уже читает, вот и песни поёт, вот и говорит. Только думать никак не научится: всё ходит за миссис Карлсон хвостиком и... повторушкой.

А миссис Карлсон словно того и надо – она все раздувается и раздувается, то ли от чувства собственной важности, то ли ещё от чего не очень хорошего. Миссис Карлсон раздувается, а вместе с ней раздувается и наш повторушка Ян.

Что делать? Ева смотрит на них, беспокоится о сыне, а спросить совета не у кого – Адам работает в городе и соседи далеко, потому что дом на опушке. И вот однажды, когда Ева работала в саду, к ней подошли миссис Карлсон с Яном, и мальчик, явно повторяя за кем-то, сказал на Еву:

– Глупая, ленивая, худющая уродина!.. – и так далее, и тому подобное.

– Оххх, – только и вымолвила Ева, лишаясь чувств.

В это самое время отворилась калитка, с работы вернулся Адам. Наш Адам, к слову сказать, уже тогда был большим специалистом по старым ведьмам и плохим опекуншам. Он сразу понял, что происходит, тут же подошёл к миссис Карлсон и без всяких там волшебных палочек, тихо так и спокойно, на родном туркужинском языке, естественно, произнёс заклинание.

– ХьумпІэцІэджьым и кІуэдыжыгъуэмдамэкъыточІэ!⁶ – сказал он.

Кстати, заклинания действуют только тогда, когда их произносят тихо и спокойно. Точнее, в тишине. Между словами «тихо» и «в тишине» – колоссальная разница, дорогой читатель. Так вот, в тишине.

Есть ещё один секрет успеха заклинаний. Но об этом можно не говорить – каждый сам его раскрывает. Пока этот секрет не раскрыт, любое заклинание остается пустым звуком.

Итак, после заклинания Адама, миссис Карлсон раздулась как большой шар и улетела, точно как тетка Дадли⁷. А Ян напротив, сразу сдулся и снова стал прекрасным мальчиком. Он вдруг понял, что натворил своими чужими словами и тут же попросил у Евы прощения.

– Мамочка, прости меня, я больше так не буду, – впервые в жизни подумав, сказал он.

И как приятно оказалось думать!

Потом, повернувшись к Адаму, сказал:

– И ты, Папочка, прости меня, я больше так не буду.

Так Адам и Ева – тоже впервые – стали Папочкой и Мамочкой. Они очень обрадовались этому и сразу простили своего сыночка.

А Ян с тех пор больше молчал, чем говорил, особенно в присутствии старших. Никто бы его не смог втянуть в разговор о том, в чем он не разбирался. И самое главное, он больше никогда не повторял чужие слова, из каких бы авторитетных источников они ни исходили – только свои собственные.

Вот так Ян и стал Золотым. Чего и вам желаем.

История третья. Тифанна

Это было время, когда миссис Карлсон уже улетела, а Дин, Дан,

Соня, Роза и Давид ещё не родились. В тот год в Северном Королевстве зима началась в середине лета.

Накануне вечером Адам с приемным сыном Яном, которого зовут Золотым, легли спать во дворе, под сенью виноградуника. Среди ночи Адам

⁶ У муравья перед концом отрастают крылья – черкесская пословица.

⁷ Персонаж из «Гарри Потера» Дж. Роулинг.

проснулся от наступившей вдруг тишины. Семья жила на самой опушке дремучего леса, и ночи здесь многоголосые: то глициния заплачет, то людоморы затеют перебранку, то чей-нибудь детёныш убежит из дома, а за ним – всё семейство с криками и топотом десятка копыт.

Адам давно привык к шуму леса и вдруг это абсолютное, полное безмолвие: ни звука, ни шороха, ни дуновения ветерка.

Из дома вышла Ева:

– Дорогой, что происходит?

– Папочка, Мамочка, – Ян тоже проснулся.

Адам с Евой подняли головы к небу, а оттуда хлопьями размером с крикетный мяч опускается снег, много снега.

Наступил рассвет, а снег все идёт и идёт, засыпая неубранные поля, покрытые обильной листвой и плодами дерева, цветы, дома и дороги. Ближе к обеду ударил мороз, невиданный ранее даже в Северном Королевстве.

В Королевстве тут же объявили мобилизацию всех сил. Начали создаваться спасательные группы, в королевском замке открылся лазарет для обмороженных, развёрнуты полевые госпитали, кухни, созданы пункты временного проживания попавших в зиму.

Адам с группой волшебников-спасателей уехал в дремучий лес, где возвели гигантские острова-ангары и собрали в них утерянное за ночь тепло. Вскоре под сенью ангаров оказались и выжившие обитатели дремучего леса.

Когда спасательные работы подошли к концу и к преждевременному холоду и снегам стали привыкать, Адам заехал домой. Он распряг альпов и вместе с Яном повел их в стойло. Тем временем Ева перенесла из саней в дом несколько раненых зверьков. Затем она приподняла войлочный плащ Адама и, вскрикнув, тут же отпрянула.

– Пожалуйста, не трогай это, – попросил Адам, возвращаясь к саням. Он сам занес в дом войлочный сверток, внутри которого оказался продолговатый камень. Адам положил камень возле печи и запретил домочадцам к нему прикасаться.

В первую же ночь семья проснулась от шума, который исходил от камня. Он на глазах менял цвет, рос и словно дышал. Целых девять месяцев камень рос и краснел, шумя, ёрзая и даже извиваясь как червячок.

А потом, когда камень стал совсем красным и достаточно большим Адам позвал бога-кузнеца Сеппо Ильмаринена.

– Что за чудо?! – воскликнул Ильмаринен, увидев дышащий камень, и тут же понес его к себе в кузню, которая находилась недалеко от деревенской площади.

Весть о чудесном камне разнеслась по деревне и её жители собрались возле кузни, чтобы взглянуть на него. По законам Королевства обо всем

чудесном полагалось докладывать королю, так что деревенский староста отправил в королевский замок гонца. Король, которого звали Тифанн, внимательно выслушал донесение о чудесном камне и велел держать его в курсе события.

К слову, в Северном Королевстве мало законов, но исполняются они неукоснительно.

Тем временем в кузне кипела работа. Семь дней и ночей Ильмаринен стучал по камню могучим молотом. Наконец камень треснул, и бог-кузнец клещами вытащил из сердцевины камня девочку. Девочка пылала, как раскалённый булатный меч на наковальне. На её голове, плечах и спине росли густые длинные волосы.

Появление из камня волосатой девочки вызвало у собравшихся бурю восторгов и удивления.

– Ах, какое чудо! Ох, какая неожиданность, – говорили они...

Что же так удивляло жителей Северного Королевства?

Чтобы ответить на этот вопрос, оставим ненадолго наших героев и поговорим о северных королях, которые правили Королевством. И, поскольку это очень важная часть нашего повествования, начнём с главного, то есть с начала.

Итак, кто они, северные короли, и откуда? Предание гласит, что северные короли являлись отдельным видом существ, наделённых божьей искрой. Существовала также гипотеза, что они не носители божьей искры, а боги. И, поскольку все обитатели Северного Королевства равны перед ними, те и воплощались в кого хотели.

Так или нет, но за всю историю существования Королевства только один северный король родился в королевском замке, в семье придворного учителя фехтования. Были короли, рожденные в доме пасечника, в семье волшебника. Король мог родиться в любом доме и любой семье Северного Королевства, более того – где угодно, включая пещеры, берлоги или норы дремучего леса.

И, соответственно, у кого угодно. Да, история знала королей, рожденных не только женщиной, но так же оленихой, медведицей, самкой тюленя и моржихой. Были короли, вылупившиеся из яйца чайки, голубя и даже неизвестного происхождения, найденные в капусте и кустах боярышника. И вот теперь новый чудесный случай – появление на свет претендента на северный престол из камня...

Разнообразие явленных народу северных королей всякий раз восхищало и радовало королевских подданных. По их мнению, это гарантировало бережное отношение сильных к слабым, уравнивало в правах малочисленные виды с доминирующими, повышало ответственность перед будущими поколениями за сохранение видового разнообразия и создание одинаковых условий развития всех обитателей Королевства.

Мы не беремся судить, насколько в долгосрочной перспективе этот эксперимент удался, ибо ошибок не избежали и там. Но всё же отметим стремление глубинного народа Северного Королевства к гармонии.

Несмотря на такое внешнее и даже видовое разнообразие северных королев, они имели ряд общих отличительных признаков. Первым из них являлась так называемая печать богов Севера – огромная копна волос, настоящая грива, моментально выделявшая северного короля из общего ряда.

После узнавания в новорождённом нового короля, то есть фактически сразу, его забирали в королевский замок, где начиналось обучение правилам этикета и чисто-преданному служению интересам общества.

Спросите, что значит чисто-преданное служение интересам общества?

Например, короли и министры некоторых стран могут взять из государственного музея бриллиантовое кольцо и отдать своей жене или дочери, или купить на деньги народа своему сыну машину, яхту, самолет и даже целый город. Или, злоупотребив властью, передать контракт не достойнейшей компании, а компании своей снохи, или назначить бездарного зятя министром образования, например. И так далее.

Вот такого безобразия в Северном Королевстве никогда не было. Во-первых, по причине соответствующего воспитания королев, а во-вторых, из-за ещё одного отличительного признака королевской власти – врождённой неспособности иметь семью, жену, детей и родственников вообще. Все Королевство становилось семьей короля, обо всех подданных он заботился одинаково чисто, преданно, бескорыстно и справедливо.

Кроме гривы и неспособности иметь семью, проявлявшейся позднее, имелись еще две особенности. Так, гневаясь, северный король не кричал, не топал ногами и даже не казнил, но издавал нечеловеческий рык, и всё сразу приходило в равновесие. Кстати, рык был самопроизвольным, не подвластным даже королю. Он рождался в глубинах королевского существа и выходил на поверхность когда и как хотел, по своему усмотрению.

Именно поэтому все без исключения северные короли вели себя скромно, хоть и с подобающим сану достоинством. Они считали, что являются всего-навсего выразителями, точнее даже носителями воли богов.

И, конечно, король с рождения говорил на туркужинском языке. Обычно знание туркужинского языка проявлялось вторым из перечисленных признаков. Нелишне, наверно, напомнить, что туркужинский – очень важный язык межвидового общения – являлся языком мира, любви и согласия. Даже тот, кто не понимал этот язык, оказывался под его магическим воздействием, стоило на нём заговорить.

Чтобы окончательно признать в новорождённом короля, требовалось наличие всех королевских признаков – это грива, врождённое знание туркужинского языка, неспособность иметь семью и самопроизвольный рык. Поскольку не все качества проявлялись одновременно, устанавливался переходный период.

Необходимо также отметить, что отсутствие хотя бы одного из признаков тут же лишало претендента права на королевский престол. Данное положение предусматривалось законодательно, однако ещё ни разу не применялось.

Итак, первым признаком будущего северного короля являлась густая шевелюра. Когда в Северном Королевстве рождался очень, чрезвычайно волосатый малыш, все думали, что родился новый король.

Вернёмся теперь в кузню.

Чтобы остудить тело новорождённой, бог-кузнец Ильмаринен взял девочку клещами за бока чуть ниже рёбер, вынес из кузни и опустил в прорубь. Семь раз погружал он малышку в воду. Когда тело ребёнка остыло, а кожа стала розовой, как у всех младенцев, Ева попыталась взять девочку на руки, но тут её постигла неудача – малышка оказалась очень тяжёлой!

– Она словно каменная, – сказала в отчаянии Ева.

– Точнее, булатная, – улыбнулся Адам.

– Но как же я буду о ней заботиться, когда и поднять не могу? – не унималась Ева.

Адам успокаивающе обнял супругу и с лёгкостью взял девочку на руки. С тех пор именно Адам заботился о ней. С появлением в семье второго ребёнка он стал больше, чем просто отец, хотя и меньше, чем просто мать.

После рождения из камня огненной малышки жители Королевства спрашивали себя и друг друга: кто эта загадочная девочка и какова её судьба? Какой она станет королевой и как скоро? Долгими зимними вечерами, в уютных домах Королевства, сидя за чаем с вареньем, благословенные подданные Королевства любили поговорить о чудесной девочке.

И, что скрывать, они радовались ее появлению. Хотя, с другой стороны, и печалились. Радовались, потому что еще одним волшебством в Северном Королевстве стало больше, а печалились о короле Тифанне, поскольку появление волосатой малышки могло означать скорый уход Тифанна, а он был ещё так молод и хорош собой!

Однако «скоро» вовсе не означает «сразу»...

Как-то вечером к нашему семейству явился король Тифанн.

– Как вы знаете, малышей со столь явным признаком королевской власти принято забирать на воспитание в замок. Но сердце мое противится этому, а потому я оставляю девочку у вас. Кроме того, я намерен лично стать её опекуном, таким образом приняв на себя ответственность за столь грубое нарушение одного из древнейших законов королевства о порядке воспитания и образования королевских особ. Как король и опекун, я также желаю назвать малышку Тифанна.

– Но мы уже дали ей имя Яна, – Ева вышла немного вперед, обойдя Адама, и посмотрела королю прямо в глаза.

– Ну что ж, назовем ее Яна-Тифанна, – заключил король Тифанн.

На том и решили. Даже Ева, избалованная покровительством своего мужа-волшебника, знала, спорить с королями бесполезно.

В следующие семь дней именинницу осыпали подарками, среди которых можно выделить широкий булатный пояс работы Сеппо Ильмаринена.

– Насколько я могу судить, – сказал Ильмаринен, – Яна-Тифанна может стать отличным воином. С таким телом не страшен никакой враг. Я закалил её, как закаляют самый прочный булат. Вот только в тех местах, где держал ее щипцами, тело осталось незакалённым. Кто знает, что боги уготовили Яне, и зачем ей такое тело? Пусть побережёт себя и носит этот пояс – он её защитит.

Адам принял подарок кузнеца с благодарностью.

Золотой Ян, выглядывая из-за широкой спины отца, думал: ей не нужно воевать, я сам буду её защищать...

С появлением Яны-Тифанны благословение богов снизошло на семью Адама и Евы и у них стали рождаться свои дети, один прекрасней другого: Дин, Дан, Соня, Роза и, конечно, Давид

История четвертая. Пояс Яны

Яна-Тифанна – иногда, для удобства, мы будем звать её просто Яной

– уже немного подросла, когда с её плеч и спины стали опадать волосы. Теперь они росли только на голове и по-прежнему больше напоминали гриву. Тяжелые волосы росли так густо, что приходилось их отрезать под мальчишку.

К тому времени как Яна начала ходить, Золотому Яну исполнилось достаточно лет. Он любил названную сестрѐнку и с радостью заботился о ней, пока Мамочка рожала своих детей, одного за другим. С рождением новых детей в доме на опушке леса появились кухарки и горничные, а также королевские учителя и воспитатели.

Шло время. Младшие дети подрастали. Настал момент, когда Дин, Дан и Соня спросили у родителей, почему Золотой Ян каждый день ходит в деревенскую школу, в то время как к Яне-Тифанне учителя приезжают на дом в королевской карете? Они также не понимали, почему Яну обучают верховой езде и фехтованию, а Золотого Яна только бизнесу и ремеслу.

– Мы тоже пойдем в школу или дома останемся, как Яна-Тифанна? – спрашивали они.

Вопросы детей сыпались на родителей каждый день. Адам и Ева по-

няли, что не смогут объяснить им, чем Яна отличается от остальных детей, и почему её обучают придворные учителя.

Ева, со свойственной ей прямоотой, сказала о своих опасениях королю Тифанну в первый же его визит. И король согласился, что действительно возникла щекотливая ситуация – нарушался один из основополагающих принципов Королевства о безусловном равенстве прав несовершеннолетних независимо от социального статуса родителей. И хотя образовательные стандарты отличались высоким уровнем по всему Королевству, всё же король решил предоставить остальным детям право выбирать, по какой программе обучаться.

Дети выбрали учиться вместе с Яной-Тифанной по программе королевского чисто-преданного служения обществу. Король Тифанн из личных средств оплатил дополнительные расходы на обучение, таким образом, ещё раз подтвердив принятые на себя обязательства и ответственность.

Так незначительное нарушение одного закона, предписывавшего забрать будущую королеву в замок, там воспитывать и обучать её премудростям королевской жизни, повлекло в итоге столько последствий.

Не успели разобраться с учёбой детей, как возникла ещё одна проблема. В какой-то момент проявился особенный, романтический характер взаимоотношений Золотого Яна и Яны-Тифанны.

Да что там, скажем, как есть – дети полюбили друг друга.

Означал ли проявившийся у Яны в столь юном возрасте дар любви, что она не северная королева, но обыкновенная девочка необыкновенного происхождения?

Ответ на этот очень серьёзный вопрос требовалось найти незамедлительно, чтобы не сломать судьбу Яны. Тут же созвали семейный совет с участием короля Тифанна, на котором решили: Яна по-прежнему получает вместе с детьми королевское образование и воспитание, но теперь оно дополняется уроками одуванчиков. Так называлась в Северном Королевстве программа семейного воспитания несовершеннолетних.

– Совершенно справедливо поступить именно таким образом, – сказал удовлетворённо король Тифанн, – остальные ваши дети получают уроки одуванчиков, пусть же и Яна-Тифанна обучается наравне с ними искусству любить и создавать семью.

Чтобы наверстать пропущенные уроки одуванчиков, влюблённых с их согласия решили обручить. Ян и Яна летали от счастья. В честь обручения, мальчик сделал на булатном поясе возлюбленной серебряное покрытие, украсив его орнаментом, напоминающим завитки, ягоды и лепестки винограда.

А что же Яна? Что она подарила Яну?

О, она забыла приготовить Яну подарок!

Девочка немного расстроилась от этого. Затем подумав, лёгким дви-

жением руки вырвала из стоявшего на подоконнике горшка голубую розу и протянула её Яну.

Тихий стон голубой розы пронзил сердце Золотого Яна...

Протягивая суженному свой подарок, девочка улыбалась. Но из её мгновенно покрасневших глаз по всей комнате разлетались огненные искры.

История пятая. Важная Дама

В Северном Королевстве было много обитателей. К слову, не все они признавали законы Королевства и считали себя его подданными. Если в городах и деревнях жили люди – законопослушная опора королевской власти, то в лесу и вдоль рек, по берегам озёр и морей, в горах и в пещерах обитали существа, которыми не то что управлять... сосуществовать с ними стоило значительных усилий! Это были двурогие великаны и огнедышащие драконы, злобные пинты и еще множество существ не только волшебных, но и волшебного диких, разумных и безумно неразумных. Так или иначе, но каждый из них принадлежал к какому-нибудь виду, имел своё племя, образ и отличие.

Только Важная Дама не походила ни на кого – не человек и не великан, не пинт, не эльф и, явно, не бог. Высокая, но не крупная, изящная, но не хрупкая, с длинными чёрными волосами, собранными в тугую низкий узел, она была прекрасна. Образ не портили даже слегка заострённые уши. Что касается больших чёрных – без белков – глаз, казалось, они бездонны, казалось, в них отражаются все звёзды мироздания, небо, каким видишь его в ясную ночь, казалось, в них живет сама тишина.

Никто и никогда не слышал голоса Важной Дамы. Никто, даже король, не знал, где она живёт, откуда появляется и куда исчезает. При этом всегда, когда возникала в том необходимость, Важная Дама оказывалась рядом. Многие сравнивали её с тенью, однако она появлялась независимо от того, светит сегодня солнце или идет дождь, стелется по земле туман или метет пурга.

Наверно, сравнение с тенью возникало потому, что Важная Дама всегда была в чёрном. Она носила чёрную амазонку, восседая на чёрном альпе под чёрным седлом – на прогулке. На королевском балу вы увидели бы на ней чёрное платье с глубоким декольте и длинным шлейфом, а в дремучем лесу – мужскую одежду непременно чёрного цвета, с широким коротким мечом и узким длинным кинжалом на поясе.

Это пока все, что можно рассказать о Важной Даме. Мы и сами с ней едва знакомы. Так что, давайте-ка, вернёмся к нашим героям.

В тот вечер, когда Яна так легкомысленно сорвала голубую розу, бесценную память о матери Яна, случилось нечто невероятное и чрезвычайное опасное для здоровья и жизни всего большого семейства.

Сначала, увидев в руках любимой розу матери, Ян растерялся и рас-

строился. Но в следующую минуту он о ней забыл. Тело Яны раскалилось и прямо на глазах испепелило одежду, засияв золотым с красными переливами светом. Во все стороны полетели искры. Искры сыпались из груди, лба, темечка и даже ладоней Яны. Она стояла посреди комнаты, поднимая к лицу сначала одну, затем другую свою ладонь и рассматривая их. Затем она, поворачивая голову, искала глазами Яна.

Ян же тем временем метался по комнате, гася воспламенявшиеся от искр вещи. Девочка, без сомнения, сожгла бы дом, не подоспей вовремя Адам. Он облил её водой, которая тут же с шипением испарилась, накрыл войлочным плащом-буркой и затем вместе с Яном вынес на улицу.

Чтобы остудить раскалившееся тело девочки, отец с сыном спустились к реке. Они положили свою ношу на лёд и лёд растаял. Меж зимних берегов потекли весенние воды. Ещё миг, и по берегам зазеленела трава, распустились цветы, наполнив воздух своим ароматом.

Несмотря на ужас произошедшего, мужчины и всё подоспевшее семейство с невероятным восторгом наблюдали происходящее. Вскоре из воды показалась голова Яны. Прозрачные воды реки свидетельствовали о том, что тело девочки остыло...

После воспламенения Яны жизнь большой семьи изменилась: Дин, Дан, Соня, Роза и Давид были отправлены на постоянное место жительства и учебу в королевский замок.

А потом не только в семье, но и во всем Королевстве наступили трудные времена. Пещерные пинты – многочисленные и свирепые – вышли из дремучего леса и попытались захватить город.

Началась война.

С большими потерями среди мирного населения город удалось отстоять. Король Тифанн с войсками, Адам с отрядом волшебников-спасателей, тесня пинтов назад к пещерам, продолжили боевые действия уже в дремучем лесу.

Если есть в мире – даже сказочном – что-то однозначно плохое, то это война: будь то война между государствами и народами, соседями или родственниками, такое ведь тоже бывает.

Отсутствие Папочки наша Мамочка приуныла, затосковала. Её бесно-голубые глаза – такие спокойные и любящие – всё чаще становились печальными. Поделки, которые она мастерила и разрисовывала – матрёшки, куклы-неваляшки, гномы и эльфы – больше не улыбались.

Яна тоже изменилась: она всё чаще искрилась, задирала торговок на ярмарочной площади, била деревенских детей и перестала помогать по дому. А суженого словно не существовало. Ян не раз пытался пробить стену отчуждения, выроставшую между ним и его наречённой. Однажды вечером он окликнул Яну, желая с ней поговорить...

Продолжение следует

В номере:

<i>Хасан Шаваев. Земной ад. Повесть</i>	4
<i>Людмила Шауцукова. Перезагрузка. Рассказ</i>	38
<i>Леонид Фомин. Направления. Рассказ</i>	58
<i>Наталья Шинкарева. Ахиллесова пята. Шива по-светски. Рассказы</i>	74
<i>Сусана Чолакова. Дед Мороз в тибетейке. Мулла... Рассказы</i>	83
<i>Олеся Шереужева. Новогодняя история. Рассказ</i>	102
<i>Мадина Хакуашева. Особенности поэтического стиля... Статья</i>	106
<i>Дарья Шомахова. Стихи</i>	112
<i>Алан Рамонов. Стихи</i>	118
<i>Мухамед Хафицэ. С солнцем в крови. Статья</i>	122
<i>Михаил Аджук-Гирей. Поиски богов. Гл. из романа</i>	133
<i>Виталий Еришов. Черкесский мир М. М. Хафицэ. Рецензия</i>	140
<i>Фатима Озова. Рецензия на книгу М. Хафицэ</i>	144
<i>Омар Беккиев. Рассказ егеря. Рассказ</i>	149
<i>Амина Кудаева. Тембот Кимов – полковник, поэт, драматург. Очерк</i>	155
<i>Жаухар Аппаева. Бескорыстное служение людям. Очерк</i>	161
<i>Пишкан Таов. Научный потенциал – на службу экономике республики.</i> <i>Статья</i>	166
<i>Фатима Тхагансова. Золотой Ян. Повесть-сказка</i>	171

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 17.01.2022. Подписано к печати 04.02.2022.
Выход в свет 28.02.2022. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 831 экз. Заказ №288. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.
Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» —

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и неравнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.
Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП
«Почта России» — 35,03 руб., за 6 месяцев — 105,09 руб.,
за год — 210,18 руб.

В розницу — цена свободная.

Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-03-24; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

8

МАРТА

*Поздравляем наших дорогих
читательниц с праздником
Весны, Красоты и Любви!*